

ПОВОЛЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

XX ВЕК И РОССИЯ: общество, реформы, революции

ВЫПУСК 3

САМАРА

2015

УДК 94(47)083.5

ББК 63.3(2)5+
63.3(2)6

XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 3. – Электрон. дан. – Самара, 2015. – Режим доступа: <http://sbornik.lib.smr.ru/>

Редакторы-составители:

д. и. н. С.М. Исхаков, к. и. н. А.В. Калягин, к. и. н. В.И. Гольцов,
к. и. н. Н.М. Малкова, к. и. н. В.Ю. Морозов

Третий выпуск сборника содержит статьи и материалы, отражающие развитие российского общества в XX столетии.

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей России.

знак информационной
продукции

12+

ISBN 978-5-4259-0301-3

© Авторы публикаций, 2015

© Самарская областная универсальная научная библиотека, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи

- Безгина О.А. (Тольятти)** – Развитие кооперативного движения в дореволюционной России: историография вопроса 6
Дается историографический анализ развития кооперативного движения в дореволюционной России. Выделены этапы и характерные черты историографии отечественного кооперативного движения.
- Гусева Ю.Н. (Самара)** – Мусульманская «секта» ваисовцев в документах Восточного отдела ОГПУ начала 1920-х годов 36
Анализируются оценки деятельности мусульманской «секты» ваисовцев в первые постреволюционные годы, содержащиеся в материалах Восточного отдела ОГПУ.

Сообщения и заметки

- Мацевский Г.А. (Краснодар)** – Российское казачество в политических событиях начала XX века 47
Освещается участие российского казачества в политических событиях начала XX в., его стремление возродить казачью «самостийность» и желание быть уравненными в правах с остальными группами населения. Отмечается недовольство казачества привлечением его властью к выполнению полицейских функций.
- Стёпочкина Е.В. (Самара)** – Организация снабжения и обеспечения армии в Самарской губернии во время Первой мировой войны 58
Показаны организационная структура и направления деятельности военно-промышленных комитетов и иных организаций Самарской губернии по снабжения армии в годы Первой мировой войны.
- Морозов В.Ю. (Самара)** – Политика и кадры. (На опыте Самарского губернского совнархоза в 1918–1922 гг.) 66
На примере Самарского губернского совета народного хозяйства рассматривается политика подбора кадров для органов управления промышленностью в период 1918–1922 годов в контексте идейно-политических представлений власти.

- Ченская Т.В.** (Орёл) – Крестьянские настроения 1920-х годов через призму отношения к международным событиям (по материалам информационных сводок Орловского ГПУ) 82
Через восприятие Орловским крестьянством международных событий показано изменение его настроений и отношения к советской власти в 1920-е годы в сторону усиления недовольства и враждебности.

- Хакимов Р.Ш.** (Челябинск) – Собственность религиозных общин и ее трансформация в советский период (на примере мусульманских общин Урала) 88
На материалах уральского региона прослеживается политика советского государства в отношении собственности мусульманских религиозных общин. Выявлен дискриминационный характер этой политики, направленной на подрыв экономической основы существования религии.

Первые шаги в науке

- Субботина Е.С.** (Пермь) – Участие мобилизованных немцев в обеспечении фронта (по материалам Молотовской области) 96
Рассмотрены различные виды помощи фронту, осуществляемые советскими немцами, мобилизованными в «трудовую армию» в Молотовской области, в 1942–1945 гг.

Свидетельства и документы

- «По чьему-то великому и преступному недомыслию...» (Турецкие военнопленные в Самаре, 1915 год) 104
Подготовка публикации – **Зубова О.В.** (Самара), **Калягин А.В.** (Самара)
- Яков Михайлович Байдюков: письма с фронта 137
Подготовка публикации – **Малкова Н.М.** (Самара)
- Научная сессия, посвященная 50-летию Великого Октября. (Из стенограммы заседаний) 149
Подготовка публикации – **Исхаков С.М.** (Москва), **Калягин А.В.** (Самара), **Тютюкин С.В.** (Москва)

Редкое издание

Фронт. 1918–1919 (из очерков Ларисы Рейснер) 194
Подготовка публикации – ***Александров А.В.*** (Самара)

Книжная полка

Из поступлений в Самарскую областную универсальную научную библиотеку 227

Безгина Ольга Анатольевна

кандидат исторических наук

Тольяттинский государственный университет

РАЗВИТИЕ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА*

Кооперативное движение России – уникальное явление социально-экономической жизни конца XIX – начала XX в. Проблемы развития кооперативного движения в нашей стране получили широкое освещение в научной литературе. Написано большое количество трудов, в которых рассмотрено развитие количественных и качественных составляющих кооперативного движения.

На протяжении более чем вековой истории отечественная историография кооперативного движения проделала сложный путь, колебания которого определяли как качественные изменения в жизни российского общества, так и влияния политической конъюнктуры.

Первый этап в изучении кооперативного движения в России пришелся на пореформенный период. Идея кооперации появляется в сознании русского общества в первой половине 1860-х гг. благодаря публикациям популярных журналов и разнообразных экономических сочинений. Интерес к кооперации охватил представителей многих течений общественной мысли, исповедовавших разные взгляды и представления о будущем устройстве страны. Это был процесс осмысления и самой кооперации как социально-экономического феномена, и попыток ее реального воплощения в жизнь. Как писал историк кооперации и ее активный участник М.Л. Хейсин, «в 60-х годах общество было охвачено стремлением к общественной деятельности. Все европейские учения широко распространялись среди тогдашней интеллигенции. А в Западной Европе в это время идеи кооперации

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ: проект № 15-11-63003.

пользовались большим вниманием. Это и толкнуло интеллигенцию высших классов на организацию кооперативов»¹.

Процесс теоретического осмысления кооперации в России происходил на основе аккумуляции идей как зарубежных, так и отечественных исследователей. Первоначально тему кооперации под влиянием теорий Р. Оуэна и Ш. Фурье начали пропагандировать и развивать литераторы и общественные деятели – М.В. Петрашевский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и др.

Авторы этого периода акцентировали свое внимание не столько на экономической, сколько на социальной функции кооперации. Петрашевский в статье «Оуэнизм» характеризовал кооперацию как новую форму общественного устройства². Чернышевский в статье «Капитал и труд», опубликованной в «Современнике» в 1860 г., утверждал, что «трудящиеся только тогда освободятся от эксплуатации, когда они сами станут хозяевами производства»³. Он писал: «...Потребности человека заставляют утверждать, что самостоятельность трудящихся, даваемая только формой товарищества, выгоднее для общества, нежели хозяйство отдельного капиталиста, как свобода выгоднее рабства для общества. Но как при свободе успешнее идет и самое производство, точно так же при форме товарищества оно должно идти успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста»⁴.

Оценивая вклад первых пропагандистов кооперативных идей нельзя говорить о какой-либо системе взглядов, все это, по словам А.В. Чаянова, лишь «хорошие, благородные и детски наивные слова...»⁵ Вместе с тем идеи этих мыслителей создали основу, на которой постепенно стала развиваться кооперативная практика в нашей стране.

Отражение первых шагов практической работы по внедрению кооперации на отечественную почву содержится в трудах членов Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. В течение ряда лет, с 1871 г. по 1906 г., Отделение издавало «Отчеты», в которых подводило итог своей годовой работе и деятельности товариществ; в 1881–1886 гг. – «Листок», где печатались, в том числе и статьи с мест; в 1890–1904 гг. – «Сообщения» – объемный журнал, выходивший 2 раза в год. Кроме периодических изданий Отделение выпускало книги, доклады, сборники материалов. Среди этих

¹ Хейсин М.Л. 50 лет потребительской кооперации в России. (Исторический очерк и современное состояние). Пг., 1915. С. 9.

² Петрашевский М.В. Оуэнизм // Кооперация. Страницы истории: В 3 т. М., 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 133.

³ Чернышевский Н.Г. Капитал и труд // Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А.В. Венецианское зеркало: Повести. М., 1989. С. 163.

публикаций выделяются работы П.А. Соколовского, в которых содержится большой сводный материал по различным аспектам деятельности кооперативных товариществ, а также работы земства по устройству ссудосберегательных товариществ⁶. В ряду этих работ следует отметить и труды самарского общественного деятеля И.А. Лишина⁷.

Таким образом, в 70–90-е годы XIX в. в России были сделаны попытки формирования общих принципов кооперации и осмысления всех появившихся кооперативных форм. К концу XIX в. русская кооперативная мысль объединяла уже немалое количество имен, рассматривающих применение кооперативных идей в самых разных отраслях экономики и жизни⁸. Однако даже по названиям работ нетрудно заметить, что большинство авторов анализировали лишь отдельные вопросы или области кооперации. Сочинений же общего характера практически не было. Зачастую взгляды выразителей кооперативной идеи не отличались целостностью и последовательностью, несли на себе следы сложной социально-экономической и общественно-политической обстановки того периода, что не позволяет применительно к этим годам говорить о каких-либо сложившихся кооперативных концепциях.

Вместе с тем роль первого поколения идеологов кооперации в России чрезвычайно важна. Они «посадили» идею кооперации на русскую почву и дали толчок для ее практической реализации. «Первые шаги кооперативного движения... обязаны энергичной проповеди энтузиастов народничества, приносивших в деревню в своем сознании готовые кооперативные системы и осуществлявших их с настойчивостью и прямолинейностью просвещенного абсолютизма», – писал А.В. Чаянов⁹.

⁶ Соколовский П.А.: 1) Ссудо-сберегательные товарищества по отзывам литературы. СПб., 1889; 2) Деятельность земства по устройству ссудосберегательных товариществ. СПб., 1890.

⁷ Лишин И.А.: 1) Очерк Николаевского уезда Самарской губернии в статистическом и сельскохозяйственном отношении. СПб., 1880; 2) По вопросу о реформе крестьянских учреждений // Самарская газета. [Самара], 1889. 6 января; 3) О земском зерновом кредите // Самарская газета. [Самара], 1889. 7, 8, 11 января.

⁸ «Оуэнизм» и «Краткий очерк начал системы Фурье» М.В. Буташевича-Петрашевского; «Капитал и труд» Н.Г. Чернышевского; «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния» Ф.Г. Тернера; «Артели в древней и нынешней России» Н.В. Калачева; «Рабочие ассоциации» Н.В. Шелгунова; «О мерах к развитию в России молочного хозяйства на артельном начале» и «О распространении артельного сыроварения в России» Н.В. Верещагина; «О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства» В.С. Садовского; «Потребительные общества» и «Разбор теории общественной кооперации» Н.И. Зиберы; «Ассоциация. Очерки практического применения принципа кооперации в Германии, в Англии и во Франции» А.К. Шеллер-Михайлова и др.

⁹ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Экономическое

Обращает на себя внимание тот факт, что уже на этой ранней стадии изучения феномена кооперации авторы рассматривали ее как двуединое явление, основываясь на понимании того, что крестьяне не подготовлены к социально-экономическому перевороту «как материально, так и нравственно», как писали современники «переходной эпохи»¹⁰. Поэтому в кооперации видели не только форму экономической деятельности, но и возможность социального переустройства общества.

На рубеже XIX–XX вв. в кооперативной историографии начался новый этап, озаглавленный, по словам новейшего историка кооперативного движения Е.Ю. Болотовой, «изучением западного опыта и накоплением собственного», когда «экономическая и социальная востребованность кооперативной формы организации жизни стали основой для создания работ теоретического характера»¹¹.

На этом этапе в России появилось новое поколение теоретиков и историков кооперации, вошедших в историю как классики кооперативной мысли. Среди них следует назвать В.Ф. Тотомианца, М.И. Туган-Барановского, С.Н. Прокоповича, М.Л. Хейсина, А.В. Меркулова и еще многих других, оставивших заметный след в общественном сознании. В этот же период в кооперативное движение пришли профессиональные экономисты, в числе которых были и такие выдающиеся, как А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, С.Л. Маслов. Многие из них являлись уже не только теоретиками, но и практиками кооперативного движения.

Появление работ этих авторов было вызвано активным развитием рыночных отношений, требующих новых решений социально-экономических проблем. С начала XX в. одна за другой в России стали выходить крупные фундаментальные работы по теории и истории кооперации¹². Одновременно широко издавались книги

наследие А.В. Чаянова. М., 2006. С. 255.

¹⁰ Цит. по: *Фигуровская Н.К., Подколзин Б.И.* Петербургский кружок князя А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России // Кооперация. Страницы истории: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 6.

¹¹ *Болотова Е.Ю.* «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.. Волгоград, 2003. С. 7.

¹² *Меркулов А., Хейсин М.* Кооперативная пропаганда и культурно-просветительная работа в кооперативах. СПб., 1914; *Озеров И.Х.* Общества потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России и краткое руководство по ведению потребительных обществ. СПб., 1894; *Тотомианц В.Ф.*: 1) Потребительские общества. История, теория и практика. СПб., 1908; 2) Сельскохозяйственная кооперация. СПб., 1908; 3) Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. СПб., 1911; 4) Кооперация в русской деревне. М., 1912; 5) Теория, история и практика потребительской кооперации. СПб., 1913; 6) Апостолы кооперации: Г. Шульце-Делич и Ф. Райфэйзен. М., 1914; *Хейсин М.Л.*: 1) 50 лет потребительской кооперации в России; 2) Исторический очерк кредитной кооперации в России. Пг., 1917; и др.

популярно-просветительского характера¹³. Эти издания были рассчитаны на широкого читателя и давали практические советы по организации и ведению кооперативной работы.

Уже на ранних стадиях развития социальная направленность многих кооперативных теорий обозначилась довольно явно. Выдающиеся практики и теоретики кооперативного движения видели в нем возможность преобразования общества, изменения не только экономических условий, но и социальных отношений.

В 1907 г. Кропоткин в работе «Взаимная помощь как фактор эволюции» писал, что «в настоящее время наиболее пламенные сторонники кооперативного движения проникнуты убеждением, что кооперация ведет человечество к высшей, гармонической стадии экономических отношений... Большинство из них потеряло бы всякий интерес к кооперативному движению, если бы у них исчезла упомянутая сейчас уверенность»¹⁴. Подтверждал эту мысль и выдающийся отечественный экономист XX в. Б. Бруцкус: «Интерес ученых к кооперации был связан с их общественными устремлениями, наложившими отпечаток на теоретическую работу»¹⁵.

Один из наиболее активных исследователей и пропагандистов кооперации начала XX в. – В.Ф. Тотомианц. Он автор многочисленных трудов по теории и истории международного и российского кооперативного движения. Названия его работ дают представление об эволюции взглядов ученого¹⁶. Тотомианц воспринимал кооперацию прежде всего как «превосходную школу терпимости, уживчивости и совместного ведения сложных хозяйственных дел» и «искусство творить новые формы экономической жизни»¹⁷.

¹³ Вильбрандт Р. Значение потребительных обществ. М., 1914; Зельгейм В.Н. Организация и практика потребительных обществ в России. М., 1913; Меркулов А., Хейсин М. Как организовать и вести потребительное общество. СПб., 1914; Тотомианц В. Кооперация в борьбе с дороговизной. М., 1916; Хейсин М. Что такое потребительное общество и какая от него польза. М., 1916; и др.

¹⁴ Цит. по: Тотомианц В.Ф. Теория, история и практика потребительской кооперации. С. 358.

¹⁵ Бруцкус Б.Д. Теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 125.

¹⁶ Тотомианц В.Ф. 1) Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. СПб., 1898–1907; 2) Задачи городского самоуправления. Краткий очерк муниципального социализма. 2-е изд., доп. СПб., 1906; 3) Потребительские общества. История, теория и практика; 4) Сельскохозяйственная кооперация; 5) Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России; 6) Кооперация в русской деревне; 7) Теория, история и практика потребительской кооперации; 8) Апостолы кооперации: Г. Шульце-Делич и Ф. Райфэйзен; 9) Европа после войны в экономическом и социальном отношениях. Пг., 1916; 10) Кооперация и борьба с дороговизной; 11) Утопии (социальный рай на земле). М., 1917.

¹⁷ Его же. Теория, история и практика потребительской кооперации. С. 358, 359.

Наряду с анализом истории и теории кооперации, как в России, так и за рубежом, большое внимание в своих работах Тотомианц уделял социальным аспектам в деятельности кооперативных организаций. В кооперации он видел путь к примирению интересов различных классов и групп. В экономике, считал автор, должны сохраняться частная, государственная и муниципальная формы хозяйствования в качестве дополнения к «кооперативному строю», с тем, чтобы и кооперация не обюрократилась.

Обозначил он свою позицию и по отношению к политической деятельности кооперации. Отстаивая политический нейтралитет как основополагающий кооперативный принцип, Тотомианц подчеркивал, что «...нейтралитет нами понимается больше как беспартийность, чем как полный аполитизм. Мы не отрицаем, что организация потребителей высшей стадии своего развития может нуждаться в воздействии на политику, но это воздействие никогда не может отождествляться с политической программой какой-либо партии или с тактикой профессионального движения»¹⁸.

К 50-летию юбилею кооперации в России, отмечавшемуся в 1915 г., был приурочен выход монографии М.Л. Хейсина, где он проанализировал развитие потребительской кооперации, определил периодизацию и особенности «дореволюционного и послереволюционного периодов»¹⁹. В результате сравнительного анализа европейской и отечественной кооперации, автор констатировал отставание последней как по проценту охвата населения, так и по среднему обороту обществ. Вместе с тем он подчеркивал, что «50 лет тому назад она (кооперация – О.Б.) была искусственным растением, а теперь корни ее глубоко вросли в народную жизнь»²⁰.

Так же как и большинство отечественных теоретиков кооперации, Хейсин не обошел вниманием тему социальных основ кооперации, подчеркнув, что «...выяснение общественного значения кооперации – это первая основная задача кооперативной пропаганды»²¹.

В отличие от большинства других авторов, которые рассматривали культурно-просветительную деятельность кооперации лишь в контексте истории кооперации, Хейсин посвятил этой проблеме отдельную работу, написанную в соавторстве с другим историком кооперативного движения А.В. Меркуловым. В этой книге нашли отражение все виды культурно-просветительной работы кооперативов, а также

¹⁸ Тотомианц В.Ф. Теория, история и практика потребительской кооперации. С. 314.

¹⁹ Хейсин М.Л. 50 лет потребительской кооперации в России. С. 4.

²⁰ Там же. С. 54, 55.

²¹ Меркулов А., Хейсин М. Кооперативная пропаганда и культурно-просветительная работа в кооперативах. С. 1.

содержатся важные статистические данные. Оценивая значение культурно-просветительной работы для кооперации, авторы подчеркивали, что условия русской жизни заставляют кооперативы расширять свои задачи в культурно-просветительной области, особенно в деревне. Так как в деревнях «не было мелкой земской единицы, и кооперативы невольно заменили ее и становились единственными культурными очагами»²². Рассуждая о перспективах развития кооперации, авторы выражали уверенность, что «весь ход экономического развития ведет к тому, что современное частнокапиталистическое хозяйство должно замениться общественным хозяйством, основанным на принадлежности обществу всех средств производства. В переходе человечества к этому хозяйству, которое представляет из себя одну огромную кооперативную организацию, кооперации суждено сыграть огромную подготовительную роль, и если кооперативы еще недостаточно проникнуты идеями нового хозяйства, то они должны ими проникаться»²³.

Меркулов в своей монографии «Вопросы кооперативного движения в России» подчеркивал, что «крупнейшим фактом в жизни кооперации является тяга ее к внутреннему оздоровлению... и к повышению кооперативного уровня своих членов»²⁴.

Наиболее значимым трудом этого периода стала монография М.И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации». В этом фундаментальном труде он обобщил опыт мирового кооперативного движения и глубоко проанализировал заложенные в нем идеи. Центральной темой исследования является проблема социального идеала, заложенного в теории кооперации. Хрестоматийным стало определение, в котором он подчеркивал двуединую природу кооперации: «Кооператив – не социалистическая община, а хозяйственное предприятие. ...Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом»²⁵.

Проанализировав опыт развития кооперации в странах Западной Европы и России, Туган-Барановский пришел к выводу, что отличительными чертами истинной кооперации являются самостоятельность и самодеятельность. Если данные принципы организации кооперативного предприятия в силу каких-либо причин нарушаются, то кооперативы лишаются своей сущности. На основании этого он определил и роль государства в жизнедеятельности кооперации. Кооперация, по его мнению, может и должна принимать помощь со стороны государства только в том

²² Хейсин М.Л. Основы культурно-просветительной деятельности кооперативов. М., 1919. С. 46.

²³ Меркулов А. Хейсин М. Кооперативная пропаганда и культурно-просветительная работа в кооперативах. С. 1.

²⁴ Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 216.

²⁵ Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 21.

случае, если эта помощь ни в какой мере не ведет к подрыву полной свободы и самостоятельности развития кооперации.

Другим не менее важным условием успешного функционирования любой формы кооперации, по мнению автора, является личная заинтересованность ее членов в достижении высоких экономических результатов. При этом охрана личного интереса членов кооперативов должна обязательно сочетаться с общими интересами: «не чистый эгоизм и не чистый альтруизм, а солидарность интересов – вот духовная основа кооперации».

Таким образом, Туган-Барановский проводил мысль, что, решая собственные экономические проблемы, кооператоры в то же время способствуют общей демократизации общества. Необходимо отметить, что он был теоретиком кооперативного движения никак не связанным с практиками, чья работа также мало пересекалась с абстрактными теориями. По словам новейшего исследователя кооперации В.В. Кабанова, «идеологические конструкции не довели над кооперативной практикой»²⁶.

Исследователем кооперации, активно совмещавшим научную работу и политическую деятельность, был С.Н. Прокопович, отстаивающий, по его собственному выражению, «исторический подход к изучению кооперации»²⁷. Выделяя специфические черты кооперации, он подчеркивал ее отличие как от общины, так и от капиталистического предприятия: «Кооператив – добровольный союз людей, в отличие от общины, где люди поставлены в не зависящие от их воли отношения»²⁸. С другой стороны, принципиальное отличие кооперативных предприятий от капиталистических заключается в том, что «кооперативные товарищества представляют собой союзы лиц, а не капиталов»²⁹. Это, по мнению автора, являлось и основной социальной особенностью кооперативного хозяйства: «Каждый участник товарищества, независимо от величины внесенного им пая, является полноправным и равноправным его членом; с момента приема в члены он имеет права и несет обязанности, совершенно равные с правами и обязанностями всех других членов»³⁰. В подтверждение этой мысли Прокопович писал: «Новые члены принимаются в кооператив только по постановлению общего собрания его членов или другого органа управления, которому поручен общим собранием прием членов»³¹. Отсюда Прокопович выделил *основной признак кооперации*: «Капитал в

²⁶ Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996. С. 58.

²⁷ Прокопович С.Н. Кооперативные товарищества и их классификация. М., 1919. С. 26.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 12.

³¹ Там же. С. 5.

кооперативных товариществах играет не господствующую, а служебную роль; не он является носителем прав в кооперативе, а лицо, член кооператива»³².

Важной особенностью кооперации Прокопович называл то, что она организует только хозяйственную жизнь своих членов, но не вмешивается в их личные, семейные или общественные отношения. Еще одной важной чертой кооперации, по мнению автора, является то, что в кооперативных объединениях могут принимать участие только лица с «некоторым хозяйственным достатком» и только на добровольной основе.

Исходя из этого, Прокопович дал собственное определение социально-экономической природы кооперативного товарищества. «Это – особая форма коллективного хозяйства, образованного добровольным соединением неограниченного числа лиц, имеющих равные права и обязанности, в целях повышения производительности и доходности их труда, а также удешевления их домашнего хозяйства»³³. Вместе с тем Прокопович признавал, что это определение желательного, идеального характера кооперативного движения. Конкретная же действительность далеко отстает от этого идеала. Резюмируя все вышесказанное, он подчеркивал: «Социальное содержание кооперативной деятельности всегда и всюду одно и то же: организация трудящихся и защита материальных и духовных интересов»³⁴.

В годы Первой мировой войны в связи с быстрым ростом крестьянских кооперативов возникла «организационно-производственная» школа. Активными представителями ее были А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, А.Н. Минин, А.А. Рыбников, А.Н. Челинцев и другие известные экономисты и кооператоры. В центре исследований экономистов этого направления были специальные проблемы сельскохозяйственной кооперации, в частности, разработка теории семейного трудового крестьянского хозяйства во взаимодействии с окружающей экономической средой. Организационно-производственное направление связывало перспективы кооперативного движения с естественными процессами организационной эволюции крестьянского семейного производства.

В последующие годы многие из этих ученых работали в созданном после Февральской революции высшем органе кооперации – Совете Всероссийских кооперативных съездов (просуществовал до 1920 г.). Одновременно ими были созданы и такие кооперативные центры, как «Лига аграрных реформ» и Сельскосовет (декабрь 1918 – январь 1920 г.).

³² Прокопович С.Н. Кооперативные товарищества и их классификация. С. 5.

³³ Там же. С. 12, 13.

³⁴ Там же. С. 14.

О становлении нового научного направления А.В. Чаянов писал во введении к работе «Организация крестьянского хозяйства»: «...В этой совершенно новой для всего русского общества работе агрономы и кооператоры нередко оказывались как в лесу, и многократно терялись. Перед нами вставало великое множество полутехнических, полуэкономических проблем, не предусмотренных никакими книгами и не рассмотренных еще никакими школами»³⁵. Позднее Чаянов вспоминал, что одновременно в самых разных частях страны разнообразные специалисты, среди которых были агрономы, кооператоры, статистики, решали различные организационные вопросы сельскохозяйственного производства.

Это учение, – писал Чаянов, сложилось из постепенного накопления огромного эмпирического материала по вопросам организации крестьянского хозяйства, полученного частично путем обработки данных земской и государственной статистики, частично путем самостоятельных выводов. Целью этой научной деятельности Чаянов считал облегчение работы практиков. «Для этого, – писал он, – нужно, прежде всего, разработать и установить основные обобщения и понятия учения об организации трудового хозяйства». Можно сказать, что это и было основной задачей, которую пытался решить на протяжении всей своей деятельности Чаянов.

Революционный период и первые годы советской власти стали наиболее насыщенным временем для кооперативной историографии. В это время проблема роли кооперации в общественно-политическом и экономическом обновлении страны становится наиболее актуальной³⁶. Предпринимались попытки обосновать роль кооперации и встроить ее в новые социально-политические условия. «Среди полной гибели и разрухи, быть может, только одна кооперация сумеет оказать помощь крестьянскому хозяйству... кооперация насквозь пропитана духом демократизма и равноправия своих членов»³⁷. «По существу кооперативная работа –

³⁵ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Экономическое наследие А.В. Чаянова. С. 290.

³⁶ Дьяков Ф. Кооперация и просвещение. М., 1918; Каблуков Н. Новый строй и кооперация. (Почему теперь нельзя обойтись без кооперативов). М., 1917; Кильчевский В.А. Кооперация и партия. Пг., 1919; Кооперативы и профессиональные союзы / под ред. М. Хейсина. Пг., 1918; Кооперация и искусство: Сб. статей И. Грабаря, Н. Романова, А. Эфроса, А. Чаянова. М., 1919; Маслов С.Л. Наше народное хозяйство и грабительский мир. М., 1918; Мещеряков Н. Кооперация и социализм. М., 1920; Пекарский В.Ф. К вопросу о нашей экономической политике в связи с кооперацией. (Программа практической социалистической работы). Пг., 1917; Соколов Н.Н. Кооперация и демократия. М., 1918; Слобожанин М. К вопросу о кооперативно-социалистической программе. (Кооперативная печать о политическом выступлении кооперации). Пг., 1918; Тотомиянц В.Ф. Политика как профессия. М., 1918; Фромметт Б.: 1) Ложь капитализма и правда кооперации. М., 1918; 2) Кооперация в борьбе с голодом и безработицей. М., 1919; и др.

³⁷ Соколов Н.Н. Кооперация и демократия. С. 13.

работа социалистическая, только не политическая, а практическая», – писали современники³⁸.

В 1920-е гг. вышел целый ряд работ по проблемам кооперации, носивших популярный характер³⁹. К осмыслению феномена кооперации обращались также публицисты, политики, государственные деятели⁴⁰. Одновременно издавались работы за рубежом⁴¹, где авторы, по словам Тотомианца, были свободны от влияния и «разрушительной энергии теперешних правителей страны»⁴².

В советской же историографии, по справедливому замечанию О.В. Ягова, «в исторической науке среди исследователей кооперации определились два полярных направления: «старо-кооперативное» и «советско-кооперативное»⁴³.

Основоположителем советской кооперативной историографии по праву можно считать В.И. Ленина. Эволюция взглядов Ленина на кооперацию была неоднозначной и сложной. Целый ряд его работ периода революции и Гражданской войны исходили из идеи огосударствления кооперации, но вместе с тем и использования ее аппарата, возможности которого он оценивал весьма высоко.

Ключевую роль в оценках кооперации в советской историографии на многие годы вперед сыграла статья Ленина «О кооперации», написанная в январе 1923 г. В этой работе Ленин отошел от своей предыдущей характеристики кооперации как одного из видов государственного капитализма, и, соответственно, как низшей ступени развития общества, предшествующей социализму. Начав с замечания о

³⁸ Пекарский В.Ф. К вопросу о нашей экономической политике в связи с кооперацией. (Программа практической социалистической работы). С. 9.

³⁹ Кисляков Е.Н. Кооперация в общем ходе хозяйственного строительства и ее организация в деревне. Тула, 1922; Кооперация о самой себе. М., 1921; Кооперация и налоги. Самара, 1926; Ленднр Н.Н. Кооперация подвела. Исповедь дяди Софрона. Л., 1924; Николаев В. Потребительская кооперация и сельское хозяйство. М., 1924; Николаев А. О некоторых недостатках нашей кооперации. М.; Л., 1926; и др.

⁴⁰ Балабанов М.С. История рабочей кооперации в России. М., 1928; Илимский-Кутузов Д.Т. Кризис кооперации. М., 1922; Кооперация в Советской России. М., 1922; Куйбышев В. Задачи внутренней торговли и кооперация: Доклад на собрании активных работников Московской организации РКП (б), 21 апреля 1924 г. М., 1924; Кржижановский Г.М. Товарообмен и плановая работа. М., 1924; Лозовой А.Н. Ленин и кооперация. М., 1924; Целлариус В.М. ВКП(б) и кооперация. Харьков, 1928.

⁴¹ Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Берлин; Вильмерсдорф, 1923; Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения. 2-е изд. Пг., 1919; Прокопович С.Н.: 1) Кредитная кооперация в России. М., 1923; 2) Крестьянское хозяйство. Берлин, 1924; Тотомианц В.Ф.: 1) Теория кооперации. Прага, 1921; 2) Кооперация в России. Прага, 1922; 3) Кооперативная хрестоматия. Сб. статей, речей и изречений о кооперации. Прага, 1922, 4) Основы кооперации. Берлин, 1923; Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. Берлин, 1923.

⁴² Тотомианц В.Ф. Кооперация в России. С. 6.

⁴³ Ягов О.В. Кустарно-промышленная кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Самара; Пенза, 2008. С. 25.

недостаточном внимании к кооперации, Ленин определил кооперирование населения как важнейшую задачу, «...потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам...»⁴⁴

Очевидно, что именно ленинская идея о возможности перехода к социализму через кооперацию была положена в основу всех последующих рассуждений на темы кооперации. Сама же статья «О кооперации», по определению новейшего историка кооперации А.В. Воронина, превратилась «в настольную работу для большинства исследователей кооперативного движения»⁴⁵. В результате многие годы в СССР тема развития кооперации, как правило, рассматривалась через призму ленинского кооперативного плана. История развития отечественного кооперативного движения в дореволюционный период исследователями практически не изучалась.

На 1920-е гг. пришелся период наиболее плодотворной работы представителей организационно-производственного направления. Однако под нажимом официальной идеологии, во второй половине 1920-х теоретики кооперации корректируют свои взгляды в сторону обоснования крупных общественных хозяйств. К концу десятилетия организационно-производственное направление было уже окончательно разгромлено.

Объектом исследования одного из ведущих представителей этого направления Чаянова был самый широкий слой хозяйств – трудовое крестьянское хозяйство. Такое хозяйство, по его мнению, сосредотачивает в одном лице и хозяина, и предпринимателя, и работника. В 1927 г. вышло второе издание его книги «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». В ней он систематизировал свою кооперативную теорию. Кооперация, – писал Чаянов, – это путь и формы облегчения труда крестьянина и улучшения его жизни путем постепенного кооперирования тех производственных процессов, которые ему выгодны. По его мнению, «государственный капитализм, развивающийся в отношении сельского хозяйства в кооперативных формах, неминуемо... должен пройти ряд последовательных фаз своего исторического развития»⁴⁶. Однако в советской России кооперации не суждено было пройти все «фазы своего исторического развития», ей была уготована другая роль.

С.Л. Маслов – еще один крупный теоретик кооперации этого периода. В 1921 г. он выпустил очередное дополненное и доработанное издание своего основного

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

⁴⁵ Воронин А.В. Кооперативная политика советской власти на Европейском Севере: центр и местные власти (1917 – начало 1930-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Мурманск, 1997. С. 13.

⁴⁶ Чаянов А.В. Сельскохозяйственная кооперация, как форма организации сельскохозяйственного производства СССР // Экономическое обозрение. 1925. № 6. С. 65.

труда «Крестьянское хозяйство и сельскохозяйственная кооперация». В 1922 г. вышло в свет новое издание работы, специально посвященное кооперации, – «Кооперация в крестьянском хозяйстве»; в 1924 г. – еще одна работа «Современное состояние и политика с.-х. кооперации». И наконец, в 1928 г. был издан фундаментальный труд Маслова «Экономические основы сельскохозяйственной кооперации», обобщающий его двадцатилетние изыскания. Рассуждая о природе эволюции кооперативных форм, Маслов не соглашался с современниками, которые считали кооперацию в России «наследием средних веков» и связывали ее происхождение с артельной формой сотрудничества. По мнению Маслова, «современная сельскохозяйственная кооперация есть не что иное, как приспособившаяся к новым формам жизни, преобразованная древняя сельская община»⁴⁷.

Маслов подчеркивал некапиталистический характер кооперации, утверждая, что «в социально-экономическом отношении хозяйственная деятельность кооперации на рынке представляет собой не что иное, как организационную борьбу крестьянских хозяйств с капиталом»⁴⁸. Он провел общий анализ исторического развития крестьянской кооперации в России и показал преемственность всех ее этапов, что уже было нетипично в тот период.

Довольно быстро обнаружилось, что коренные кооперативные принципы идут вразрез с принципиальными установками советской власти, поэтому в 1920-е гг. кооперации стали ставить в вину нежелание и невозможность изменить политический строй. «Кооперация вызвана к жизни не стремлением к преодолению капитализма путем преобразования капиталистического общества в общество социалистическое, а являлась средством защиты от натиска растущего капитализма для общественных слоев, наиболее страдающих от этого развития», – писал советский политический деятель Н. Мещеряков⁴⁹. Прежние достоинства кооперации теперь трактовались как существенные недостатки. «Несмотря на все ее заслуги, кооперация обладает одним коренным недостатком – она вырастает в капиталистический строй, приспособляется к нему...» – утверждал еще один советский деятель А. Вышинский⁵⁰.

Теоретики предпринимали попытки защитить кооперацию, подчеркивая ее промежуточное положение «между социализмом и капитализмом». К примеру, Л. Литошенко писал в 1922 г., что «кооперативная мысль гораздо ярче проводит черту между собой и капитализмом, чем между собой и социализмом», «кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от

⁴⁷ Маслов С.Л. Экономические основы сельскохозяйственной кооперации. М., 1928. С. 4.

⁴⁸ Там же. С. 657.

⁴⁹ Мещеряков Н. Кооперация и социализм. М., 1920. С. 10.

⁵⁰ Вышинский А. Политика Советской власти в области распределения и обмена. М., 1921. С. 11.

капитализма», поскольку «кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся»⁵¹. Он считал, что «общепринятым тезисом кооперативной идеологии является резкая оппозиция капитализму. ...Кооперация объявляет себя врагом капитализма, и своей прямой задачей ставит преобразование хозяйственного строя»⁵².

К концу 1920-х гг. в Советской России уже утверждалась новая кооперативная историография, в которой обосновывалась кооперативная политика государства, рассматривавшая кооперацию как переходную форму⁵³. Дореволюционный опыт кооперативного развития принижался. Кооперация того периода оценивалась как «...новое, еще мало испытанное средство борьбы с капитализмом», принаряженное «в красивые цвета утопических мечтаний Фурье и Оуэна»⁵⁴.

Стремление кооперации сохранить свою независимость и рочдейльские принципы трактовалась теперь как «попытка борьбы с торжеством социализма, то есть одно из проявлений контрреволюции»⁵⁵. Сама же независимая кооперация именовалась отныне «сельскохозяйственным кулацким трестом, который, с одной стороны, захватит монополию на рынке, а с другой стороны, - подчинит себе крестьянскую бедноту и будет ее жестоко эксплуатировать. ...Этот же трест послужит зародышем и политической организации эсеровско-кадетского типа»⁵⁶.

М.Х. Кантор в работе «Основы кооперативной политики РКП(б)» проанализировал развитие марксистских взглядов на кооперацию, связал возникновение организационного кооперативного движения с началом «выявления марксистских взглядов на роль кооперации в условиях буржуазного общества», отметив, что «социалисты не могли пройти мимо новой формы движения трудящихся масс»⁵⁷. Проанализировав труды К. Маркса и Ф. Энгельса, Кантор попытался обосновать преемственность их взглядов с политикой советского государства. Он пришел к выводу, что сущность их взглядов по вопросу об отношении социалистов к крестьянской кооперации сводится к следующему положению: «Кооперация в сельском хозяйстве является важнейшей формой перехода к крупному социалистическому хозяйству в земледелии в период диктатуры пролетариата»⁵⁸.

⁵¹ Литошенко Л.Н. Кооперация, социализм и капитализм // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 132.

⁵² Там же. С. 133.

⁵³ Кантор М.: 1) Оппозиция в борьбе с ленинским кооперативным планом. М., 1928; 2) Две линии развития кооперации. Краткий очерк развития кооперации на современном историческом этапе в странах капитализма и в СССР. М., 1929.

⁵⁴ Его же. Основы кооперативной политики РКП(б). М., 1926. С. 3.

⁵⁵ Мещеряков Н. Кооперация и социализм. М., 1920. С. 37.

⁵⁶ Его же. Задачи современной кооперации. М., 1922. С. 13.

⁵⁷ Кантор М. Основы кооперативной политики РКП(б). М., 1926. С. 3.

⁵⁸ Там же. С. 12.

К концу 1920-х гг. организационно-производственное направление было окончательно разгромлено. «Последний гвоздь» забил И.В. Сталин, выразив недоумение: «Почему антинаучные теории "советских" экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати?»⁵⁹

Вместе с тем, 1920-е гг. стали в целом очень насыщенным периодом с точки зрения исследовательского интереса к истории и теории кооперации. В этот период еще можно было говорить открыто и вести научную дискуссию. Этот период, по определению Н.Л. Рогалиной стал «кратким и последним мигом научной свободы»⁶⁰.

Третий этап изучения проблемы охватывает 30-е – 50-е гг. XX в. Этот период ознаменован утверждением в советской исторической литературе сталинской концепции сплошной коллективизации как единственно правильного и закономерного этапа аграрного развития страны. С переходом к осуществлению коллективизации поток «кооперативной» литературы стал стремительно убывать. Кооперативная тематика плавно сместилась в область борьбы с оппозиционерами⁶¹. Сам термин «кооперация» употреблялся лишь в словосочетании «ленинский кооперативный план». На первый план вышли проблемы колхозного строительства.

В новых условиях ставилась задача осуществления, по словам Сталина, «практики уничтожения частной собственности на землю, практики национализации земли у нас, практики, освобождающей мелкого крестьянина от его рабской приверженности к своему клочку земли и облегчающую тем самым переход от **мелкого** крестьянского хозяйства к **крупному**, коллективному хозяйству»⁶². Таким образом, советская кооперация должна была служить не крестьянству, а политическим целям советского государства.

В ходе подготовки и проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации простейших сельскохозяйственных кооперативов, крестьянство теперь однозначно характеризовалось как «последний капиталистический класс». Сталин писал: «...Из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому, что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное

⁵⁹ Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 282.

⁶⁰ Рогалина Н. Из истории экономической мысли // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 123.

⁶¹ Кантор М. Оппозиция в борьбе с ленинским кооперативным планом; Хоробрых Ф. Кондратьевщина и ее представители в Сибири. Новосибирск, 1931; Куликов И.И. Самарские ветви кондратьевщизны. М.; Самара, 1931.

⁶² Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов, 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 281.

производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно»⁶³.

Пожалуй, можно было бы говорить о том, что поступательное развитие в теории и истории кооперативного движения в России было прервано, если бы не исследования представителей русского зарубежья. Среди ученых-обществоведов, вынужденных в 1920-е гг. эмигрировать из России, но продолжавших свою исследовательскую деятельность, были и историки кооперации. Одним из таких авторов был профессор А.Д. Билимович, чьи работы оставались неизвестными в России вплоть до конца XX в.

В 1955 г. в издательстве «Посев» вышла его монография. «Кооперация России до, во время и после большевиков». Это исследование посвящено истории отечественной кооперации. Анализируя исторический путь кооперации, Билимович очень высоко оценивал ее преобразования в дореволюционный период. Безусловно, его оценки резко отличались от официальной советской историографии. Билимович называл дореволюционную кооперацию «одной из основ всей хозяйственной структуры России», явившей «примеры исключительной предприимчивости, практической сметки и редкой способности народа к свободной хозяйственной жизни»⁶⁴. Вместе с тем, Билимович высказал мнение, что причины будущего уничтожения кооперации были заложены задолго до прихода к власти большевиков. Он писал, что «политическое проклятие», висевшее «над кооперацией и над другими сторонами русской жизни», проникновение в кооперативные организации «революционно и социалистически настроенной интеллигенции», «использование ее для своих политических целей и пропаганды революционных идей среди крестьянства и рабочих... готовило революцию, но это же готовило гибель кооперации после победы революции»⁶⁵. Большевики, по его мнению, «сохранив видимость кооперации и пользуясь ею для эксплуатации населения, убили пышно расцветшую до них и необычайно росшую подлинную добольшевистскую кооперацию»⁶⁶.

Вызывает удивление прозорливость Билимовича в отношении роли кооперации в послебольшевистской России. По его мнению, первые годы после свержения коммунистической власти неизбежно будут сопровождаться различными трудностями переходного времени. Государственные предприятия будут дезорганизованы, частная хозяйственная деятельность не сможет наладиться сразу.

⁶³ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 233.

⁶⁴ Билимович А.Д. Кооперация России до, во время и после большевиков. М., 2005. С. 73, 74.

⁶⁵ Там же. С. 74.

⁶⁶ Там же. С. 146.

Поэтому кооперации придется снова играть роль «скорой помощи»⁶⁷. Однако, утверждению автора, что «народное хозяйство послебольшевистской России станет в значительной мере "кооперативным" хозяйством»⁶⁸, сбыться пока не удалось.

Таким образом, третий этап в развитии отечественной историографии проблемы развития кооперации в России стал временем ее замалчивания. Научная разработка истории кооперативного движения начала XX в. осуществлялась фрагментарно, в рамках работ по проблемам истории борьбы за осуществление коллективизации. Труды зарубежных исследователей истории отечественного кооперативного движения в СССР оставались неизвестны.

В середине 1950-х – 1980-е гг. вновь появляется исследовательский интерес к кооперативной тематике. Этому способствовало смягчение официальной идеологической концепции советской истории и введение в научный оборот значительного пласта нового фактического материала. На данном этапе советским историкам удалось немало сделать в области исследования проблем развития отечественного кооперативного движения. Уже со второй половины 1950-х гг. активно защищались диссертации по кооперативной и аграрно-крестьянской тематике⁶⁹. В 1960–1970-е гг. начали выходить серьезные монографические исследования⁷⁰. В своих трудах ученые проделали огромную работу по выявлению,

⁶⁷ Билимович А.Д. Указ. соч. С. 146.

⁶⁸ Там же. С. 147.

⁶⁹ Багыров Г.Г. Ленинский кооперативный план и его всемирно-историческое значение: дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1960; Борисов Г.В. Партийная печать как источник изучения пропаганды и практики осуществления ленинского кооперативного плана (1923–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1969; Голиков В.А. КПСС в борьбе за развитие и укрепление сельскохозяйственной кооперации (1921–1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Демьянов М.А. Борьба КПСС за кооперацию в первые годы нэпа (1921–1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954; Долганов У.В. Роль кооперации в восстановлении сельского хозяйства в 1921–1925 гг. (На материалах Южного Зауралья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1971; Иванов Б.В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири: (1920–1927): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; Иващук Н.К. Борьба КПСС за подъем сельского хозяйства и кооперирование крестьянства в 1926–1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Лившиц А.Э.: 1) КПСС в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян в первые годы нэпа 1921–1925 гг. По материалам Самарской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1961; 2) Деятельность партийных организаций Поволжья по осуществлению ленинских принципов НЭПа в годы восстановительного периода. Саратов, 1973; Масленников Д.С. КПСС в борьбе за осуществление ленинских идей организации крестьянства в сельскохозяйственную кооперацию в 1921–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

⁷⁰ Данилов В.П.: Основные итоги и направления изучения советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971; 2) Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.; Дмитриенко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. М., 1978; Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация (1917 – март 1919 г.). М., 1973; Файн Л.Е. История разработки В.И. Лениным кооперативного плана. М., 1970; и др.

критике и научному анализу обширного круга источников по истории отечественной кооперации.

Тем не менее история отечественного кооперативного движения по-прежнему рассматривалась через призму «ленинского кооперативного плана», лишь как средство решения задач социалистического переустройства страны. Дореволюционная кооперация мало интересовала исследователей, а если и упоминалась, то лишь в негативном ключе как «придаток буржуазного хозяйственного механизма», отягощенный «грузом буржуазных пережитков»⁷¹. Исключение делалось только для рабочих кооперативов, которые, по мнению авторов, были «ценны лишь постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительства, ни буржуазии»⁷². Активно исследовалась тактика по отношению к кооперации марксистских партий, которые «поддерживая кооперативы, созданные рабочими, использовали их «в качестве одной из форм классовой борьбы»⁷³.

Значение дореволюционной кооперации заключалось, по мнению авторов, в том, что она «играла известную роль и в пробуждении классового сознания рабочих, в зарождении среди них начал коллективизма»⁷⁴. Другие формы кооперативов, «созданные под эгидой капиталистических предпринимателей и буржуазных правительств», именовались «лжекооперативными организациями»⁷⁵. Меньше всего занимала внимание исследователей этого периода сельскохозяйственная кооперация, которая стояла «дальше других от освободительного движения», в деятельности которой «наиболее ярко проступали капиталистические черты», а ведущее место в сельскохозяйственных кооперативах «занимали кулацкие и зажиточные слои деревни»⁷⁶.

По-прежнему подвергались критике взгляды представителей так называемой «старой» кооперации. Так, С.Л. Маслову ставилось в вину, что в работе «Крестьянское хозяйство» он «умалчивал о единстве интересов сельскохозяйственной кооперации и пролетарского государства»⁷⁷.

В целом значение кооперации в социально-экономической жизни дореволюционной России оценивалось невысоко. С одной стороны, признавалось, что «численность потребительских кооперативов к 1917 г. равнялась 35 тыс. и

⁷¹ *Дмитренко В.П.* Переход к нэпу и развитие кооперативной политики советского государства // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 193.

⁷² *Дмитриенко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И.* Указ. соч. С. 9.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 21.

⁷⁷ *Морозов Л.Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969. С. 197.

объединяла около 12 млн человек», с другой – у mažалась ее роль утверждениями о том, что «удельный вес ее в экономике страны был ничтожным»⁷⁸.

На региональном уровне, за небольшим исключением, вопросы развития кооперации рассматривались фрагментарно⁷⁹. В частности, на материалах Поволжья эта тема косвенно затрагивалась в работах А.Э. Лившица⁸⁰. В своей докторской диссертации «Деятельность партийных организаций Поволжья по осуществлению новой экономической политики в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.)» он исследовал деятельность кооперативных организаций с точки зрения партийного руководства⁸¹. В соответствии с идеологическими установками своего времени, автор подчеркивал, что «объективный научный анализ той или другой экономической политики неизбежно должен привести исследователя к партийной, классово́й оценке изучаемого явления»⁸².

С начала 1980-х гг. отечественные исследователи начинают проявлять больший интерес к дореволюционной кооперации, приводятся объективные данные и появляются более взвешенные оценки данного явления⁸³. В этом смысле

⁷⁸ Государство и кооперация. Материалы семинара. М., 1977. С. 17.

⁷⁹ Булатов И.Г. Борьба коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921–1925 гг.). Пенза, 1961; Исаков А.К. Руководство партийной организации Татарии деятельностью крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в 1921–1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1973; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Лившиц А.Э. В.И. Ленин о научных основах руководства экономикой в период перехода от капитализма к социализму. Ульяновск, 1972; Лившиц А.Э., Шаронов П.М. Деятельность органов партийно-государственного контроля Среднего Поволжья по укреплению союза рабочего класса с крестьянством, созданию предпосылок к массовой коллективизации (1924–1929 гг.) // ИНИОН АН СССР. Указатель «Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография». 1984. № 4; Селиванов А.М. Социально-политическое развитие советской деревни в первые годы нэпа (1921–1925). Саратов, 1987; и др.

⁸⁰ Лившиц А.Э.: 1) В.И. Ленин о научных основах руководства экономикой в период перехода от капитализма к социализму. Ульяновск, 1972; 2) Деятельность партийных организаций Поволжья по осуществлению ленинских принципов новой экономической политики в промышленности (1921–1925 гг.) // Труды преподавателей истории КПСС вузов Поволжья. Саратов, 1971; Лившиц А.Э., Шаронов П.М. Указ. соч.

⁸¹ Лившиц А.Э. Деятельность партийных организаций Поволжья по осуществлению новой экономической политики в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.

⁸² Там же. С. 16.

⁸³ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; Корелин А.П.: 1) Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое развитие России. Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 231, 232; 2) Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.

заслуживают внимания статьи Э.М. Шагина и А.П. Корелина⁸⁴. В статье Корелина «Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX – начале XX в.», опубликованной в 1986 г., отмечается и «бурный рост» кредитной кооперации, и то, что «зажиточные члены кредитных кооперативов» не составляли большинства участников, а «кредитная кооперация в России в начале XX в. охватывала сравнительно широкие и различные по своему положению слои мелких производителей, главным образом крестьян-землевладельцев»⁸⁵.

Очень важной представляется задача, поставленная Э.М. Шагиным в статье «Рынок, кооперативное объединение крестьян-льноводов и власть России в условиях войны и революции (1914–1917)», впервые опубликованной в Сборнике «XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР» (Уфа, 1984). По собственному выражению исследователя она заключается в том, чтобы «наметить некоторые направления, по которым следует изучать деятельность дореволюционной, преимущественно потребительской, кредитной и частично производственной кооперации в качестве одного из звеньев экономической взаимосвязи города и деревни»⁸⁶. Автор, проанализировав соотношение средств сельской кредитной кооперации в период Первой мировой войны, впервые в отечественной историографии предпринял попытку показать «реальные связи разных форм кооперации, в том числе и деревенской, с государственным аппаратом, с одной стороны, и с монополиями, финансовым капиталом, господствовавшим в промышленности, с другой, т.е. "врастание" ее в систему российского государственно-монополистического капитализма»⁸⁷.

В целом, оценивая историографическую ситуацию исследований кооперативного движения с середины 1950-х вплоть до конца 1980-х гг., следует отметить, что в концептуальном смысле это движение продолжало рассматриваться через призму «ленинского кооперативного плана». Трудно не согласиться с мнением С.В. Веселова, что, несмотря на «...оригинальность методов анализа и обращение ученых к самым разным сторонам проблемы, большинство работ объединяет

⁸⁴ Корелин А.П. Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX – начале XX в.; Шагин Э.М. Рынок, кооперативное объединение крестьян-льноводов и власть России в условиях войны и революции (1914–1917) // Шагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М., 2008.

⁸⁵ Корелин А.П. Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX – начале XX в. С. 231, 232.

⁸⁶ Шагин Э.М. Рынок, кооперативное объединение крестьян-льноводов и власть России в условиях войны и революции (1914–1917). С. 27.

⁸⁷ Там же. С. 26.

безусловное признание и, как правило, возведение в абсолютную истину "ленинского кооперативного плана"⁸⁸.

Вместе с тем необходимо признать, что историки этого периода внесли несомненный вклад в изучение фактической истории кооперативного движения, расширилась источниковая база исследований, углубилась разработка основных проблем, обозначились новые подходы к ним. Изучение проблемы подошло к постановке вопросов, нашедших развитие на следующем этапе исследования истории кооперации, который начинается на рубеже 1980-х – 1990-х годов и продолжается по настоящее время.

В связи с кардинальными изменениями в политике и экономике страны на этом этапе резко возрос интерес к опыту, накопленному кооперативным движением России в начале XX в. Началось переосмысление роли кооперации в развитии страны дореволюционного периода и, главным образом, проблемы взаимоотношений ее с государственными органами. Партийно-классовая и идеологическая тематика постепенно отходит на второй план. Появился ряд историографических работ, в которых авторы анализировали вклад исследований начала XX в. в изучение кооперативного движения⁸⁹, работы, посвященные биографиям кооперативных деятелей и анализу их теоретического наследия⁹⁰; книги, отражающие организационно-правовые аспекты в истории кооперации⁹¹.

⁸⁸ *Веселов С.В.* Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 25.

⁸⁹ *Добрынин В.А.* Кондратьев Н.Д. и Чаянов А.В. о решении аграрного вопроса в России. М., 1994; *Кабанов В.В.* Школа А.В. Чаянова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. № 6; *Парамонова Р.Н.* История советской кооперации 1920-х годов в отечественной историографии. Самара, 2000; *Подколзин Б.И.* Петербургский кружок князя А.Н. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (60–70-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Розалина Н.Л.* Из истории экономической мысли // Вопросы экономики. 1995. № 10; *Сангинов Э.Н.* Проблемы сельскохозяйственной кооперации в советской экономической литературе 20-х годов: дис. ... канд. экон. наук. М., 1990; *Степанова В.М.* Развитие теории кооперации в русской экономической литературе первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1992; *Сорвина Г.Н.* Экономическая мысль XX столетия: страницы истории. Лекции. М., 2000.

⁹⁰ *Кабанов В.В.* Кооператоры России: штрихи к портрету // Кооперация. Страницы истории. М., 1994. Вып. IV; А.В. Чаянов – человек, ученый, гражданин. М., 1998; *Сорвина Г.Н.* Михаил Иванович Туган-Барановский: первый российский экономист с мировым именем. (К 140-летию со дня рождения). Очерки. М., 2005.

⁹¹ *Болотова Е.Ю.* Создание общекрепостного законодательства в дореволюционной России (конец XIX – 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Братановский С.Н.* Управление потребительской кооперацией в России: организационно-правовые аспекты. М., 2002.; *Кулаков В.В.* История советского законодательства о кооперации (1917–1929): дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Черноморец С.А.* НЭП. Организационно-правовое регулирование процесса материального обеспечения населения в 1921–1927 годах. Сургут, 2004.

Переиздаются труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков второй половины XIX – начала XX в. Под редакцией Н.К. Фигуровской, А.П. Корелина и др. вышел многотомник «Кооперация. Страницы истории»⁹². Этот объемный труд собрал как известные имена, так и мало известных деятелей науки и практической жизни, объединенных стремлением социально-экономических преобразований России посредством развития кооперативных форм деятельности населения. В издание были включены авторы, неравнозначные по своей роли и вкладу в процесс познания и исследования феномена ассоциации-кооперации, но, как подчеркивает Фигуровская, «все от начала до конца посвящено одной и единой цели – отразить процесс познания, осмысления и понимания перспектив такого крупного социально-экономического явления, которым явились в жизни общества в XIX в. кооперативные начала и формы»⁹³.

Первоначально история кооперации рассматривалась лишь в контексте оценок исторического значения Октябрьской революции, новой экономической политики, других реформ советской власти, когда история кооперации вписывалась в широкий политический или социально-экономический контекст⁹⁴.

Приходится отметить, что в попытках определить место и роль кооперации в экономической истории страны, ее возможности подчас явно завышались. Характеризуя кооперацию как «организацию населения, приспособленную к рыночным отношениям»⁹⁵, отдельные авторы видели в ней средство для построения более демократического пути развития государства и даже «столбовую дорогу человечества на пути к обществу социальной справедливости»⁹⁶.

Один из наиболее плодотворных историков кооперации в 1990-е гг. В.В. Кабанов критически оценивал подобные суждения историков, считая, что «перед нами очередная социальная утопия»⁹⁷. Он утверждал, что «вера в потенциал кооперации, равно как и в возможность "нормального" хода событий, приводит к излишне оптимистическим выводам и относительно перспектив современной

⁹² Кооперация. Страницы истории: В 3 т. М., 1998–2001. Т. 1. Кн. 1–2.

⁹³ Фигуровская Н.К. Введение // Кооперация. Страницы истории: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. С. 7.

⁹⁴ Бурганов А.Х.: 1) Если бы не душили кооперацию... (А ведь был и есть выход из тупика) // Кентавр. 1995. № 1; 2) Откуда и куда идешь, Россия? М., 1996; Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990; Гимпельсон Е.Г.: 1) Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; 2) НЭП. Новая экономическая политика Ленина–Сталина. М., 2004; 3) Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006; Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2; Ципко А. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1990; и др.

⁹⁵ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. С. 199.

⁹⁶ Бурганов А.Х. Откуда и куда идешь, Россия? С. 191.

⁹⁷ Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. С. 7.

кооперации»⁹⁸. При этом сам Кабанов не избежал «вехний времени» и высказал предположение, что, опираясь даже на «зависимую, несамостоятельную» кооперацию, «Россия имела шанс создать уникальную цивилизацию – модель аграрно-индустриального мира»⁹⁹.

Одним из сюжетов, активно рассматриваемых исследователями, стала тема политического самоопределения кооперации. В работе «Кооперация, революция, социализм» Кабанов писал: «Новая и самая главная особенность российской кооперации в 1917 г. – выход на политическую арену». Автор рассматривал это явление как закономерное и ожидаемое, так как, по его мнению, «кооперация уже давно находилась в оппозиции к самодержавию; идеологи, входившие в ее руководящий эшелон, просто не мыслили себя вне политики»¹⁰⁰. Исследователь считал несовместимыми явлениями кооперацию и советскую власть, утверждая, что «потенциальных возможностей развития кооперации при Советской власти никогда не было. Власть изначально выражала ей недоверие»¹⁰¹.

К подобному выводу пришел и Л.Е. Файн, утверждавший, что Октябрьская революция 1917 г. и последовавшие за ней социальные преобразования помешали в полной мере развернуться отечественной кооперативной мысли¹⁰². В монографии «Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930» проанализировав на основе богатейших материалов историю развития кооперации в России с 60-х годов XIX в. до начала 30-х годов XX в., он показал ее роль как «важнейшего компонента цивилизованных рыночных отношений», раскрыл основные принципы и механизм ее функционирования. В тот период его работа стала наиболее полным и обобщающим исследованием истории кооперативного движения в России и в определенном смысле итогом перестроечного всплеска исследовательского интереса к теме.

Современные исследователи рассматривают как различные этапы истории кооперативного движения, так и всевозможные аспекты деятельности кооперативных организаций. Изучаются и вопросы отдельных видов кооперативной деятельности, в частности, проблемы зарождения сельской кредитной кооперации, участие кооперации в системе хлебозаготовок в годы Первой мировой войны, вопросы культурно-просветительской и образовательной деятельности кооперации.

⁹⁸ Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. С. 7.

⁹⁹ Там же. С. 31.

¹⁰⁰ Там же. С. 64.

¹⁰¹ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. С. 143.

¹⁰² Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.

Развитию кооперативного движения в годы Первой мировой войны посвящены работы А.В. Лубкова¹⁰³. Опираясь на глубоко проработанный фактический материал, автор подвергает тщательному анализу процессы, происходившие в этот непростой для России период. В частности, анализируя феномен стремительного роста кооперативных организаций, автор делает вывод, что кооперация не только превратилась в организацию общественной самодеятельности и взаимопомощи, но и в конечном итоге стала механизмом мобилизации усилий в масштабах всей нации.

Исследуя тему участия кооперации в политической борьбе, Лубков приходит к выводу, что кооперация играла важную роль надпартийной организации, пытаясь примирить разногласия между правыми и левыми, радикалами и консерваторами, тем самым укрепляя центр тогдашнего политического спектра.

Развитию потребительской кооперации в конце XIX – начале XX в. посвящена монография Е.Ю. Болотовой. Она показала «устойчивое поступательное развитие» потребительской кооперации, сочетавшей в своей деятельности хозяйственные и общественные функции, ее взаимодействие с государственными учреждениями. Вместе с тем автор отметила, что «вовлечение кооперации в общественно-политическую борьбу размывало "чистоту" кооперативной инициативы, предопределяло изменение ее деятельности в революционном 1917 г. и судьбу в годы строительства Советской власти»¹⁰⁴.

Новый взгляд на кооперацию и кооперативное движение в дореволюционной России предложил В.Г. Егоров, который критически отнесся к точке зрения возобладавшей в 1990-е гг., а именно, к противопоставлению дореволюционного и советского кооперативного движения. Анализ истории развития кооперативного движения в Поволжье, проведенный автором данной статьи, во многом подтверждает этот вывод Егорова.

Егоров разделяет такие понятия, как собственно кооперация и общественное, а подчас и политическое, движение «вокруг» кооперации. Приходит к выводу, что «изучение истории кооперации, социально-экономических предпосылок кооперирования, характера, темпов и условий развития кооперативных форм общественного производства не должно смешиваться с общественным движением за кооперацию»¹⁰⁵. Однако автор не дает ответа на вопрос: а возможно ли это, если

¹⁰³ Лубков А.В.: 1) Война, революция и кооперация // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия: Сб. ст. М., 1994; 2) О социально-политической роли российского кооперативного движения в 1914–1917 гг. // Исторический опыт русского народа и современность: Дом Романовых в истории России. СПб. 1995; 3) Война. Революция. Кооперация. М., 1997.

¹⁰⁴ Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград, 2003. С. 329.

¹⁰⁵ Егоров В.Г. Кооперативное движение в дореволюционной России (новый взгляд) // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 8.

да, то насколько? На наш взгляд, едва ли это возможно, тем более что и сам Егоров не согласен с теми исследователями, которые историческую роль кооперации сводят лишь к классовому противостоянию и определяют ее лишь как средство борьбы с капитализмом. Он считает, что в этом случае кооперацию отрывают от естественной почвы – «эволюционировавшего мелкотоварного производства, одной из форм концентрации которого она являлась»¹⁰⁶.

Кроме того Егоров предложил разделять и историю различных форм кооперации. Автор утверждает, что «по отдельным отраслям хозяйства кооперирование приобрело своеобразные и неповторимые особенности» и закономерности развития, поэтому «вряд ли следует сводить в единое институциональное понятие и оценивать едиными критериями столь разные явления»¹⁰⁷. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, так как анализ практической деятельности кредитных и потребительских кооперативов (особенно в сельской местности) в начале XX в. показывает, что их взаимовыгодная деятельность стала характерной особенностью этого периода. Кредитные товарищества ссужали средства потребительским кооперативам для покупки товаров, а иногда брали на себя посреднические функции при продаже продуктов, производимых членами потребительских обществ. Известны примеры, когда бухгалтерский анализ для сельских потребительских обществ выполняли работники кредитных кооперативов. Поэтому в некоторых случаях деятельность их переплеталась.

Предлагая разделить анализ развития различных видов кооперации, Егоров вместе с тем не видит специфики развития кооперации второй половины XIX в. и начала XX в., рассматривая их как единый дореволюционный период. Высоко оценивая публикации Егорова, все же трудно согласиться с автором в том, что «кооперативное движение... получило большой размах к концу XIX в., и представляло собой заметную общественно-политическую силу»¹⁰⁸.

Комплексным обобщающим трудом, дающим представление о целостной картине развития дореволюционного кооперативного движения, динамике процессов его становления, соотношении различных направлений в его общем русле, стала монография А.П. Корелина «Кооперативное движение в России. 1860–1917 гг.»¹⁰⁹. Эта работа внесла особый вклад в изучение дореволюционного опыта российской кооперации. На основе широкого круга источников автор воссоздал обобщенную картину формирования и разносторонней деятельности российской

¹⁰⁶ Егоров В.Г. Кооперативное движение в дореволюционной России (новый взгляд). С. 8.

¹⁰⁷ Там же. С. 14.

¹⁰⁸ Там же. С. 8.

¹⁰⁹ Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 372.

кооперативной системы, проанализировал государственную политику в отношении кооперации и показал его роль в становлении кооперативного движения. По мнению Корелина, ситуация, сложившаяся в стране к началу 1890-х гг., вынудила правительство «взглянуть на кооперацию не только как на форму организации помощи голодающим, но прежде всего как на средство модернизации сельского хозяйства и всей торговой системы»¹¹⁰.

Наиболее важным представляется вывод автора, что «в годы войны и особенно в послефевральские, дооктябрьские месяцы 1917 г., несмотря на некоторые успехи кооперативного строительства, она (кооперация – *О.Б.*) в значительной мере выполняла лишь снабженческо-распределительные функции, предоставленные ей правительством...» По мнению историка, эта эволюция в сторону «зависимого от государства положения кооперации сыграло в дальнейшем, уже в советские годы, немалую роль в ее огосударствлении, постепенному выхолащиванию кооперативных принципов ее организационного строения и деятельности»¹¹¹.

Н.Л.Рогалина рассматривает кооперацию как одну из составляющих модернизационных реформ России, которые, по мнению автора, «включали мероприятия, направленные на изменение самой модели общественного развития»¹¹². В отличие от А.П. Корелина, она считает, что «помощь со стороны государства не означала потерю кооперацией ее самостоятельности и самодеятельности»¹¹³. Вместе с тем, Рогалина обращает внимание на противоречивый характер государственной политики в отношении сельскохозяйственной кооперации до аграрной реформы П.А.Столыпина: «Стремясь поддерживать и даже активно развивать эти институты, оно в то же время не хотело выпустить их из-под опеки, мешая внутренней консолидации и хозяйственной активизации»¹¹⁴.

Одним из важнейших сюжетов современной историографии стала тема влияния столыпинской реформы на развитие кооперативного движения в России. Так, по мнению П.С. Кабытова, Столыпин, инициировавший проведение в жизнь аграрных преобразований, пытался найти «ту силу, которая могла бы вывести Россию из кризиса»¹¹⁵. В этой связи он уделял большое значение разработке и реализации либеральных реформ местного самоуправления и главное – различных форм крестьянской инициативы. Автор утверждает, что «...самое существенное, что

¹¹⁰ Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. С. 65.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. Учебное пособие. М., 2010. С. 9.

¹¹³ Там же. С. 30.

¹¹⁴ Там же. С. 29.

¹¹⁵ Кабытов П.С. Поиски выхода из кризиса // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 132.

произошло в деревне в период проведения столыпинской земельной реформы, это бурный рост кооперативов»¹¹⁶.

Н.Л.Рогалина также полагает, что качественно новый этап в развитии кооперации связан с началом проведения аграрной реформы Столыпина, когда государство предпринимает ряд мероприятий, способствующих активизации кооперативного движения, его демократизации. Оценивая роль кооперации в жизни дореволюционной деревни в целом, Рогалина отмечает, что «под воздействием правительственной политики в деревне менялось соотношение главных центров социально-экономического и общественного притяжения: общины, земства и кооперации. Роль общины падала, а роль кооперации росла. Кооперация в известном смысле заменила общину, имея дело с единоличной собственностью»¹¹⁷.

В то же время итальянский исследователь А. Грациози придерживается мнения о косвенном влиянии столыпинской реформы: «...Столыпинская реформа действительно некоторым образом проложила пути в деревню (многие крестьяне быстро научились использовать их к своей выгоде)»¹¹⁸.

Одной из сквозных тем исследований по истории кооперативного движения являются вопросы взаимодействия земства и кооперации. Данная проблема легла в основу одного из сюжетов исследования Н.Г. Королевой. Автору удалось показать неоднозначность взаимоотношений между ними. Интересным представляется вывод автора о том, что «помогая кооперации, они (земства – О.Б.) стремились опекать ее и не упускать своей главенствующей позиции в местной хозяйственной жизни. И все-таки противоречия между земствами и кооперативами носили "верхушечный" характер и были преодолимы в конкретных повседневных делах»¹¹⁹.

Не обошел своим вниманием данную проблему и Корелин. Признавая «напряженность», «отдельные (порой громкие и скандальные) столкновения, в отношении земств и кооперативов», он отмечает большую помощь земств в создании кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и заинтересованность в их развитии. Причину этого автор видит в том, что «кооперативы... представляли едва ли не идеальный тип организации местного населения, не только обеспечивавший массовость и эффективность земских начинаний, но и перелавший риск неудач на самих участников кооперативов, что каким-то образом

¹¹⁶ Кабытов П.С. Поиски выхода из кризиса. С. 135.

¹¹⁷ Там же. С. 49.

¹¹⁸ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. М., 2001. С. 10.

¹¹⁹ Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914 гг.). М., 2011. С. 166.

должно было послужить и импульсом для активизации их самостоятельности и инициативы»¹²⁰.

Несмотря на явный интерес исследователей, вопросы взаимодействия земства и сельской кредитной кооперации изучены недостаточно, и их рассмотрение требует специального исследования.

Безусловным достижением современного историографического периода является стремление к изучению регионального опыта кооперативного строительства. На рубеже XX–XXI вв. в нашей стране сформировалось 4 научные школы по изучению кооперативного движения в России: Саратовская, Московская, Ивановская и Самарская¹²¹. Исследуются различные периоды и направления деятельности кооперативных организаций. Результаты нашли свое выражение в кандидатских и докторских диссертациях¹²².

Глубокий анализ развития кустарно-промышленной кооперации Поволжья в условиях новой экономической политики осуществлен пензенским историком О.В. Яговым¹²³. В последние годы появляются исследования, охватывающие как досоветский, так и советский периоды развития кооперативного движения¹²⁴. На протяжении последних двадцати лет изучением рассматриваемой проблемы на региональном уровне занимается и автор настоящей публикации¹²⁵.

¹²⁰ Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. С. 258.

¹²¹ Петров В.Н. История становления кооперативной мысли в России (1861–1829 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. С. 22.

¹²² Безгина О.А. Кооперативное движение в Самарской губернии (1918–1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997; Капитонов А.А. Кооперативное движение в Самарской губернии в досоветский период: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995; Коновалов И.Н. Сельскохозяйственная кооперация в России в конце XIX – начале XX вв. (На материалах губерний Северного, Приуральского и Поволжского регионов): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999; Нейфельд Е.Я. Кооперативное движение в 1917–1921 гг.: теория, политика, практика (на материалах Оренбургской, Самарской и Саратовской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993; Парамонова Р.Н. Развитие системы кооперации Среднего Поволжья в условиях новой экономической политики. 1921–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Туманова Л.В. Культурно-просветительная деятельность кооперации на селе в период нэпа. (На материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; Ягов О.В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников и его кооперирование в 1920-е гг. (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1997; и др.

¹²³ Ягов О.В. Кустарно-промышленная кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики.

¹²⁴ Гуляев Р.А. Становление и развитие кредитной кооперации Пензенской губернии в 1904–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006; Соларев Р.Г. Государственная власть и крестьянская кооперация в конце XIX в. – 1930 г. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010; Раужина Л.С. Становление и развитие потребительской кооперации Мордовии (конец XIX в. – 1980-е гг.). Самара, 2011.

¹²⁵ Безгина О.А.: 1) К вопросу эволюции крестьянской кооперации Поволжья в начале XX века // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электронный сборник. Вып. 1, ч. 1.

Таким образом, историками проделана немалая работа по изучению истории кооперативного движения в дореволюционной России. Анализ исследований, посвященных истории кооперативного движения России в дореволюционный период, позволяет сделать некоторые выводы и отметить наиболее характерные черты в историографии этой темы.

Уже в начале XX в. обозначился взгляд на кооперацию как средство преобразования социального устройства российского общества. Значительное количество практиков и теоретиков кооперативного движения видели в нем именно возможность социальных преобразований. На ранних стадиях развития кооперативных теорий проявилось стремление авторов к изменению не столько экономических условий, сколько социальных отношений.

На современном этапе у отечественных исследователей истории кооперативного движения в дореволюционной России появилась возможность проводить взвешенные оценки этого процесса, благодаря открытию части архивов и не оглядываясь на цензурную политику и политический заказ.

Анализ литературы свидетельствует, что современными исследователями показан активный и самостоятельный характер кооперативного движения в дореволюционной России; его несомненное влияние на экономическую ситуацию и модернизационные процессы, главным образом, в крестьянской среде. Вместе с тем исследования последних лет также показали, что процесс включения кооперации в государственную систему начался еще до советского периода, в годы Первой мировой войны.

Исследователи пришли к выводу, что подлинно кооперативные принципы в условиях социализма реализовать было нельзя, а кооперативный социализм или кооперативная коллективизация не могли стать из утопической идеи реальностью из-за огосударствления кооперативной деятельности.

Изучение кооперативного движения позволило исследователям затронуть такие проблемы, как деятельность земства по развитию кооперации в регионах, влияние столыпинской реформы на активизацию кооперативного движения, включение лидеров кооперативного движения в политическую жизнь и другие.

Самара, 2013. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/sbornik.html?cid=2> (дата обращения: 11.07.2015); 2) К вопросу о периодизации кооперативного движения // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4 (12); 3) Культурно-просветительная деятельность отечественной кооперации в досоветский период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (9). Ч. II; 4) Эволюция кооперативного законодательства в дореволюционной России // Вектор науки Тольяттинского госуниверситета. 2011. № 1 (15); 5) К вопросу о роли земства в становлении сельскохозяйственной кредитной кооперации России // Там же. 2014. №1 (27).

В то же время в разработке проблемы остаются определенные лакуны. В частности, на сегодняшний день нет ни одного фундаментального исследования, комплексно рассматривающего историю зарождения и развития сельскохозяйственной, потребительской и кредитной кооперации Поволжья.

Гусева Юлия Николаевна

доктор исторических наук

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

МУСУЛЬМАНСКАЯ «СЕКТА» ВАИСОВЦЕВ В ДОКУМЕНТАХ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА ОГПУ НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

Ваисовский сюжет занимает особое место в описании прошлого мусульманских народов Волго-Уральского региона. Пожалуй, это один из немногих эпизодов татарской истории, который до сих пор хранит в себе значительный исследовательский потенциал и обладает особой притягательностью в силу неординарности и запутанности. Попытки разобраться в хитросплетениях судеб основателя мусульманской «секты»¹ Багаутдина Ваисова и его двух наиболее общественно активных сыновей – Гинанутдина (Гайнана) и Газизяна – принуждают историка отчасти переквалифицироваться в детектива – настолько многогранны и противоречивы их деятельность и жизненный путь.

Навряд ли в настоящий момент нуждается в пространных доказательствах необходимость изучения исламских практик и теорий, которые могут быть оценены с разных методологических позиций как «неканонические» (с точки зрения религиозных ортодоксов) или как проявления «регионального ислама»². С начала 2000-х годов предметом изучения становится как сам феномен «регионального ислама», так и его оригинальные проявления. В разряд последних с полным основанием можно причислить рожденное в Поволжье во второй половине XIX в. самобытное ваисовское движение, содержащее идеи «очищения» ислама,

¹ Мы вполне разделяем точку зрения Д.М. Усмановой, которая находит возможным применять в отношении ваисовства термин «секта» в нейтральном смысле этого понятия, тем более что в дореволюционный период последователи Б. Ваисова именовали себя таким образом. (Усманова Д.М. Мусульманское «сектанство» в Российской империи: Ваисовский Божий полк староверов-мусульман. 1862–1916 гг. Казань, 2009. С. 4–7). Однако мы закавычиваем это понятие, исходя из представлений о его эволюции в постреволюционный период в сторону общественно-политического движения.

² Прозоров С.М. Заметки об исламе // Исламоведение. 2010. № 1.

пересмотра сложившихся государственно-исламских отношений и решения национальных и социальных проблем в специфической форме (путем воссоздания Болгарского ханства)³.

Как и под воздействием каких обстоятельств первоначальные ваисовские идеалы времен отца-основателя Багаутдина Ваисова трансформировались в эклектичное социально-политическое движение под «знаменем» ислама? При каких условиях может появиться питательная почва для укрепления идей «очищения ислама»? Ответ на эти и другие вопросы стимулирует процесс изучения траектории развития мусульманского мира России и проистекавших в нем в XX веке общественных явлений.

Историографическая традиция изучения ваисовства в своем развитии прошла ряд этапов, которые были детерминированы как спецификой развития общества и государства, так и скудостью источников и запутанностью сюжета. При этом оригинальность явления помогала ваисовству оставаться ярким пятном в истории тюркских народов. Данную проблематику не обходили вниманием даже признанные светила отечественной исторической науки. Крупнейший отечественный востоковед, академик В.В. Бартольд упоминал о ваисовстве как о разновидности модернистского движения на религиозной почве, направленного против официального ислама и русского государства. В качестве истоков явления академик называл ваххабитские идеи, почерпнутые Ваисовым в Средней Азии, и русское старообрядчество⁴. В.А. Гордлевский в статье, посвященной личности и наследию Багаутдина Накшбенди, отмечал, что ваисовцы – единственный пример социально-политической активности ордена накшбенди в Поволжье. Он утверждал, что «Бахауд-дин (Ваисов – Ю.Г.), родоначальник ваисовцев, "партии спасения", мечтавший еще в 1908 г. об отделении от России, проникнут пуританскими (ваххабитскими) идеями, и всегда близкими накшбенди»⁵. Последнее мнение, увы, выражает субъективное восприятие приверженцев суфизма как ярых антигосударственников⁶ и недостаточное владение сюжетом⁷.

³ Усманова Д.М. Указ. соч.

⁴ Бартольд В.В. Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир. М., 2012. С. 76.

⁵ Гордлевский В.А. Баха-уд-дин Накшбэнд Бухарский. (К вопросу о наслоениях в исламе) // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882–1932): Сб. ст. Л., 1934. С. 166.

⁶ Об авторском понимании форм и направления деятельности суфийских лидеров-ишанов в Волго-Уральском регионе в XX в. см.: Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Среднего Поволжья в XX веке: формы, смыслы, значение. М., 2013.

⁷ В 1908 году основоположника учения уже не было в живых, а «партия спасения» движение стало называться в советские времена.

В другом направлении развивалась историческая мысль исследователей, творивших в сугубо материалистическом ключе и рассматривавших ваисовство как разновидность мусульманского сектантства. Советские исследователи 1920–1930-х гг., отчасти следуя дореволюционным определениям, именовали ваисовцев «религиозной сектой», которая имела антимонархическую политическую программу и поэтому преследовалась царизмом⁸.

Важным этапом в изучении темы стала работа М. Сагидуллина «К истории ваисовского движения», опубликованная в Казани в 1930 г. Помимо выделения этапов движения, содержательного, хотя не лишённого идеологических штампов, анализа воззрений ваисовцев, в издании содержатся фактологические данные, относящиеся к 1917–1918 гг. Однако материал по более позднему периоду в книге не отражен. В целом труд этого автора является наиболее существенным в советской историографии исследованием на данную тему. Именно его оценки до начала Перестройки были наиболее растиражированными и устоявшимися. «Ваисовцы – религиозная секта, нечто сродственное с "христианскими коммунистами" средневековья, считающая ислам революционным учением. Секта, находившаяся в некоторой вражде с самодержавием, организовавшая "божьи войска"»⁹.

Ваисовцы упоминаются в работах многих зарубежных и отечественных исследователей 1980–2000-х годов, но фактура и оценка их деятельности по преимуществу относятся к дореволюционному периоду и 1917–1918 гг. О судьбе движения и его лидеров в последующий период сообщаются самые общие данные¹⁰, причем оценки явления разнятся кардинально: от «типичной средневековой секты», «татарских ваххабитов» (А. Хабутдинов¹¹) до «причудливой смеси социализма, толстовства и пуританизма ваххабитского типа» (А. Беннигсен¹²).

Во многом это «заслуга» доминирования материалистического концепта в советской историографии, а в еще большей степени дефицита источников. По

⁸ См, напр.: *Климович Л.И.* Ислам в царской России: очерки. М., 1936. С. 168–169.

⁹ *Сагидуллин М.* Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. Казань, 1927. С. 59–60.

¹⁰ См.: *Валеев Р.К., Валеева А.В.* «Это мучительно и горько»: (письмо Хаджар Ваисовой о судьбе отца) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2010. № 3–4.; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004; *Кэмпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. Казань, 2008; *Сенюткина О.Н.* Ваисовство в контексте российского политического тюркизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. 2006. №3 (24); *Усманова Д.М.* Указ. соч.; *Keller Sh.* To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport, 2001; *Rorlich Azade-Ayşe.* The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Hoover Inst Press Publication, 1986.

¹¹ *Хабутдинов А.Ю.* Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2.

¹² *Bennigsen A., Wimbush S. Enders.* Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. London, 1985. P. 39.

точному замечанию специалиста по дореволюционному этапу движения Д.М. Усмановой: «Материалы, связанные с ваисовским движением в 1917–1918 гг., не говоря уже о более позднем периоде, сосредоточенные в архиве КГБ–ФСБ, представляют собой наиболее закрытую и менее всего вовлеченную в научный оборот группу архивных документов»¹³.

Некоторые источники Татарского ОГПУ, сохранившиеся в Архиве УФСБ по Республике Татарстан, были введены в научный оборот К.Р. Шакуровым¹⁴. Однако рассматриваемые нами документы в ряде случаев являются качественно иными по содержанию, так как относятся к ведомству Восточного отдела ОГПУ, который являлся руководящим органом для Татарского отдела. Они представляют собой обзоры, доклады, сводки по разработкам ваисовского движения, рожденные в недрах Всетатарского (Татарского) отдела (Всетатотдела) и поступившие в разработку Восточного отдела ГПУ–ОГПУ (ВО ОГПУ)¹⁵. Первичными материалами, на основании которых делались заключения специалистов ВО ОГПУ, являлись аналитические заключения работников ОГПУ на местах, данные осведомителей, документы партийных органов, публикации в прессе, перлюстрированная почта.

Наиболее пространным и содержательным документом, освещающим прошлое и настоящее ваисовского движения, является «Сводка по разработке о "Ваисовцах" (Божьих воинах). Дело № 342, тома IV и V» (при общем докладе о восточной работе от 28 декабря 1922 года за № 4569/с)¹⁶. Ее автором являлся один из наиболее ярких сотрудников Всетатарского отдела ОГПУ, который впоследствии сделал блестящую карьеру разведчика (работал в Литве, Чехии, Турции, Италии, Иране, Египте, дослужился до генерал-майора), а в рассматриваемое время был начальником 1-го специального восточного отделения Павел Матвеевич Журавлев¹⁷. Учитывая, что он заканчивал Казанскую гимназию и был слушателем Казанского университета (в период с 1914 по 1917 г.), не стоит исключать возможности его общения с известными учеными (Н.Н. Ашмариним, Н.Ф. Катановым), дававшими экспертную оценку трудам и деятельности «секты» в дореволюционный период¹⁸. По нашему представлению, не будучи в тот период «узким» специалистом по исламской проблематике, Журавлев сумел достаточно обстоятельно и многомерно охарактеризовать различные этапы деятельности ваисовцев.

¹³ Усманова Д.М. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ Шакуров К.Р. Ваисовское движение в России в 1860–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.

¹⁵ Ислам и советское государство. М., 2010. Вып. 1. С. 12–13.

¹⁶ Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 11–16 об.

¹⁷ Биографию П.М. Журавлева см.: Воскресенская З., Шарпов Э. Тайна Зои Воскресенской. М., 1998. С. 287–289.

¹⁸ Усманова Д.М. Указ. соч. С. 10–14.

Начиная изложение предыстории учения, Журавлев допускает важную оговорку: «Никаких документальных чисто исторических свидетельств по делу "Ваисовцев" и их организации не нашлось (вернее, их нет), так как история заметно не обратила должного внимания на эту организацию»¹⁹. Это замечание может говорить о следующем: 1) работники ОГПУ не признавали за ваисовцами сколь-нибудь заметного влияния на события, происходившие в пределах Татарии в первые постреволюционные годы; 2) имела место недоработка со стороны самих специалистов, недостаточно глубоко погрузившихся «в тему», так как целый пласт архивных дел по дореволюционному ваисовству сохранялся в архивах Казани и Санкт-Петербурга.

Разумеется, излагая момент рождения и развития ваисовства, специалисты используют классовый подход: настоящая «организация Ваисовцев Востока Божьих воинов есть организация религиозная, а всякая религия есть орудие одурачивания и угнетения темных масс». Образование сект в исламе помогало «богатому классу» «разжигать фанатизм», организуя вражду между суннитами и шиитами, таким образом удерживая верующих в повиновении. К подобным сектам, пытавшимся в бытность Багаутдина Ваисова объединить мусульман под лозунгом «очищения ислама» и основания «Болгарского ханства», противопоставив «истинных верующих» и мулл-булгарцев официальному суннитскому духовенству и местной администрации, относились и ваисовцы²⁰.

Качественно новой мыслью, которую можно назвать собственной находкой аналитика, было указание Журавлева на возможную духовную связь основателя «секты» Багаутдина Ваисова с представителями бабидского (бехаистского) движения. Как отмечали дореволюционные исследователи последнего, «около Ширази в Персии есть противушиитская мусульманская секта, называющая себя "людьми истины". К мусульманам она относится враждебно, имеет свой особый быт, свое богослужение, и вот мусульманские муллы рассказывают о ней все те скверности, которые были выдуманы язычниками о христианах»²¹. Помимо явного сходства обеих концепций в плане неприязни к официальному духовенству, общими местами ваисовства и бабизма-бехаизма можно считать призывы тех и других к созданию нового государства, пронизанного реформированными исламскими идеями, ориентацию на социальное и имущественное равенство²².

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 11, 16.

²¹ Болотов В.В. Лекции по истории Церкви // Апология христианства: сайт. URL: http://apologia.narod.ru/history/bolotov/bol_his_2.htm (дата обращения: 07.02.2013).

²² Базиленко И.В. Краткий очерк истории и идеологии бахаизма (XIX–XX вв.). СПб., 1998.

Важно отметить, что советские контрразведчики не связывали ваисовство в его изначальном и позднейшем виде с ваххабитскими воззрениями, как это наблюдается в работах дореволюционных и современных российских ученых и зарубежных специалистов. Вместе с тем работники ОГПУ отмечали сильное влияние ишанов (суфийских шейхов) на настроения тюркских народов Поволжья в дореволюционный период. Они именуют Багаутдина Ваисова и его сыновей «дервишами», основателями «духовного Болгарского ханства», что лишнее раз доказывает осведомленность работников политуправления в данном вопросе. Их изложение дальнейшей судьбы движения вплоть до революции 1905 г. является достаточно объективным. Рост популярности ваисизма на рубеже XIX–XX вв. справедливо объясняется полемикой между модернистами-джахидами и консерваторами, однако при этом не учитывается комплекс социально-экономических обстоятельств, которые могли способствовать росту интереса к нему со стороны различных слоев татарского общества.

Примечательной, с нашей точки зрения, является ремарка о том, что лидер движения конца XIX – начала XX в. (до 1918 г.) Гайнан Ваисов, являясь «отпрыском феодального и патриархального духовенства», не мог участвовать в революции 1905 года, но при этом, «будучи мусульманином, должен и обязан был (! – Ю.Г.) сочувствовать малейшему ослаблению монархического трона»²³. Очевидно, что в этой тираде наличествует специфическое видение спецслужбами целей деятельности активистов тюрко-мусульманского мира. Политическая разведка не допускала мысли о наличии внутри национально-религиозных групп Волго-Уральского региона течения, которое не было бы однозначно враждебно началам российской государственности. Справедливости ради отметим, что подобные настроения имели под собой определенные основания, идущие от знания дореволюционной ситуации²⁴.

Интересными и в целом справедливыми также выглядят пояснения относительно программы «исламского социализма» Гайнана Ваисова (1917 г.), которая называлась противоречивой компиляцией «собственных идей и положений программы эсеров и меньшевиков». Эклектичность программы доказывалась тем, что она включала несовместимые с социалистическими идеями пункты: «п. 11 – о равенстве и братстве при наличии богатых (капиталистов) и бедных»²⁵.

В следующих абзацах содержатся особенно важные для понимания позиции советского государства в отношении ваисовства сведения. Журавлев констатирует,

²³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 12.

²⁴ *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 г.). Нижний Новгород, 2007.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 12 об.

что некоторые члены казанского РКП(б) впервые обратили внимание на Гайнана Ваисова и стали рассматривать его как потенциального политического союзника после опубликования в «Казанской рабочей газете» открытого письма А.Ф. Керенскому с требованием прекратить войну.

Далее источник «проливает свет» на одну из самых загадочных страниц истории движения. Напомним, что именно «божьи воины» поддержали большевиков в начале 1918 г., когда резко обострились взаимоотношения между различными слоями татарского общества. Не исключено, что их вооруженная поддержка сыграла весьма важную роль в укреплении власти Советов в Среднем Поволжье. К.Р. Шакуров со ссылкой на Р. Пайпса констатирует, что большевики могли специально вооружать ваисовцев для противостояния силам пробуржуазно настроенного Военного Совета (Харби Шуро)²⁶. Источник ВО ОГПУ говорит об этом факте совершенно однозначно, подтверждая догадку американского историка: «В феврале 1918 года, когда была провозглашена Идельуральская буржуазная мусульманская республика (Забулачная республика), Ваисову с согласия Совнаркома Казанским Советом было отпущено 7 000 (вероятно, ошибка, должно быть 700 – Ю.Г.) винтовок и деньги на организацию зеленой гвардии Ваисовских (Божьих воинов) для защиты Соввласти от контрреволюционных войск Всероссийского Военного Шуро»²⁷.

Смерть Гайнана Ваисова 28 февраля 1918 г. от рук противников Советов («обезумевшей и темной массы») и реакция на нее властей объясняется так: его «причислили к первым мертвым революции со стороны татарского пролетариата, но это была **ложь и ложь сознательная и необходимая, так как этого требовала политическая обстановка** (выделено мной – Ю.Г.). Появившиеся в то время в "Коммунистической газете" передовицы также никого не удивляли, несмотря на то, что его возносили чуть ли не за великого социалиста Ислама, Революционера и т.д., опять-таки все это происходило и делалось в силу создавшейся политической обстановки»²⁸.

Помимо изложения фактов, характеризующих взаимодействие ваисовцев и государства, важны документальные свидетельства, отражающие рефлексию рядовых мусульман на деятельность «божьих воинов». В частности, публикации в местной прессе содержали разоблачающие ваисовское движение факты²⁹. Однако следует учесть, что подобные статьи зачастую являлись продуктом инициированной ОГПУ печатной кампании. На это, кстати, косвенно указывали сами чекисты, поясняя,

²⁶ Шакуров К.Р. Указ. соч. С. 169.

²⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 13 об.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 14.

что движение пошло в Татарии на спад в результате умелых действий по его расколу и дискредитации³⁰.

Большие опасения у работников ведомства вызывали действия младшего, но не менее активного, брата Гайнана – Газизяна Ваисова – не столько в Волго-Уральском регионе, где они имели ограниченную поддержку, а в Средней Азии. Политуправление уделяло пристальное внимание международному аспекту движения: «болевым точкой» тогда был Туркестан и Средняя Азия в целом, где и развернул свою работу ваисовский штаб. Архивные документы фиксируют момент активизации деятельности лидера движения в Ташкенте и различных городах Туркестана с 1921 года. Помимо Москвы, городов и сел поволжских губерний, глава движения побывал в Сибири, Восточном Туркестане, Восточной Персии, Афганистане. Работники ОГПУ обращают внимание на факты общения Газизяна Ваисова с авторитетным туркестанским духовенством, а также с басмачами и окружением турецкого генерала Энвера-паши, который вплоть до своей смерти в августе 1922 г. руководил сопротивлением местного населения и мечтал о появлении крупного исламского государства в Центральной Азии.

Этот аспект деятельности Газизяна Ваисова, бывший на определенном этапе максимально притягательным для Советов, которые пытались заручиться поддержкой военных и религиозных кругов Афганистана, Турции, Персии и других восточных стран, впоследствии вызывал наибольшее отторжение у ОГПУ, советских и партийных органов. Он же подтолкнул власти к применению административных и репрессивных мер в отношении организации и ее лидеров.

Деятельность ваисовского движения и специфика ее освещения аналитиками спецслужб привели к тому, что уже в 1922 г. в партийных документах и документах ВО ОГПУ появились заявления о «зеленой контрреволюции», потенциальными лидерами которой именовались исламские «божьи воины»-ваисовцы. В этой связи движение ваисовцев выглядело одним из дестабилизирующих внутреннюю политику Советской России факторов, что толкало работников спецслужб к принятию соответствующих решений. Поэтому осенью 1923 г. Татарское ОГПУ обратилось в Восточный отдел с ходатайством о запрете существования организации и о недопущении ее перерегистрации в НКВД ТАССР. В результате 21 октября 1923 г. в Казань из Восточного отдела было отправлено предписание о необходимости «принять соответствующие меры к тому, чтобы указанная организация не была зарегистрирована»³¹.

Особо следует остановиться на оценке, которую давали работники спецслужб ваисовскому движению. Именно она самым непосредственным образом повлияла на

³⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 9.

³¹ Там же. Л. 2; Д. 589. Л. 228.

историческую судьбу движения и его лидеров. Газизян Ваисов будет дважды репрессирован (в 1926 и 1940 гг.), но не будет расстрелян (скончается в 1963 г.).

Оценка движения носила противоречивый характер. В самом общем виде ваисовство расценивалось как часть «религиозно-национального движения среди татар». Религиозная составляющая ваисовства никем из аналитиков не оспаривалась. П.М. Журавлев предлагал не останавливаться на этом, именуя ваисовство «национально-шовинистической» организацией, чья работа направлена на привлечение мусульман к «контрреволюционной деятельности»³². В документах можно встретить и иную оценку: «Программа общества представляет смесь положений короны (имеется в виду – монархических идей – Ю.Г.) с принципами социалистических учений»³³. Ваисовский девиз «Мусульмане всех стран, соединяйтесь!», по мнению некоторых работников политической разведки, доказывал, что движение и деятельность последней группы нисколько не отличается от других панисламистских организаций³⁴. «Общество является собранием авантюристов, под красивыми фразами своей программы, преследующее личные интересы», – подобным образом характеризовали ваисовцев работники Татарского ОГПУ³⁵.

Наиболее обстоятельной является следующая оценка: «Эта организация в одних случаях называет своих членов "борцами Ислама", в других "коммунистами-большевиками", в третьих "революционерами Ислама" тюрок-бедняков и прочего вида, и в сущности более или менее правильно определяя Ваисовцев приходится отнести к типу русских евангелистов-сектантов, но своим шовинизмом от последних также далеки. Не только название, но и сама деятельность ваисовцев слишком разнородна...»³⁶

Подводя итог, отметим, что, по мнению властей, ваисовцы представляли собой религиозно-националистическую секту-движение, ставившую перед собой цель объединения тюрок-мусульман под религиозными лозунгами для борьбы за права восточных народов. При этом ее отличала высокая степень политизации, эклектичность идей и деятельности, слабо разработанная идеологическая платформа³⁷.

Препарируя оценки, мы сталкиваемся с нетипичным для материалов ОГПУ «многоголосьем». В материалах не имеется целостной и однозначной квалификации

³² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 16.

³³ Там же. Д. 662. Л. 2.

³⁴ Там же. Д. 689. Л. 8–9.

³⁵ Там же. Д. 662. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 194.

³⁷ Все указанное, как правило, становится основанием для деинтеллектуализации и упрощения учения и в перспективе приведет к деградации движения в целом.

политической, социальной, идеологической программы ваисовства. Равно как не имелось ее до революции и у жандармов, и в среде чиновников МВД. Это свидетельствует о многогранности явления, непоследовательности программных установок и деятельности лидеров ваисовства и отчасти может указывать на степень компетентности работников политического управления.

Кроме того, терминологическая неопределенность (обозначение ваисовцев то как секты, то как религиозно-националистического движения) фактически допускала двойное отношение к ним. Напомним, что в период нэпа отношение властей к сектам внутри различных церквей было весьма дружелюбным, так как они рассматривались как тактические союзники в борьбе с официальными религиозными структурами³⁸. Это, как в случае с ваисовцами, создавало благоприятный фон для временного сотрудничества.

Излишне говорить, что второе наименование «развязывало руки» властям в применении любых средств. Повторимся, что, по мнению ВО ОГПУ, любое из национально-религиозных движений априори (и ваисовство не являлось исключением) стремилось к выходу из-под юрисдикции центральной власти. Такое видение изначально накладывало негативный отпечаток на характер взаимодействия представителей тюркской политической (национальной, национально-религиозной) и нарождающейся советской элиты. Поэтому печальную судьбу ваисовского движения можно было спрогнозировать изначально.

Отражения «советского ваисовства» в «кривом зеркале» документов ВО ОГПУ может выступать в качестве одной из иллюстраций частичного наследования (при внешнем и содержательном противопоставлении прежней и новой политической, мировоззренческой системы) позднеимперской модели государственно-исламских отношений.

Не приходится отрицать, что приведенные в документах ВО ОГПУ заключения являются отчасти объективными. Анализ программных документов движения свидетельствует об отсутствии четкой разработанной программы экономического, политического развития «истинных мусульман»-булгарцев. Заявления о провозглашении Болгарстана не имели под собой практически никаких оснований, кроме политической воли лидеров движения³⁹. Вызывала большие сомнения и уверенность Газизяна Ваисова в способности адептов учения внедрить социалистические и коммунистические начала в жизнь «мусульманских народов» Средней Азии, Афганистана, Западного Китая, Турции.

³⁸ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973; Федоренко Ф. Секты, их веры и дела. М., 1965.

³⁹ Государственный Архив Российской Федерации. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 5; Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 33. Д. 31.

При этом некоторые специалисты ВО ОГПУ упустили из виду причины социально-экономического и мировоззренческого характера, которые могли привлечь людей в «секту», упрощая видение вопроса до корыстной контрреволюционной деятельности группы национально и религиозно мыслящих людей. Мы можем лишь отчасти принять эту «черно-белую» оценку, так как за братьями Ваисовыми действительно стояло сравнительно незначительное число последователей из верующих крестьян, ремесленников, торговцев. В начале 1920-х гг. активных членов в Казанской губернии насчитывалось не более 200 чел. Однако Газизян Ваисов имел серьезную поддержку в лице представителей военных и религиозных кругов Афганистана, а также Ташкента и других среднеазиатских центров⁴⁰.

В заключение отметим достаточно высокий уровень экспертной работы сотрудников ОГПУ. Их попытка анализа ваисовства как целостной системы взглядов сравнительно более многогранная, нежели оценки партийных и местных советских органов, которые видели в них только врагов, подлежащих уничтожению, и не пытались вникнуть в суть проблемы. В анализируемых документах заметен более вдумчивый подход – попытка разобраться в основаниях явления, обнаружить сходные мировоззренческие концепты (в мусульманском и христианском мире), который, однако, был не доведен до логического конца и обрел соответствующее духу времени идеологическое оформление. Не стоит также исключать, что оценки, рождавшиеся в недрах ВО ОГПУ, впоследствии перекочевали в научную, научно-пропагандистскую литературу.

⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 179; Keller Sh. Op. cit. P. 90–91.

Мациевский Герман Олегович

доктор исторических наук

Краснодарский государственный университет культуры и искусств

**РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

В январе 2015 г. исполнилось 110 лет со времени начала Первой российской революции 1905–1907 гг., во многом предопределившей дальнейшие политические потрясения начала XX в., которые привели к радикальным переменам во всех сферах жизни российского государства. Активное участие в событиях того времени приняло казачество, при этом казаки оказывались зачастую по разные стороны политических баррикад.

В 1905 – первой половине 1906 г. в 82 губерниях и областях России из 87 было введено военное положение или положение о чрезвычайной и усиленной охране. Казаки начинают активно привлекаться для подавления крестьянских и рабочих выступлений. В течение 1905–1907 гг. были мобилизованы полки всех трех очередей Астраханского войска и весь личный состав Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск¹. 6 ноября 1906 г. казачьи полки были размещены более чем в 30 городах Российской империи, в том числе два гвардейских полка и конвой Его Императорского Величества – в Петербурге, по два полка в Москве и Саратове, по одному в Орле, Ярославле, Нижнем Новгороде, Козлове, Воронеже, Киеве, Владимире-Волынском, Харькове, Курске, Полтаве, Ромнах, Кременчуге и т.д. Все остальные – в Варшавском и Кавказском военном округах. Были произведены призывы льготных частей, что дало 37 полков и 6 отдельных сотен общей численностью 30 529 чел.² При этом количество мобилизованных казачьих подразделений для участия в подавлении революции было несравненно большим,

¹ Галушко Ю. Казачьи войска России. М., 1993. С. 129–169.

² Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 12.

Сообщения и заметки

чем для других нужд. Так, «для внутренней службы было мобилизовано 8 оренбургских казачьих полков, тогда как на русско-японскую войну ...в два раза меньше – лишь 4 полка»³.

При этом революция 1905–1907 гг. обнажила внутреннюю политическую неоднородность и расслоение казачества. Некоторые казачьи части отказывались от участия в полицейских акциях. Например, в 14–17-м кубанских пластунских батальонах (в Новороссийске, Тихорецкой, Крымской станицах и на станции Евлах) в ноябре–декабре 1905 г. произошли волнения, связанные с тем, что эти части отказались нести полицейскую службу. Пластуны состояли из наиболее бедных казаков и для них идеи социальной справедливости оказались, скорее всего, ближе, нежели сословные обязанности.

Вскоре восстал 2-й Урупский казачий полк, который за 1905 г. более 30 раз привлекали для разгона митингов и крестьянских выступлений. Казаки при поддержке местных жителей отпечатали листовку «От 2-го Урупского казачьего полка. Ко всем гражданам России». При этом восставшие подчеркивали, что остаются верными слугами царя, но протестуют против действий правительства, которое ввело в заблуждение государя, а казаков превратила в насильников⁴. Происходили и другие подобные события. Например, 9 июля 1906 г. гарнизон Таганрога, состоящий из частей 41-го Донского казачьего полка, отказался стрелять по митингующим. В результате полк был снят с гарнизонной службы как неблагонадежный и заменен регулярной кавалерией. 18 июня 1906 г. сбор станицы Усть-Медведицкой Области Войска Донского заявил атаману, что полки 2-й и 3-й очереди служат, по их мнению, не государю императору, а «несут полицейскую службу, охраняют помещиков и их имущество»⁵. События в станице настолько обострились в июле–августе, что местные власти вынуждены были информировать о них военное министерство и министерство внутренних дел.

Интересным является тот факт, что наиболее активно политические события развивались в казачьих регионах с сильными традициями вольности и «незалежности» – на Дону и Кубани. В прочих казачьих регионах подобной высокой активности не наблюдалось. Более того, в «политически неблагонадежные» казачьи регионы для подавления выступлений перекидывали казаков из «указных» (неисторических, созданных властью) казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока. Газета «Царицынский вестник» писала об Усть-Медведицких событиях: «После июльских грандиозных митингов наш Усть-Медведицкий округ попал в

³ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 19.

⁴ Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. Краснодар, 1996. С. 445–447.

⁵ Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 135.

Сообщения и заметки

опалу. Теперь в окружной станице расквартированы две сотни "верных" оренбургских казаков... То же самое наблюдается и в Раздорской станице, где расквартирована одна сотня оренбургских казаков»⁶.

Однако это не означало, что все «указные» казачьи войска были однозначно политически индифферентны и однородны. По сообщению газеты «Солдатская жизнь», в феврале 1906 г. две сотни «верных» оренбургских казаков, возвращавшихся с фронтов русско-японской войны, отказались ехать в Москву для поддержания порядка и самовольно отправились по домам⁷. Некоторые казачьи части выступали с более радикальными политическими заявлениями. Ярким примером является образование в Чите 22 ноября 1905 г. Совета солдатских и казачьих депутатов, который объявил о том, что он провозглашает «Читинскую республику»⁸. Совет выработал требования, которые были направлены командиру войсками и наказному атаману Забайкалья. Требования не только касались местных нужд, но и включали общеполитические права солдат и казаков: уравнивание казачьего сословия со всеми остальными по отбыванию воинской повинности, неприкосновенность личности солдат и казаков, сокращение срока действительной службы до двух лет и т.д.⁹

10 февраля 1906 г. военный губернатор Амурской области генерал-лейтенант Д.В. Путята рапортовал Приамурскому генерал-губернатору: «Под влиянием революционных подстрекателей... казаки первой полусотни третьей сотни Амурского дивизиона и писаря войскового правления... стали требовать немедленного увольнения их со службы, ссылаясь на то, ...что их неправильно задерживают, ...чтобы образовать черную сотню для воспрепятствования освободительному движению... Казаки... оставили службу и самовольно разъехались по станицам... Был организован по станицам съезд делегатов Амурского войска... На съезде произносились возмутительные речи, пелись революционные гимны... Было признано, что носить звание казака позорно, *необходимо уничтожить казачье сословие...* (курсив мой – Г.М.)»¹⁰. В данном случае такой «революционный радикализм» был связан, скорее всего, со стремлением казаков освободиться от своего «полукрепостного» состояния, обострившегося в годы русско-японской войны, «саморасказачиться». Разорение хозяйств и обнищание семей, которое

⁶ Царицынский вестник (Царицын). 1906. 23 августа.

⁷ Солдатская жизнь. 1906. 6 февраля.

⁸ Воронина А.А. Революционная деятельность читинских большевиков среди казачьего населения (1904 – лето 1905 гг.) // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск, 1980. С. 134–142.

⁹ См.: Очерки по истории Читинской областной организации КПСС. Чита; Иркутск, 1975. С. 47–57.

¹⁰ История казачества Азиатской России. В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 2. С. 90–92.

увидели возвращающиеся после мобилизации казаки, толкнуло их к проявлению недовольства¹¹.

С созывом I Государственной думы на имена депутатов от казачьих регионов стали поступать многочисленные «приговоры» казаков, в которых содержались просьбы об освобождении их от несвойственных казакам полицейских функций. Так, казаки 31-го Донского казачьего полка в письме депутатам писали, что они «с радостью пошли на войну» с Японией, но их задержали и отправили нести полицейскую службу внутри страны, что, как считали казаки, «позор и срам вообще казачьему званию»¹². Обращение казаков 1-го Сводно-Донского полка было не менее категоричным: «Молим уволить нас от полицейской службы, которая противна нашей совести и которая оскорбляет достоинство нашего славного Донского войска»¹³.

Власть не была склонна к слишком суровым репрессиям в отношении провинившихся казаков. Пожалованные императором в 1906–1907 гг. практически всем войскам грамоты о закреплении казачьих привилегий и земель, а также наеки и знамена свидетельствовали о стремлении верховной власти сохранить казачество в качестве силовой (прежде всего, полицейской) структуры, продемонстрировать свою близость к сословию, в еще большей степени опереться на него. В рамках этой логики можно рассматривать формирование в мае 1906 г. лейб-гвардии Сводно-казачьего полка, комплектовавшегося лучшими представителями восьми казачьих войск России (кроме Дона, Кубани и Терека), шефом которого стал сам Николай II.

В послереволюционные годы активно обсуждаются вопросы, связанные с реформированием системы управления казачьими войсками и их внутреннего самоуправления. В 1907 г. группа депутатов III Государственной думы внесла даже для обсуждения законопроект об изменении высшего войскового управления, предполагавший выборность должности войскового атамана, восстановление Войскового круга как высшего органа казачьего самоуправления. И хотя данный законопроект был отклонен, не лишним будет отметить, что его авторами были представители от Донской (7 чел.) и Кубанской (3 чел.) областей¹⁴.

Первая мировая война, приведшая страну к глубочайшему социально-экономическому и политическому кризису, объединила в своих окопах солдат (вчерашних крестьян, пролетариев, разночинцев) и казаков, еще больше сблизила их экономически, идейно и политически.

¹¹ Баранский Н.Н. В рядах сибирского социал-демократического союза. Томск, 1955. С. 81.

¹² Футорянский Л.И. Казачество на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 135.

¹³ Цит. по: Сватиков С.П. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924. С. 481.

¹⁴ Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М.; Калининград, 1995. С. 234–237.

Сообщения и заметки

К началу Первой мировой войны затраты казака при выходе на службу выросли до 400–500 руб. и становились для большинства весьма существенными. Если же казачья семья отправляла на службу нескольких сыновей, то зачастую родителям приходилось значительные суммы брать в долг. Многие семьи вследствие этого разорялись. Для того чтобы хоть как-то решить данную проблему, государство выплачивало казакам при выходе на службу единовременное денежное пособие для приобретения строевых коней, починку снаряжения и др. Однако этих выплат не хватало на покрытие всех расходов. Так, общие расходы во всех казачьих войсках на снаряжение казаков на службу в предвоенные годы составляли 9,2 млн руб. в год, а помощь государства – лишь 545,3 тыс. руб. в год¹⁵.

Вследствие прироста населения пай казака фактически сократился и вместо положенных 30 дес. на душу мужского пола составлял в Оренбуржье до 20 дес., на Тереке до 18,8 дес., на Кубани до 12,5 дес., на Дону до 12 дес. Если исходить только из удобной, пригодной для ведения хозяйства земли, то ее оставалось существенно меньше: на Тереке – 15,3 дес., на Дону – 10 дес., в Оренбуржье – 8,5 дес., на Кубани – 7,7 дес.¹⁶ Правда, в Забайкальском, Сибирском, Уссурийском, Амурском казачьих войсках, где земельные войсковые запасы были значительными, сокращение земельных паев не наблюдалось.

Казаков, однако, волновал не только материальный вопрос. Казачество продолжало оставаться на правах «полукрепостного» сословия. Согласно принятым в 1897 г. правилам о порядке увольнения в мирное время казаков служилого состава, казак мог покидать свою станицу на срок лишь до 3 месяцев с разрешения станичного атамана и с обязательным уведомлением его о целях, месте и продолжительности поездки. Отлучка до 1 года могла быть предоставлена с разрешения станичного атамана при соответствующем приговоре станичного общества, но без освобождения от обязательных зимних занятий или лагерных сборов. Покидать место жительства казакам строевого разряда строго запрещалось. По этому поводу С.Г. Сватиков писал: «...Вплоть до революции 1917 г. казачество продолжало быть полукрепостным служилым сословием»¹⁷.

К концу первого года Первой мировой войны в действующей армии находилось более 180 тыс. казаков и 4 тыс. казачьих офицеров, т.е. более половины всех казаков призывного возраста. Массовый призыв в армию наиболее дееспособных работников скоро отразился на состоянии практически всех казачьих

¹⁵ *Топчий А.Т.* Политика царизма в казачьих войсках Сибири // Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне: Материалы Всероссийской научной конференции (Черкесск, 12–13 ноября 1980 г.). Черкесск, 1984. С. 164.

¹⁶ *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 1. С. 31.

¹⁷ *Сватиков С.Г.* Указ. соч. С. 446.

Сообщения и заметки

хозяйств, но, прежде всего, бедняцких и середняцких, которых было большинство. В 1915 г. прошли новые массовые мобилизации, в результате которых на фронте оказалось уже 292 тыс. казаков. Всего к этому времени на военную службу было призвано более 327 тыс. рядовых казаков и 8 тыс. казачьих офицеров¹⁸. По данным Г.Л. Воскобойникова, казачество в годы войны выставило свыше 380 тыс. нижних чинов и 8 тыс. офицеров¹⁹.

Массовые мобилизации и связанные с ними огромные, зачастую неподъемные, материальные расходы, сокращение количества работников и, как результат, уменьшение размеров посевных площадей, падение урожайности и снижение поголовья скота, уменьшение доходов казачьих семей, рост цен и т.п. серьезно осложнили обстановку во всех казачьих войсках страны. Государство пыталось решить все более обострившиеся проблемы путем увеличения экономической помощи казакам, реализации комплекса землеустроительных и агротехнических мероприятий. Однако все это носило ограниченный, частный характер и не могло существенно изменить ситуацию. Многие не только бедняцкие, но и середняцкие казачьи хозяйства приходили в упадок и разорялись, ускорялась социальная дифференциация казачества. По данным Л.И. Футорянского, к 1917 г. доля бедняцких хозяйств возросла с 39,8% до 55,4%²⁰.

Фронтное казачество, состоявшее в основном из казаков младших и средних призывных возрастов, оказавшись изолированным на длительное время от традиционного казачьего быта, начинало выходить из-под влияния старшего поколения, по-новому переосмысливать свое место и роль в политической жизни страны²¹.

Вновь актуализировавшийся кризис самоидентификации проявился не только в новом витке сословного рассказывания и саморассказывания, но и в реанимации в «исторических» сообществах идей казачьей автономии и самодостаточности, обосновывающихся идеями «отдельного казачьего народа». Именно в годы Первой мировой войны появилась работа известного донского историка Е.П. Савельева «Древняя история казачества», который особо отмечал: «Кзаки прежних веков, как это ни странно, не считали себя русскими, т.е. великороссами или москвичами: в свою очередь, и жители московских областей, да и само правительство смотрели на

¹⁸ Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 160.

¹⁹ Воскобойников Г.Л. Казачьи формирования в Первой мировой войне // Проблемы казачьего возрождения: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 1996. Ч. 2. С. 50.

²⁰ Футорянский Л.И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март-октябрь 1917). Оренбург, 1972. С. 6.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 82. Д. 10. Л. 67–73.

казаков как на особую народность, хотя и родственную с ними по языку и вере»²².

В результате февральско-мартовских событий 1917 г. монархия в России пала. 2 марта император Николай II отрекся от престола, 3 марта его брат Михаил также подписал отречение от престола. Вопреки опасениям многих казачество восприняло это достаточно сдержанно. В казачьих частях на фронте и в тылу не произошло ни одного сколько-нибудь серьезного противодействия переменам или хотя бы осуждения случившегося²³.

Активизация политической жизни российского общества после февраля 1917 г. была связана не только с созданием множества новых партий и общественных движений, но и с пробуждением национального самосознания народов бывшей Российской империи, некому «взрыву этничности», что привело к возникновению в многонациональных и казачьих регионах многовластия.

Казачий отдел Генерального штаба, в ведении которого с 1910 г. находились все казачьи войска России, слабо представлял себе новые возможности организации управления войсками в революционный период, а Временное правительство еще не имело концепции организации местной власти, откладывая ее разработку до созыва Учредительного собрания. Циркуляры и распоряжения Временного правительства первоначально вносили больше путаницы, чем отвечали на вопросы организации различных звеньев управления. 5 марта 1917 г. князь Львов, глава Временного правительства, издал циркулярное распоряжение, разосланное по телеграфу, в котором предписывалось устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения ими своих обязанностей, что, естественно, «вызвало путаницу во всех звеньях низших органов управления»²⁴. В то же время Временное правительство, пытаясь наладить контроль над регионами, развертывает «сеть исполнительных комитетов общественных организаций, как демократических – представительных органов власти на местах»²⁵.

Важно отметить, что политика Временного правительства по отношению к казачеству оставалась достаточно традиционной в своей двойственности. В нем оно хотело видеть опору себе и в то же время стремилось к ограничению самостоятельности казачества.

В ходе продолжавшейся демократизации общества все более активизировалась политическая деятельность казачьего населения. 23–29 марта

²² Савельев Е.П. Древняя история казачества. (Репринтное воспроизведение издания 1915 г.). Ростов-на-Дону, 1990. С. 5.

²³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 82. Д. 10. Л. 67.

²⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 479.

²⁵ Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Самоуправление казаков: история и современность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 40.

1917 г. в Петрограде прошел Первый Всероссийский казачий съезд, образовавший Совет Союза казачьих войск России. Съезд выступил за войну до победного конца, поддержку Временного правительства, автономию и самоуправление казачьих войск, снятие с казачества полицейских функций, за уравнивание казаков в отношении воинской повинности с остальным населением страны и неприкосновенность казачьих земель. Делегаты заявили и об отказе от прошлых отношений с «подлой царской властью». Будущий оренбургский атаман А.И. Дутов на съезде заявил: «Мы предьявляем иск старому режиму!»²⁶

27 марта часть делегатов, прежде всего казаков-строевиков, выступавших за прекращение войны, покинула съезд и создала Центральный Совет казаков, установив тесные связи с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Именно в эти дни не только наметился, но и «организационно оформился начавшийся раскол между низами и верхами казачества»²⁷.

Второй Всероссийский казачий учредительный съезд, собравшийся 7 июня 1917 г., также заявил о поддержке политики Временного правительства и призвал к войне «до победного конца». Перед делегатами съезда выступали лидер октябристов А. Гучков, глава кадетов П. Милюков и даже итальянский посол А. Карлотти, а также представители специальной миссии из США во главе с сенатором Э. Руттом.

В казачьих регионах, прежде всего Юга России, структура власти после февраля 1917 г. существенно отличалась от других регионов страны, в которых установилось двоевластие Советов и Временного правительства, и представляла сложную систему многовластия.

2 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялось первое заседание Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Выборы в Советы прошли также в Сочи, Армавире, Туапсе, Майкопе. Во главе их стояли в основном большевики. Параллельно были созданы и буржуазно-демократические органы власти в виде Кубанского областного комитета, во главе которого встал кадет М. Скидан. Сформированный по распоряжению комиссаров Временного правительства на Кубани К.Л. Бардижа и Н.Н. Николаева Гражданский исполнительный комитет заявил, что берет власть в свои руки. Его поддержали меньшевики и эсеры. Но в апреле казачья часть депутатов областного съезда, проходившего в Екатеринодаре, объявила себя Кубанской войсковой Радой, тем самым заявив о своем стремлении к «самостийности» и желании создать либо автономное в составе России, либо суверенное «незалежное» государственное образование. Председателем Рады стал Н. Рябовол, «крупный капиталист-самостийник, в начале века активно

²⁶ Ганин А.А. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 75.

²⁷ Ермолин А.П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982. С. 34.

Сообщения и заметки

сотрудничавший с Петлюрой. Рябовол уже тогда мечтал, – пишет А. Берлизов, – ...о булаве гетмана "Вольной Кубани"»²⁸. Попытка возвращения института выборных войсковых атаманов и ориентация на союз с одним из ярких представителей сепаратизма на Украине С. Петлюрой свидетельствовали о том, что определенная часть кубанского казачества была приверженцами идеи суверенизации Кубани.

Схожие процессы проходили и на Дону. На Первом Войсковом Круге всего Великого Войска Донского, проходившем 18 июля 1917 г. в г. Новочеркасске, «по праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенного волею царя Петра Первого в лето 1709-е и ныне восстановленного»²⁹ был «вольными голосами» Войскового Круга избран Войсковой Атаман. Документы того времени могут свидетельствовать о том, что политические события 1917 г. некоторой частью казаков воспринимались сквозь призму восстановления исторической справедливости и возможности возрождения политической самостоятельности казачества.

В Терской области уполномоченным представителем Временного правительства стал депутат Государственной думы, председатель надпартийной казачьей фракции М.А. Караулов, создавший проект «Временного положения о хозяйственном управлении Терским Казачьим Войском»³⁰. Проект декларировал «скорейшее и эффективное укрепление казачьих структур, призванных служить объединению области»³¹. В ответ на усиление казачьих позиций в формируемой системе власти 6 апреля 1917 г. проходит Съезд осетинского народа, а 1 мая – съезд Союза объединенных горцев Кавказа. Главным вопросом съездов был вопрос о земле, которая в большинстве своем принадлежала казакам. Для сохранения стабильности на Северном Кавказе Временное правительство должно было включиться в решение насущных проблем региона, но его позиция была однозначно выражена в официальном документе: «...Вопрос же об организации административной власти в казачьих областях... временно оставить открытым»³².

В других казачьих регионах такого многовластия не наблюдалось. Так, в Астрахани получили известия о революционных событиях в Петрограде 1 марта 1917 г., а уже вечером 2 марта на публичном заседании городской думы был

²⁸ Берлизов А.Е. Дорога чести: Избранные произведения. Краснодар, 1995. С. 366.

²⁹ Цит. по: Первый Донской Круг // Казачий словарь-справочник. (Репринтное издание. Сан Ансельмо Калифорния, США, 1968). М., 1992. Т. 2. С. 134.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5351. Оп. 1. Д. 45. Л. 48–55.

³¹ Там же. Л. 55.

³² Суханова Н.И. Демократическая альтернатива Февральской революции 1917 г. и терское казачество // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2010. С. 141.

образован Временный исполнительный комитет «из представителей земства, народа и группы граждан»³³, в который вошла и казачья старшина. Старая власть, в лице астраханского губернатора, наказного атамана Астраханского казачьего войска И.Н. Соколовского и чиновников губернской и войсковой администрации была арестована. 4 марта состоялся Экстренный казачий круг, избравший войскового атамана. В то же время делегаты круга полностью поддержали Временное правительство. Первый Большой войсковой круг Астраханского войска, собравшийся 7 апреля, кроме хозяйственных проблем, обсуждал вопросы организации казачьего самоуправления (преобразования станичной администрации, утверждение основ местного самоуправления станиц, сроков созывов съездов и т.п.), отношения к иногородним, а также вопросы о земле и войне. Казаки заявили, что полностью поддерживают политику Временного правительства во всех вопросах, в том числе и о войне, и не планируют создавать никаких параллельных органов власти³⁴. В марте–апреле в Астрахани появился и второй центр власти – Совет рабочих и солдатских депутатов, который стал выразителем интересов в основном кадровых и сезонных рабочих. Астраханские казаки в работе Совета деятельного участия не приняли.

В июле Центральный Совет казаков преобразуется в партию трудового казачества, а 12 июля Центральным Исполнительным Комитетом Петросовета принимается решение о создании казачьей секции для привлечения «армейского и трудового казачества» к поддержке деятельности Советов, преобразованной 10 сентября в подраздел ЦИК из представителей фронтовых, армейских комитетов и казачьих правлений всех войск³⁵.

В августе–сентябре 1917 г., потерпев поражение в ходе корниловского выступления, часть генералитета перебралась на Юг России, стремясь вместе с казачьей верхушкой установить свою власть на местах. Кубанская Рада в октябре того же года совместно с Донским, Терским и Астраханским Войсковыми кругами пытается создать «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов Степей»³⁶, который бы со временем смог оформиться в самостоятельный субъект федерации – «самостоятельный штат» будущей «Российской Демократической Федеративной Республики»³⁷. В последующем, к середине 1919 г., «кубанская казачья контрреволюция эволюционировала от федерализма к сепаратизму, ...выразившемуся в неудачной попытке Кубани вступить в Лигу

³³ Антропов А.А. Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. С. 57.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 82. Д. 9. Л. 67–70.

³⁵ Там же. Оп. 81. Д. 2. Л. 1.

³⁶ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

³⁷ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 165.

наций»³⁸. В итоге, можно говорить о том, что в период с февраля по ноябрь 1917 г. в казачьих регионах были предприняты попытки реформирования органов самоуправления казачества и административно-территориального управления казачьих войск, но реальных результатов этот процесс дать не успел (хотя и заложил истоки будущих тенденций развития политической жизни), так как октябрьские события и последовавшая за ними гражданская война вновь ввергли казачество и всю страну в смуту безвластия и междоусобиц.

Таким образом, если для «европейских» казачьих войск юго-западной части России, прежде всего Донского и Кубанского, где были сильны традиции казачьей вольности, участие в политических (в том числе революционных) событиях было связано со стремлением возродить идеи казачьей «самостийности» и «незалежности», то для «указных» казачьих войск востока страны более характерными были требования уничтожения сословных пережитков и уравнивания в правах с остальными группами населения. Важным явлением, характерным для всех казачьих войск, стало требование не привлекать их к выполнению полицейских функций. При этом существовали региональные особенности причин этих требований. «Исторические» казачьи войска и казачьи войска с достаточно сильными культурно-историческими традициями (прежде всего Донское, Кубанское, Терское) отказывались от участия в полицейских акциях в силу самоидентификации себя в качестве воинского служилого братства, а не жандармской силы. «Указные» же казачьи войска отказывались от участия в подавлении крестьянских выступлений, воспринимая себя в качестве «военных крестьян», в силу понимания своей социальной, экономической и политической близости «трудящимся массам».

События начала XX в. показали, что казачество не было едино в политическом и социальном отношении. При этом власть увидела, что казаки не являются ее неисчерпаемым и безгранично преданным резервом, но и революционеры убедились в слабом восприятии их идей казачьей массой.

³⁸ *Зайцев А.А.* Кубанская казачья Рада: в поисках третьего пути // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов-на-Дону, 1995. С. 125.

Стёпочкина Елена Владимировна

Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

**ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМИИ
В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В современных условиях экономического кризиса в России, с учетом традиционно высокой роли государства в хозяйственной жизни страны изучение опыта Первой мировой войны представляет значительный практический интерес.

Первая мировая война оказала огромное влияние на социально-экономическое и политическое развитие России. Воюющая многомиллионная армия требовала от тыла невероятных усилий. Фронт необходимо было обеспечить боеприпасами, снаряжением, обмундированием, продовольствием, медикаментами. В этой связи вставал вопрос о взаимодействии государства и общества, привлечения к снабжению фронта общественных организаций.

Интересные документы отложились в этом плане в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Они могут быть разделены на несколько основных групп. К первой относятся уставы организаций, занимающихся снабжением армии, где отразились их цели и задачи, источники доходов, направления деятельности. Ко второй могут быть отнесены отчеты, доклады, протоколы заседаний различных комиссий и отделов о состоянии отдельных категорий заготовок в Самарской губернии. Следующая группа содержит инструкции по изготовлению предметов и правила для продовольственных заготовок, из которых можно узнать не только о необходимых для армии товарах, но и требования к их качеству и используемым материалам. Отдельную группу составляет финансовая документация, в которой отразились цены на продукцию и сырье. Весь этот документальный комплекс дает возможность представить, как выстраивалась работа по снабжению армии в период Первой мировой войны в Самарской губернии.

Сообщения и заметки

Вопрос снабжения армии встал с первых же дней начала военных действий. Незамедлительно были приняты законодательные акты, направленные на перестройку промышленности, транспорта, создание централизованного управления закупками и заготовками необходимых для армии и фронта предметов и материалов, топливного и продовольственного обеспечения. 29 августа 1914 г. был выпущен именной высочайший указ, в котором оговаривались условия работы на нужды армии и флота. На каждого сапожника в городах было наложено обязательство выделять по две пары сапог в неделю из собственного товара за плату из казны от 7 руб. до 8,5 руб. за пару в зависимости от качества. Всех портных и портняжные мастерские привлекали для пошива обмундирования, а шорные мастерские – для изготовления снаряжения. Для нужд армии отчуждались новые полушубки по цене 8 руб. за укороченный и 9 руб. за удлиненный. Кроме того, кожевенные заводы лишались права продавать продукцию выше цен, установленных на местах. Было прекращено производство сукна военного образца для частного рынка и отчуждались изготовленные для частной продажи подходящие для обмундирования ткани. Также предлагалось принять меры для повышения производительности фабрик по изготовлению сукна. Организация привлечения специалистов и мастерских на местах разрабатывалась губернатором или градоначальником при участии земств и городского самоуправления¹.

Для более точного исполнения данного указа Главное интендантское управление рассылало инструкции по пошиву одежды и обмундирования и перечень требований к их качеству. Так, 20 октября 1914 г. было выпущено описание шитья сапог: они должны были быть спарены, с одинаковыми каблуками, задниками, длиной подошв, голенищ и т.д., не должны были иметь существенных пороков в служебной части – в головках или быть узкими внизу голенищ. В инструкции также указывались этапы работы и описание каждой части сапога: ушек, подшивки, крючков, переда, голенища, задников, стельки, простилки, подошвы, каблука, прошвы, ниток и дратвы².

В 1915 г. появились новые руководства (телогрейки с рукавами, укороченные шаровары на вате, гвардейские, армейские и кавалерийские сапоги и т.д.), включавшие в себя не только описания, но и лекала³.

Общее неудовлетворительное состояние обеспечения армии и недоверие к способности бюрократического аппарата наладить ее снабжение способствовало

¹ Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (далее – СОИКМ). КП-6541/18. Л. 46–48.

² Там же. КП-6541/9. Л. 19–20.

³ Там же. КП-6541/13. Л. 6–10; КП-6541/15. Л. 2–5.

Сообщения и заметки

созданию для этих целей общественных организаций – военно-промышленных комитетов.

25–27 июля 1915 г. съездом представителей военно-промышленных комитетов (ВПК) было принято «Положение о военно-промышленных комитетах и их съездах». Согласно этому Положению, ВПК являлись общественными организациями, не занимающимися коммерческой деятельностью. Их целью было содействие снабжению армии и флота всем необходимым, при этом предметы снаряжения и довольствия с хозяйственных предприятий, принадлежащих комитетам, поставлялись по себестоимости.

Координационным центром являлся Центральный военно-промышленный комитет в Петрограде. Областные комитеты образовывались в Архангельске, Астрахани, Баку, Варшаве, Владивостоке, Гельсингфорсе, Грозном, Иркутске, Екатеринбурге, Екатеринославе, Казани, Киеве, Москве, Нижнем Новгороде, Омске, Одессе, Пензе (или Тамбове), Петрограде, Риге, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Ташкенте, Тифлисе, Томске, Харькове, Харбине, Челябинске. В район деятельности Самарского комитета входили Самарская, Уфимская и часть Оренбургской губернии⁴.

Постоянными членами Центрального военно-промышленного комитета являлись:

- председатель и его заместитель;
- 10 человек от Совета съездов представителей промышленности и торговли;
- представители областных военно-промышленных комитетов в количестве трех человек от каждого;
- представители отделов Центрального военно-промышленного комитета;
- по три человека от Городского и Земского союзов;
- делегаты от Петроградского и Московского городских самоуправлений в количестве двух человек от каждого;
- представители ведомств по назначению соответствующих министерств;
- 5 человек от Комитета военно-технической помощи;
- 2 человека от Всероссийской сельскохозяйственной палаты;
- 10 представителей рабочих;
- лица, избранные в состав Комитета по его постановлению (не более восьми)⁵.

Председатель и его заместитель избирались на съезде представителей, товарищи председателя избирались комитетом. Исполнительным органом являлось Бюро, в составе председателя, его заместителя и товарищей.

Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов созывался по постановлению Центрального комитета, а также по требованию не

⁴ СОИКМ. КП-8337. Л. 1, 6.

⁵ Там же. Л. 2.

менее четверти общего числа областных комитетов. Областные съезды созывались по постановлению областного комитета или по требованию половины местных комитетов. Порядок деятельности съездов определялся их постановлениями⁶.

Состав областных и местных комитетов устанавливался аналогично составу Центрального комитета. Местные комитеты в пределах каждого района образовывались по предложению областных комитетов или по собственной инициативе (в Самарском районе их было четыре: Самарский, Уфимский, Оренбургский, Тургайский).

Все комитеты пользовались правами юридических лиц и имели право приобретать движимое и недвижимое имущество, вступать в договорные отношения как с частными лицами, так и с казенными и общественными учреждениями, принимать на себя всякого рода обязательства, в частности, поставки и подряды по заказам казны, организовывать по соглашению с Военным и Морским ведомствами сдачу и прием нужных для армии и флота предметов и т.д. При этом труд членов военно-промышленных комитетов являлся безвозмездным.

В состав Центрального комитета входили специальные отделы, сотрудниками которых являлись члены комитета, выразившие желание участвовать в его деятельности, и лица, приглашенные в состав отдела по его постановлению. Все они обладали равными правами голоса. Каждый отдел избирал из своего состава председателя, совет и составлял инструкцию, определяющую порядок его действий. В случае необходимости образовывались подотделы. При рассмотрении в Бюро вопросов, относящихся к ведению какого-либо отдела, было обязательно присутствие его председателя.

Порядок деятельности центрального, областных и местных ВПК определялся постановлениями самих комитетов и съездов.

Все отношения областных комитетов с центральными правительственными учреждениями производились либо через посредничество Центрального военно-промышленного комитета, либо самостоятельно, но при условии извещения о том Центрального комитета. Местные комитеты обязаны были действовать через областные.

Средства комитетов составлялись из добровольных взносов учреждений и предприятий, ассигнований правительства и отчислений из сумм заказов, передаваемых через посредство ВПК в размере не выше 1%. При ликвидации деятельности комитетов остатки средств должны были передаваться в казну.

Для проверки деятельности Центрального комитета создавалась Особая контрольная комиссия, в состав которой входили два представителя от Совета

⁶ СОИКМ. КП-8337. Л. 4.

Сообщения и заметки

съездов представителей промышленности и торговли, по одному от Земского и Городского союзов и два по назначению Государственного контроля⁷. Областные и местные комитеты проверялись контрольной комиссией в составе двух представителей по выбору промышленных и торговых организаций, входивших в состав комитета и по одному от Городского и Земского союзов.

Самарский военно-промышленный комитет был утвержден заседанием Бюро Центрального военно-промышленного комитета 25 ноября 1915 г.⁸ Постоянными членами его являлись:

- двенадцать представителей Самарского биржевого общества;
- три человека от Самарского городского комитета по снабжению и снаряжению армии;
- три представителя Самарского городского самоуправления;
- три человека от Самарского губернского земского собрания;
- двенадцать делегатов от Самарского отдела Императорского технического общества;
- двенадцать рабочих;
- председатели отделов Самарского военно-промышленного комитета;
- представители местных комитетов: по три от объединенного Оренбургско-Тургайского и Уфимского и по два от остальных;
- лица, избранные в состав комитета по его постановлениям (не более 12)⁹.

Кроме того, в заседаниях комитета участвовали представители ведомств Самарского местного комитета на правах действительных членов. Также могли быть приглашены оказывающие содействие лица с правом совещательного голоса.

Представители рабочих выбирались по следующим правилам. По одному представителю от рабочих в ВПК имели все фабрично-заводские и ремесленные предприятия г. Самары и пригородов с числом рабочих не менее 20. Для выборов предварительно избирались выборщики: один от предприятий с количеством рабочих менее 500, с большим числом рабочих – по одному от каждой тысячи. Торгово-промышленные служащие выбирали 12 выборщиков на общегородском избирательном собрании. Их избрание проходило закрытой баллотировкой, посредством подачи бюллетеней, в которых указывались имя и фамилия предлагаемого кандидата. Если в бюллетене указывалось большее число кандидатов, то учитывались только первые. Подсчет голосов проводился в течение двух дней при посредничестве представителей от рабочих в местной больничной

⁷ СОИКМ. КП-8337. Л. 4.

⁸ Там же. КП-6541/3. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 32–33.

Сообщения и заметки

кассе или через трех уполномоченных, избираемых рабочими в присутствии двух представителей рабочей комиссии. Избранными считались выборщики, получившие относительное большинство голосов, при равном числе голосов выбор осуществлялся жребием. После составления списков выборщиков назначалась дата избирательного собрания, на котором выбирались 12 представителей от рабочего собрания¹⁰.

Делами Самарского областного комитета управляло общее собрание его членов и президиум¹¹. Общее собрание созывалось председателем комитета по постановлению президиума по мере необходимости, не менее двух раз в месяц и решало вопросы, внесенные на его рассмотрение президиумом. Кроме того, общее собрание могло созываться по требованию контрольной комиссии или шести членов комитета. Кворум составлял не менее трети участников, вопросы решались простым большинством голосов.

Обязательному рассмотрению общего собрания подлежало:

- избрание новых членов комитета;
- выборы председателя комитета и его товарищей;
- образование отделов и учреждение инструкций президиумом;
- утверждение отчетов и смет комитетов;
- вопросы, внесенные по требованию шести членов комитета;
- ликвидация дел комитета¹².

Договоры и обязательства по подрядам и поставкам подписывал председатель комитета или его заместитель с согласованием управляющего делами комитета. Чеки и требования на обратное получение сумм из кредитных учреждений подписывал казначей Комитета на основании ордера, выписанного по постановлению Президиума.

Особый интерес представляет организация военно-промышленными комитетами собственных предприятий. Следует отметить, что в программе ВПК данная работа не являлась основной. Она проводилась для корректировки планов деятельности при выполнении казенных заказов там, где не было местных заводов или не хватало их производственных мощностей. Данные по собственному производству частично освещены на страницах «Известий Московского военно-промышленного комитета». В июльском номере 1917 г. указано, что Самарскому областному военно-промышленному комитету принадлежало 3 предприятия¹³.

¹⁰ СОИКМ. КП-6541/2. Л. 21.

¹¹ Там же. КП-6541/3. Л. 34.

¹² Там же.

¹³ Известия Московского Военно-Промышленного комитета. 1917. № 38. С. 3.

Сообщения и заметки

14 июля 1915 г. был образован Самарский городской комитет по снабжению и снаряжению армии. Он состоял из несколько отделов: финансового, технического, продовольственно-обмундировочного, материального, контрольного, секретариата и канцелярии.

Финансовый отдел заведовал всеми денежными вопросами: поиском средств и распределением их по другим отделам.

Технический отдел отвечал за разработку технических вопросов, распределение и прием заказов Военного ведомства по фабрикам и заводам своего района, снабжение фабрик необходимыми материалами, оборудованием и приспособлением специальных мастерских для нужд армии, кроме того, участвовал в приеме исполненных заказов.

Продовольственно-обмундировочный отдел организовывал артели кустарей по изготовлению необходимых армии предметов, склады, холодильники, консервные фабрики, швальни и сапожные мастерские, санитарные отряды, подвижные бани и прачечные.

Материальный отдел занимался снабжением других отделов топливом, чугуном, металлами, кожей, мукой, мясом и т.д., организацией запасных складов для этих материалов¹⁴.

Одним из основных видов деятельности Самарского комитета по снабжению и снаряжению армии являлись поставки изделий из дерева (ободов, спиц, колес для повозок и т.д.). Для этого была создана лесная комиссия при его Исполнительном бюро, которая производила хозяйственную разработку леса в лесных дачах удельного ведомства: Кильдюшевской, Сенгилеевской (Симбирского удельного округа), Черемшанской (Самарского удельного округа), около станции Суры и Ночки (Казанского удельного округа). В марте 1916 г. было приобретено от 50 до 60 десятин леса, исходя из расчета, что для выработки 4 500 станов ободьев потребуется от 3 тыс. до 3,5 тыс. дубовых деревьев диаметром на высоте груди 7–8 вершков. Кроме того, комитетом рассматривался вопрос об оборудовании лесопилки¹⁵.

Подводя итоги, можно отметить, что в начале войны проходил поиск форм организации снабжения армии. Основными инструментами стали государственные заказы, предельные цены, ограничение свободы торговли, отчуждение продукции. В 1915 г. в Самаре стали создаваться местные и областные комитеты для организации снабжения армии и флота, к осени была сформирована всероссийская сеть военно-промышленных комитетов. Происходит постепенное расширение функций,

¹⁴ СОИКМ. КП-6541/21. Л. 69–70.

¹⁵ Там же. КП-6541/6. Л. 24.

Сообщения и заметки

полномочий и направлений деятельности областного и городского военно-промышленных комитетов в Самаре, что сопровождалось усложнением структуры организаций. Они развернули активную работу по снабжению армии всем необходимым, увеличению производства снаряжения и обмундирования. Их деятельность можно охарактеризовать постоянным ростом производственной и снабженческой работы.

Морозов Вячеслав Юрьевич

кандидат исторических наук

Самарская областная универсальная научная библиотека

ПОЛИТИКА И КАДРЫ

(На опыте Самарского губернского совнархоза в 1918–1922 гг.)

В первые после революции годы и в центре и на местах происходил процесс формирования органов новой власти, среди которых – Советы народного хозяйства (СНХ). Система совнархозов была одной из самых важных для правительства, она решала такие проблемы, как вытеснение частного сектора из экономики, обеспечение надежного экономического тыла Красной Армии, удовлетворение интересов главной социальной опоры советской власти – рабочих.

Хорошо известно изречение: «Кадры решают все». Это верно в том смысле, что любая система будет двигаться в нужном направлении и работать при отлаженной кадровой политике. Но проблема в том, что как раз отлаженной она и не была. Это было время проб и ошибок.

Влиянию политики на подбор кадров в промышленности в 1918–1922 гг. – как в центре, так и в провинции – в современной историографии уделяется явно недостаточное внимание. Так, по вопросу формирования центрального аппарата СНХ, насколько известно автору, за последние 20 лет было лишь одно серьезное исследование¹. В основном кадровая проблематика затрагивается параллельно, в связи с изучением формирования самой системы провинциальных совнархозов².

Практически не уделяется внимание и влиянию кампании по сокращению членов РКП(б) в 1921 г., так называемой партийной «чистке», на кадровый состав

¹ *Филоненко А.Л.* Создание и функционирование управленческих структур Высшего совета народного хозяйства в 1917–1921 годах: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1999.

² *Ходяков М.В.* Источники о взаимоотношениях предпринимателей и рабочих Петрограда в 1917–1918 гг. // Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1993; *Гончарова С.В.* Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012; и др.

СНХ, хотя в целом в последние десять лет интерес к партийной чистке 1921 года возрастает: монография С.А. Павлюченкова³, работы А.А. Мясникова, последние – на опыте Калужской и Тульской губернии⁴, статья М.В. Ходякова – на опыте Псковской⁵, статья К.Ф. Фроловой – на опыте Саратовской⁶. В работе В.Н. Гузарова приводится большое количество примеров и типичные поводы для исключения из партии в ходе чистки в Томской губернии⁷, а в работе В.В. Красникова – в Тамбовской⁸. Но все эти работы в первую очередь касаются истории самой партии большевиков, советы народного хозяйства здесь затрагиваются лишь в качестве отдельных случайных примеров, не дающих возможности сделать какие-либо серьезные выводы по интересующим нас вопросам.

Статью А.Р. Гапсаламова, написанную на опыте Татарии в начальный период нэпа⁹, можно использовать в поисках аналогий в динамике кадров: увеличение – уменьшение персонала в промышленности.

Из общего ряда выделяется одна работа, изданная в последние годы, которая непосредственно касается отношения советской власти к дореволюционной интеллигенции, а значит и к техническим специалистам, необходимым в промышленности¹⁰. В ней обращается внимание на двойственность этого отношения – с одной стороны, интеллигенция защищала интересы классов собственников, с другой стороны, без нее не построить ни нового социума, ни новой экономики. Хотя по этому вопросу были серьезные разногласия в Коммунистической партии, росло понимание необходимости использования специалистов для развития экономики и общества.

³ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008.

⁴ Мясников А.А.: 1) Партийная чистка 1921 года в провинции (по материалам Калужской и Тульской губерний) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2009. № 6 (82); 2) Партийная чистка 1921 года (по материалам Калужской и Тульской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2011.

⁵ Ходяков М.В. «Коммунистическая партия должна быть чистенькой...» Чистка 1921 года в Псковской организации РКП(б) // Псков. Научно-практический историко-краеведческий журнал. 1995. № 3.

⁶ Фролова К.Ф. К вопросу о проведении партийной чистки 1921 г. в Саратовской губернии // Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития: сборник научных трудов. Саратов, 2014.

⁷ Гузаров В.Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379.

⁸ Красников В.В. Организационно-правовые проблемы в управленческом аппарате Тамбовской губернии в начале 1920-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 9 (137).

⁹ Гапсаламов А.Р. Организационные особенности деятельности Татарского совета народного хозяйства в годы НЭП // Вестник ВЭГУ. 2013. № 2 (64).

¹⁰ Емтыль З.Я. Политический курс советской власти в отношении старой интеллигенции // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4.

Именно кадровой проблеме с учетом идейно-политических установок властей, рассматриваемой на материалах Самарского губернского совнархоза, и будет уделено наше внимание.

Формирование кадровой политики Самарского СНХ можно разделить на следующие хронологические периоды: 1) до лета 1918 г.; 2) при власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч); 3) с октября 1918 г. по 1920 г.; 4) 1921–1922 гг.

Первый период – организационный, он шел в относительно мирное время, до развития антагонистического общественного противостояния, что оказало влияние и на кадровую политику.

Кадры делятся на три звена: администраторы, технические специалисты, рабочие. Но в этот период – до лета 1918 г. – границы звеньев были размыты из-за господства двух тенденций: стремления привести к руководству людей из среды рабочих и стремления к коллегиальности руководства. То есть, по сути, это была попытка «самоуправления», самоуправления.

Как это проявлялось и к чему приводило? К бесконечным спорам: сначала о принципах организации совнархоза, затем о его функциях и методах деятельности. Уже при формировании состава первого пленума¹¹ СНХ дискутировались три возможных пути развития: обеспечить руководство совнархоза за счет кадров профсоюзов; за счет представителей других органов советской власти; за счет специалистов, то есть того звена людей, которое и раньше занималось экономическими вопросами¹².

Победила первая точка зрения: из 68 членов пленума 51 был избран от профсоюзов, фабрично-заводских комитетов (ФЗК) и кооперативов рабочих, 17 – от других советских органов¹³. Но, из-за нечеткости функций, пленум часто называли общим собранием. Нужен был более действенный руководящий орган. Такой орган был создан, назывался последовательно: организационное бюро, временный президиум, исполком. Однако за четыре месяца – с момента первоначального создания и до июня 1918 г. – этот руководящий орган переизбирался пять раз¹⁴, что заставляет думать, что именно действенности высшему руководству Самарского совнархоза и не хватало. Объяснялось это многими причинами: загруженностью членов исполкома несколькими должностями в разных советских органах, заочными выборами некоторых из них, неумением, а иногда и нежеланием работать.

¹¹ Его функции не были четко определены, но при существующей «моде» на коллегиальность, пленум предполагался как высший орган губернского СНХ.

¹² Известия Самарского ГСНХ. 1919. № 19. С. 7.

¹³ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957. С. 271.

¹⁴ Известия Самарского СНХ. 1918. № 1. С. 10–11.

Сообщения и заметки

Например, первый исполком совнархоза сложил с себя полномочия, в том числе и потому что членам исполкома не были установлены ставки жалования¹⁵.

Можем ли мы обвинять руководство СНХ в тот период в отказе привлекать специалистов к работе в совнархозе? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя.

С одной стороны, руководители СНХ усиленно привлекали к сотрудничеству население, в том числе специалистов, обладающих сведениями или знаниями по отраслям экономики Поволжья¹⁶. Так, известный статистик Г.И. Баскин, агроном А.В. Тейтель, экономист В.М. Попов по поручению совнархоза весной 1918 г. занимались экономическим районированием Самарской губернии¹⁷. Инженеры Е.В. Лукьянов, К.В. Богоявленский, М.М. Гаврилов пробивали идею о строительстве гидроэлектростанции на Самарской Луке¹⁸. Инженеры, агрономы, экономисты были в составе всех отделов губернского совнархоза, планируя их деятельность и проводя планы в жизнь. В состав СНХ входили представители профсоюзов инженеров и техников; техников и чертежников; торгово-промышленных служащих; служащих губернского земства; врачей; юристов; агрономов; городских служащих¹⁹. Взять хотя бы состав исполкома губсовнархоза перед захватом Самары белочехами: инженеры В.А. Ильин, А.К. Ридигер, статистик Я.А. Андреев, бухгалтер М.Н. Яшанов, экономист В.М. Попов, Н.Н. Бушен, имевший опыт руководящей работы чиновника еще до Октябрьской революции²⁰.

Однако многие специалисты не шли на работу в советские органы, и руководство Самарского совнархоза само признавало помехой в работе плохие кадры: специалистов мало, поэтому приходится мириться со слабыми работниками²¹. При этом услуги некоторых специалистов отвергались руководством совнархоза. Можно, например, вспомнить эпизод, когда Самарское «Общество фабрикантов и заводчиков» обратилось в губернский совнархоз (ГСНХ)²² с предложением организовать смешанную комиссию для борьбы с падением производительности

¹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

¹⁶ Известия Самарского СНХ. 1918. № 1. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. Р-3429. Оп. 7. Д. 417. Л. 5, 6, 9; *Василевский В.И., Николаев Ю.Н.* Иван Леонтьевич Мавринский (1885–1966) // Они служили народу. Куйбышев. 1968. С. 204.

¹⁹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. С. 271.

²⁰ Известия Самарского СНХ. 1918. № 1. С. 10; *Блюменталь И.И.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Т. 1. Самара, 1927. С. 47; Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев. 1967. С. 587.

²¹ Известия Самарского ГСНХ. 1919. № 16. С. 2.

²² Самарский совнархоз, изначально создававшийся как городской, весной 1918 г. постепенно стал губернским.

Сообщения и заметки

края, исполком губсовнархоза не дал хода делу²³, хотя абсолютное большинство членов этого общества являлись не только собственниками, но и высококлассными специалистами в деле управления.

Здесь стоит вспомнить о влиянии «левых коммунистов». Именно ими написано в апреле 1918 г.: «Управление предприятиями должно быть передано в руки смешанных коллегий из рабочих и технического персонала, находящихся под контролем и руководством местных советов народного хозяйства. Вся хозяйственная жизнь должна быть подчинена организующему влиянию этих советов, избранных рабочими без участия "цензового элемента", но при участии союзов технического и служебного персонала предприятий»²⁴. Иными словами, – хотя и при участии специалистов (через посредство профсоюзов), но без привлечения предпринимателей (того самого «цензового элемента»).

Учитывая, что левокоммунистические деятели входили в рассматриваемый период в состав высших руководителей экономики страны²⁵, неудивительно, что их программные установки вошли в инструкции и рекомендации совнархозам на местах. При этом Самара являлась одним из центров левокоммунистического движения²⁶, к которому, в частности, принадлежал и В.В. Куйбышев, руководивший Самарским ГСНХ последние месяцы до занятия Самары чехами²⁷. Естественно, что эти установки находили здесь активную поддержку.

В то же время нет уверенности, что все нюансы кадровой политики Самарского губернского СНХ в первой половине 1918 г. были продиктованы именно «левыми коммунистами», да и вообще большевиками. Помимо большевиков в состав президиумов и исполкомов Самарского губсовнархоза временно или постоянно входили С.М. Ждан-Пушкин, Л.Л. Рабинович, В.А. Ильин, И.Г. Любецкий, А.К. Ридигер, И.А. Алексеев, А.М. Бурлаков, Ф. Сысоев, Н.Н. Бушен, В.М. Попов и другие лица, на тот момент являвшиеся меньшевиками, меньшевиками-интернационалистами, эсерами-максималистами либо беспартийными. Специально приглашенный для работы Г.И. Баскин был народным социалистом (энесом)²⁸. Следовательно до июня

²³ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 31. Л. 32.

²⁴ Цит. по: *Калягин А.В.* Гражданская война в России. 1917–1920: Электрон. учеб. пособие. Самара, 2007. 2-е изд., перераб. и доп. Гл. 2. §1. 1.2.2. Прим. 1. URL: http://www.media.ssu.samara.ru/editions/history/uchebnie/civil_war_y2/MAIN/Chapter2/Glava2_Par1/prim2_1/pr21_7.html (дата обращения: 30.06.2015).

²⁵ В частности, В.В. Оболенский (Н. Осинский) был председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) в конце 1917 – начале 1918 г. См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 558.

²⁶ См., напр.: *Левые коммунисты в России. 1918–1930-е гг.* URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/gebbs/0/ (дата обращения: 30.06.2015).

²⁷ *Калягин А.В.* Идеино-политическая платформа Самарского Комуча (к вопросу о причинах краха «третьего пути» в гражданской войне) // Исторический вестник. 2013. № 4 (151). С. 145.

²⁸ Партийный состав см.: *Блюменталь И.И.* Указ. соч. (алфавитный список).

Сообщения и заметки

1918 г. при общем контроле со стороны РКП(б) Самарский ГСНХ все же был достаточно многопартийным по своему составу. Да и среди большевиков Самарского ГСНХ по кадровой проблеме не могло быть единства.

Единственным однозначным направлением в кадровой политике Самарского совнархоза до июня 1918 г. была политика по отношению к низшему звену – рабочим. Здесь работу профсоюзы и совнархоз старались найти всем, независимо от партийной принадлежности²⁹.

Кадровая политика губсовнархоза в период с июня по сентябрь 1918 г., при власти в Самаре Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, конечно, изменилась.

И в пленуме, и в Коллегии по управлению делами совнархоза влияние рабочих профсоюзов «сошло на нет». В пленуме «заправляли» представители крупных собственников, банков, органов власти Комуча³⁰. Вместо исполкома совнархоза периода советской власти новым пленумом была сформирована Коллегия по управлению делами СНХ. Первоначально в нее вошли пять человек: три бывших члена исполкома (ИК) ГСНХ (Н.Н. Бушен, А.К. Ридигер, В.М. Попов), а также от служащих С.М. Лепский, являвшийся активным меньшевиком, и Кишкин, бывший, по нашим данным, кадетом³¹. В ряде источников этим составом и ограничивается состав Коллегии³². В других указывается, что в Коллегию был также введен вернувшийся 18 июня из командировки член бывшего ИК ГСНХ В.А. Ильин³³. Следовательно, из 11 членов ИК ГСНХ сотрудничало с Комучем четверо, оставшись в составе руководства ГСНХ³⁴. Нами также найдены сведения, что в июле в состав Коллегии по управлению делами СНХ был введен бухгалтер О.Ф. Михельсон³⁵. И он, и агроном С.М. Лепский работали в составе СНХ до Комуча³⁶. То есть в Коллегию ГСНХ вошли:

²⁹ Подр. см.: *Морозов В.Ю.* Демобилизация промышленности Среднего Поволжья в первой половине 1918 года (к вопросу о роли совнархозов) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Самара. 2014. Вып. 2. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/sbornik.html?cid=11> (дата обращения: 30.06.2015).

³⁰ *Игнатенко Т.А.* Организация и деятельность Самарского губернского совета народного хозяйства в первые годы советской власти // Из истории рабочего класса и промышленности СССР. М. 1964. С. 158.

³¹ *Соколов Г.С.* Самарский губсовнархоз // Боевое прошлое. Куйбышев, 1958. С. 286.

³² РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 27 об.; ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 35. Л. 12 об.

³³ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 35. Л. 3; Известия Самарского ГСНХ. 1919. № 19. С. 12.

³⁴ Более подробно о работе некоторых членов исполкома Самарского совнархоза в июне-сентябре 1918 г. см.: *Морозов В.Ю.* Малоизвестные страницы истории Самарского губсовнархоза (лето 1918 г.) // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. Самара, 2001. Вып. 2.

³⁵ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 48. Л. 19; Известия Самарского СНХ. 1918. № 9. С. 10–11.

³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 37. Л. 41 об. – 42.

Сообщения и заметки

чиновник, два инженера, экономист, агроном, бухгалтер³⁷. Таким образом, в руководстве совнархоза удельный вес специалистов резко возрос.

Параллельно с этим поменялся и партийный состав. Место большевиков в руководстве заняли меньшевики (в Коллегии) и эсеры с кадетами (в пленуме). Еще в 1920-х гг. не со стороны знавший ситуацию И.М. Майский писал, что руководителями Самарского ГСНХ стали меньшевики³⁸, которых к началу чехословацкого мятежа в Самаре было порядка 200 активных членов³⁹. Учитывая, что С.М. Лепский был одним из лидеров меньшевиков в Самаре⁴⁰, и Н.Н. Бушен, ставший председателем Коллегии⁴¹, тоже был меньшевиком⁴², с этим можно согласиться. Общеизвестно, что именно отмеченные партии были популярны в среде интеллигенции (эсеры и меньшевики) и прогрессивной части собственников (кадеты).

К сожалению, в связи с физическим отсутствием архивных документов, у нас нет прямых данных о динамике движения кадров большинства подразделений СНХ в июне-сентябре 1918 г. Можно только предполагать, что доля служащих по сравнению с долей рабочих должна была возрасти, так как в структуре СНХ проходили организационные изменения, и, хотя одни отделы ликвидировались, зато увеличивались либо дифференцировались другие. Лишены работы в СНХ по политической (и вполне понятной) причине были только большевики. В качестве пропаганды было объявлено, что комиссары присвоили себе средства тех учреждений, которыми они руководили. Но внутри СНХ к этим обвинениям относились достаточно скептически. Новое руководство секции топлива, например, пыталось помочь своему бывшему начальнику большевику А.Я. Бакаеву, если не выйти на свободу, то хотя бы сохранить незапятнанной свою честь. Члены коллегии секции и бухгалтер секции М.Р. Топчиев, опечатав кассу и пригласив представителей Судебного ведомства, проверили наличность и составили акт, доказывающий невиновность комиссара Бакаева⁴³.

Политика по отношению к рабочим у Комуца была двойственной, как и вся его политика в целом. Несмотря на сохранение рабочего законодательства советской власти, борьба с безработицей ухудшилась. Более того, были случаи локаутов, проведенных, в том числе, и по политическим мотивам⁴⁴. Число рабочих на предприятиях СНХ не могло возрасти, потому что была объявлена

³⁷ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 35. Л. 3; Д. 48. Л. 19.

³⁸ *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 90.

³⁹ *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 254.

⁴⁰ Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии Е-Л. Самара, 1994. С. 379.

⁴¹ Известия Самарского ГСНХ. 1919. № 19. С. 12.

⁴² Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. С. 442.

⁴³ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 39. Л. 25.

⁴⁴ Четыре месяца Учредилщины. Самара. 1919. С. 44.

денационализация, что должно было вести к постепенному выводу предприятий из ведения СНХ. В этих условиях, даже до реального перехода предприятий в частные руки, у СНХ стало меньше рычагов, да и стимулов, заниматься персоналом предприятий.

Вообще же, у Самарского совнархоза в тот период было достаточно сложное положение. Он выступал в роли «прокладки» между крупными собственниками и эсеровским Комучем, который объявил денационализацию в угоду предпринимателям, но в то же время старался сохранить 8-часовой рабочий день и другие права рабочих. СНХ должен был воплощать в жизнь и то, и другое, поэтому и в кадровой, и в промышленной политике Самарский совнархоз не был прямым продолжателем установок Комуча, ведя в чем-то оригинальную политику⁴⁵.

После ликвидации власти Комуча кадровая политика советской власти по сравнению с докомучевским периодом изменилась. Она стала жестче по отношению ко всем звеньям. Шла гражданская война, советская власть перестала искать компромиссы, нужно было подчинение в целях обеспечения армии. Поэтому состав исполкома, затем президиума ГСНХ утверждается не только губернским советским, но и губернским партийным органом. С конца 1918 г. состав президиума состоял уже только из большевиков, в основном представителей рабочих профсоюзов, но не низовых их звеньев, а профсоюзных органов. Параллельно коллегиальность в отделах и на предприятиях заменялась единоначалием.

В отношении специалистов Самарский ревком, а за ним и исполком губсовнархоза приняли решение, что на работу в губсовнархоз не будут приниматься лица, служившие в совнархозе при Комуче: «В виду поступающих массовых прошений о принятии на службу в совнархоз в качестве конторщиков, счетчиков и т.д. СНХ: постановил принимать на службу лиц, служивших при советской власти. Лица, служившие при чехословаках, поступить на службу в СНХ не могут»⁴⁶. Конечно, это распоряжение коснулось в первую очередь специалистов среднего и низшего звена. Однако в полной мере оно не выполнялось, тем более что против него выступил Губернский отдел труда⁴⁷. В руководстве не только отделами, но даже всем ГСНХ остались отдельные представители из специалистов, работавших с Комучем⁴⁸. В совнархозе понимали, что без специалистов экономический орган действовать не может.

⁴⁵ Подр. см.: *Морозов В.Ю.* Советы народного хозяйства Среднего Поволжья и частное предпринимательство в годы Гражданской войны // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. Материалы научной конференции. Чебоксары, 2000.

⁴⁶ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 29. Л. 6 об; Д. 51. Л. 42; Известия Самарского ГСНХ. 1918. № 12. С. 15.

⁴⁷ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 80. Л. 17.

⁴⁸ *Морозов В.Ю.* Самарский совнархоз при советской власти и Комуче // Краеведческие записки. Самара. 2000. Вып. IX. С. 125.

В отношении рабочих до начала 1919 г. политика губсовнархоза была похожа на ту, что проводилась и до установления власти Комуча, то есть борьба с безработицей, удовлетворение интересов рабочих.

В 1919–1920 гг. в кадровой политике Самарского совнархоза появляются новые тенденции и новые методы работы:

1. Занялись политической «чисткой» среди тех специалистов, что продолжали работать. Боролись с саботажем, а параллельно увольняли, иногда и арестовывали, тех, кто был связан с крупной частной собственностью в настоящем или прошлом, кто сотрудничал с Комучем и другими «белыми» правительствами, служил в репрессивных органах при царе, в общем, тех, кто мог быть потенциально опасен. Трагикомично, что этих уволенных высокообразованных специалистов в качестве наказания привлекали к трудовой повинности по уборке улиц, разгрузке вагонов и т.п.⁴⁹

2. В связи с нехваткой и квалифицированной, и неквалифицированной рабочей силы стали проводиться милитаризация промышленности, связанная с трудовой мобилизацией, и трудовая повинность⁵⁰. Это значит, что специалисты с высшим образованием и высококвалифицированные рабочие как бы «приписывались» к определенным предприятиям без права уволиться по собственному желанию, часто без отпусков. В условиях голода в городах это было значительным ущемлением прав личности в интересах власти.

3. Задействовались моральные стимулы к повышению производительности труда, в частности при организации коммунистических субботников.

В целом можно признать, что в кадровой политике Самарского совнархоза в 1918–1920 гг. проявлялись типичные черты формирования командно-административной системы.

С окончанием Гражданской войны и началом новой экономической политики (нэп) произошел очередной поворот в отношении к кадрам. С одной стороны, занятие предпринимательской деятельностью – и в прошлом, и в настоящем – перестало быть «черной меткой». Была поставлена задача учиться хозяйствовать и торговать, поэтому бывшие предприниматели не только становились арендаторами национализированных предприятий и организаторами вновь созданных, но и привлекались в качестве специалистов к управлению трестами, синдикатами, крупными предприятиями, принимались на работу в центральные хозяйственные органы.

С другой стороны, все новые изменения декларировались как контролируемые советскими и партийными органами. И контроль претворялся в жизнь, в том числе в

⁴⁹ ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 об. – 31, 35–35 об.

⁵⁰ Там же. Л. 27; Д.50. Л. 185 об.; РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 2. Д. 1582. Л. 60.

виде самоконтроля, так как советская власть вполне обоснованно предполагала, что контакты с миром бизнеса будут разлагающе действовать на партийных и советских работников. Усилились партийные «чистки».

На места неоднократно приходили циркуляры, различные инструктивные письма, как правильно организовывать процесс. Так, в письме, подписанном секретарем ЦК партии В.М. Молотовым и разосланном «всем обкомам, губкомам и укомам РКП(б)» в середине 1922 г., читаем: «В некоторых партийных организациях до сих пор имеют место случаи применения, как меры воздействия, по отношению к членам партии, обвиняющимся в нарушении партийной дисциплины, неисполнении партийных решений и прочее, арест, высылка под конвоем и прочее, до решения партийных органов и наложения на обвиняемых партийных взысканий, в порядке партийной дисциплины. Считая такие действия неправильными и противоречащими уставу РКП и постановлениям съездов партии, ЦК предлагает к руководству следующее:

1) За невыполнение партийных решений, нарушение партийной дисциплины и проч. члены партии могут быть подвергнуты исключительно партийным взысканиям: порицание, временное отстранение от той или иной работы, временное исключение из партии и, как высшая мера наказания, исключение навсегда (устав п. 57).

2) В случае же, если совершенный поступок члена РКП является не только нарушением партдисциплины и невыполнением партийных решений, но и одновременно нарушением законов советской власти, как то: преступление по должности, дезертирство из объявленного советской властью обязательного призыва на военную или гражданскую службу, всяких советских мобилизаций и прочих нарушений гражданских прав, то... таковой должен привлекаться к ответственности, помимо наложения партийного взыскания, на общих основаниях через судебные и административные органы советской власти»⁵¹.

Однако на местах партийный контроль по сути продолжал гражданскую войну, оправдывая беспощадность следующими тезисами: «Производственные предприятия в Самаре почти все закрыты, по губернии – та же картина. Вся масса населения, кроме городов – крестьянская. Самарская организация (РКП(б) – В.М.) имеет на себе отпечаток всех пережитых ею за время революции обстоятельств (арены гражданской войны и фронта; воздействия центра – во время продразверстки, и, наконец, голода). Потерявши во время всего этого периода много пролетарского элемента, имея огромную массу крестьян, не обработанных и не ощущающих воздействия пролетариата, классово выдержанного, – она в итоге всего этого должна быть признана отставшей и в отношении политического развития, и в отношении организованности и дисциплинированности. Опасность

⁵¹ Известия Самарского губернского комитета РКП(б). 1922. № 5. С. 45–46.

Сообщения и заметки

мелкобуржуазного вырождения выступает с очевидностью. Доступ в партию закрыт, но имеющихся в организации интеллигентных сил весьма недостаточно для обработки низов. Да и "верха" – настолько перегружены советской работой, что некогда даже газету прочитать. Чистка обнаружила поразительные факты политнеграмотности во всех слоях нашей организации и отсутствия марксистского воспитания и сознания на влияние мещанских мелкобуржуазных качеств, мелких, но трудно удаляемых. Равнодушие к политике, усталость тоже часто выявляются в ячейках, и это вызывает несознательное манкирование партобязанностями. К тому же это обостряется неупорядоченностью нашей работы, перегрузкой: все эти причины, вместе взятые, крестьянский состав нашей организации, с большой примесью служилого элемента, политическая неразвитость – составляет более или менее прочную базу для влияния на партийную массу мелкобуржуазной стихии. ...Вырисовывающиеся благоприятные перспективы ликвидации голода, в результате скупки земель, создают "обогащение" немногих, может быть даже и коммунистов, имевших шансы получить лучшие семена и лучше засеяться. Как на одну из опасных особенностей нужно указать, что в Самарской губернии мало в руководящих странах (органах? – В.М.) товарищей, прочно живущих в Самаре и не желающих уехать после нескольких месяцев работы...»⁵²

Двойственное впечатление оставляют данные, приведенные в *Таблице 1*. Указанные в ней в итоге 2 258 исключенных из партии – это 25,9% всей партийной организации губернии на момент начала чистки. С одной стороны, ряд причин исключения – явное свидетельство пережитков революции и гражданской войны, командно-административной системы. С другой стороны, некоторые причины были бы весьма актуальны и сейчас... Но углубление в этот вопрос – не задача данного исследования.

Что касается влияния «чисток» на кадровый состав совнархозов, подведомственных им организаций и в целом на промышленность, посмотрим на следующую характеристику партийной организации губернии после чистки: «Организация в большинстве крестьянская: 49% крестьян, 16,7% служащих и прочих, и только 34% – рабочих, да и то, в значительной степени, занятых в советских учреждениях. В производстве же рабочих членов партии только 4,8%»⁵³. В СНХ 15 ответственных работников вошли в вышеуказанную таблицу и были исключены из партии⁵⁴, что, как следствие, влекло за собой потерю ими руководящих постов, а в некоторых случаях и арест.

⁵² Известия Самарского губернского комитета РКП(б). 1922. № 5. С. 4.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

Сообщения и заметки

Таблица 1
Итоги чистки Самарской губернской организации РКП(б) на конец января 1922 г.⁵⁵

Причины исключения из РКП(б)	Социальные категории				Всего
	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие	
Проникновение в партию с контрреволюционной целью	4	25	4	–	33
Бывшие полицейские и др.	2	16	5	–	23
Взяточничество, незаконные поборы в свою пользу	31	102	44	4	181
Вымогательство и шантаж	2	3	2	2	9
Злоупотребление властью	21	65	49	–	135
Уклонение от воинской повинности	15	47	15	4	81
Уклонение от трудовой повинности	4	3	–	1	8
Карьеристы, шкурники и примкнувшие ради личных выгод	75	213	193	81	502
Пьянство, бесчинства и грубое обращение	109	160	145	16	430
Буржуазный образ жизни	5	7	17	–	29
Исполнение религиозных обрядов	14	29	13	2	58
Национализм, шовинизм и юдофобство	1	1	–	–	2
Отказ от выполнения партийных директив	32	62	46	4	144
Пассивное членство	103	184	319	17	623
Итого:	418	917	852	71	2258

Как все это виделось изнутри системы губернского СНХ? Сначала о самой системе.

К середине 1922 г. в ведении Самарского ГСНХ осталось по губернии 51 действующее предприятие, около сотни охраняемых и не действующих. Все действующие предприятия были на хозрасчете. На государственном снабжении только центральный аппарат. Плюс в губернии было пять заводов, находящихся

⁵⁵ Составлено по: Известия Самарского губернского комитета РКП(б). 1922. № 2. С. 4.

Сообщения и заметки

непосредственно в распоряжении ВСНХ. В целом рабочих и служащих в системе СНХ было около 8 500 чел., из них не менее трети – служащие⁵⁶.

Руководитель Самарского губсовнархоза на тот период Г.С. Соколов оперировал следующими цифрами: в отделах и предприятиях, находящихся в ведении ГСНХ, было всего 54 коммуниста, то есть 1,24% от числа персонала. При этом в восьми самых крупных отраслях нет коммунистов в руководящих органах, а в четырех отраслях – просто нет ни одного коммуниста⁵⁷. Несомненно, это было результатом как голода (когда значительная масса рабочих, в том числе коммунистов, с целью спасти семьи ушла с заводов и уехала в село), так и партийных чисток.

Мешало ли отсутствие коммунистов работе промышленности? По мнению руководства ГСНХ – да. Соколов приводил в пример Мелекесскую льнопрядильную мануфактуру⁵⁸, где было 23 коммуниста и 28 комсомольцев на 762 чел. персонала, и это предприятие ежемесячно перевыполняло довоенные нормы⁵⁹. Но при этом руководитель совнархоза, сам по происхождению рабочий, заявляя о необходимости «пропитать партсилами все другие предприятия и отделы ГСНХ», обращал внимание, что нужно учитывать «не только работника как партработника, но и как вполне пригодного к данной работе специалиста. Только тогда можно быть уверенным, что при значительном сокращении государственной промышленности мы поднимемся качеством и выйдем с честью из настоящего трудного момента»⁶⁰.

Все вышеприведенное заставляет сделать вывод, что кадровая политика Самарского совета народного хозяйства в любой из рассмотренных периодов, так или иначе, отталкивалась как от экономических реалий, так в немалой степени и от политических предпочтений власти.

До лета 1918 г. высшими администраторами в СНХ были представители интеллигенции и выдвиженцы из рабочих, бывшие членами или сочувствующими партии большевиков или других социалистических партий. Служащие – в основном дореволюционные специалисты разного уровня. Это было следствием, во-первых, инерции, так как СНХ включил в себя ряд дореволюционных экономических органов и учреждений вместе с персоналом, во-вторых, – необходимости, так как нужно было налаживать учет имущества, поддерживать на плаву предприятия и готовить их к национализации.

⁵⁶ Известия Самарского губернского комитета РКП(б). 1922. С. 35–36.

⁵⁷ Там же. С. 36.

⁵⁸ На тот период Мелекесс (впоследствии Димитровград) входил в состав Самарской губернии.

⁵⁹ Известия Самарского губернского комитета РКП(б). 1922. № 5. С. 36.

⁶⁰ Там же. С. 37.

Сообщения и заметки

Нельзя забывать и о точке зрения весьма влиятельных и в ВСНХ, и в Самарском ГСНХ «левых коммунистов». В этот период новую власть при приеме специалистов на работу интересовали не столько даже их политические взгляды (в СНХ попадали и эсеры, и кадеты), сколько связь с предпринимателями, которых к работе в СНХ не допускали. При этом низший состав в кадрах системы СНХ, то есть рабочие, в значительной степени идеализировался властью. Рабочие были социальной основой, ряд из них через профсоюзы, фабрично-заводские комитеты и партийные ячейки выдвигались в состав администраторов разного уровня. Именно защитой их интересов оправдывались почти все направления деятельности СНХ (да и появлялись многие из этих направлений именно ради удовлетворения интересов рабочих). Действия же рабочих коллективов и профсоюзов, даже неправомерные и в значительной степени вредящие экономике, например, самоуправный захват предприятий, руководством СНХ если и не поощрялись, то и почти не критиковались (тем более не отменялись).

При власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания высшими администраторами в СНХ стали специалисты, представлявшие меньшевиков, эсеров и в какой-то степени кадетов. Как и до революции, специалисты были тесно связаны – через пленум – с предпринимателями. Служащими в основном остались те же лица, что и в предшествующий период, за исключением уволенных и в значительной степени репрессированных большевиков. Добавились специалисты, которые не хотели служить советской власти. Рабочие перестали быть социальной опорой (хотя Комуч и хотел бы этого). Более того, курс на денационализацию неизбежно приводил к уменьшению численности рабочих в составе СНХ, а часть рабочих ушла служить в армию, как в Красную, так и в части Комуча.

В период с октября 1918 г. по 1920 г. в любом звене кадров СНХ на первый план вышла политическая лояльность. Высшие администраторы должны были быть большевиками или сочувствующими им, служащие – как минимум иметь нейтральные политические взгляды. В самом начале этого периода самарская власть пыталась ограничить прием на работу в СНХ тех служащих, которые работали при Комуче. Но экономическая необходимость, острый недостаток кадров и активные протесты ряда местных советских органов торпедировали эту инициативу (ее не отменили, но постепенно перестали соблюдать). В итоге, после Комуча в составе СНХ продолжили трудиться много служащих, которые работали на тех же постах и до Комуча, и при нем. Немаловажной причиной данной ситуации был и постепенный переход к трудовой повинности в отношении технических специалистов, которая подразумевала прикрепление их к нужным Красной Армии предприятиям и организациям. Но вот отношение к специалистам из классов собственников на

Сообщения и заметки

самом деле ужесточилось. Им не только не давали работать в соответствии со своей квалификацией, но и – в виде трудовой повинности как классового наказания – принудительно привлекали к неквалифицированному тяжелому физическому труду.

Изменилось по сравнению с докомучевским периодом отношение советской власти, в том числе и совнархоза, к рабочим. Хотя декларирование защиты интересов рабочих сохранилось, былой вседозволенности у этого класса уже не стало. С одной стороны, власть учитывала, что сам рабочий класс ухудшился в качественном отношении: самые политически активные его представители ушли в советские или партийные органы, либо на службу в Красную Армию, другая же часть из-за падения производства на время перешла в другие отрасли хозяйства, а взамен – в связи с нуждами военного производства – набирались кадры из городского люмпен-пролетариата и крестьян. С другой стороны, были учтены и ошибки начала 1918 г., когда профсоюзы и рабочие коллективы брались за то, что не могли выполнить. Совнархозы старались увеличить численность рабочего класса, особенно на военном производстве, на квалифицированных рабочих, как и на технических специалистов, была распространена трудовая повинность.

В 1921–1922 гг. кадровая политика претерпевает новые изменения. Если в 1918–1920 гг. (за исключением нескольких месяцев Комуча) Самарский СНХ категорически отказывался сотрудничать с предпринимателями, теперь сотрудничество с ними стало декларированной партией обязанностью. Отсюда предполагается попадание бывших предпринимателей и в состав служащих СНХ. Рабочий класс же понес большие потери на фронтах, на смену ему пришли крестьяне, и теперь власть еще меньше доверяла рабочим, чем в предшествующий период.

Ситуация отразилась и на членах Компартии. Если в период Гражданской войны одной из важнейших задач советская власть считала увеличение прослойки коммунистов во всех звеньях, то в 1921 г. повсеместно прошла партийная «чистка», которая особенно коснулась как раз выдвиженцев периода Гражданской войны. Многие коммунисты оказались психологически травмированы войной, и в мирный период у них началось то, что сейчас назвали бы поствоенным синдромом – перенесение военного поведения на мирное время, либо депрессия, приводящая к пьянству. Другая часть новоявленных членов партии не имела стойких взглядов, и переход к нэпу стал катализатором проявления у них низменных качеств. Третьи вообще не поняли перехода к новой экономической политике и усомнились в правоте партии. Во всех случаях эти коммунисты не могли бы обеспечить задачу правильного контроля частного сектора, не смогли бы лавировать между интересами государства и личными.

Сообщения и заметки

Можно, пожалуй, утверждать, что после завершения Гражданской войны в кадровой политике в экономике стал преобладать прагматизм, что проявлялось в приглашении специалистов, в том числе бывших предпринимателей, на работу, в стремлении удалить из числа лиц, надзирающих за этими специалистами, тех, кто вольно или невольно мог ослабить контроль и этим провалить линию РКП(б) в период нэпа. Все это вписывалось в схему строительства новой экономики, как она понималась на тот период. Но нужно учитывать, что 1922 год – это еще начало нэпа, в дальнейшем схемы, в том числе и в отношении к набору и структуре персонала, неоднократно изменялись.

Ченская Татьяна Владимировна

*кандидат исторических наук
Орловский государственный университет*

**КРЕСТЬЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ 1920-х ГОДОВ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТНОШЕНИЯ К МЕЖДУНАРОДНЫМ СОБЫТИЯМ
(по материалам информационных сводок Орловского ГПУ)**

1920-е годы – один из самых сложных периодов истории России. Противоречивые процессы, наблюдаемые не только в развитии советского общества, но и на международной арене, тесно переплетаясь между собой, не могли не отразиться на настроениях различных социальных слоев. В этой связи представляется важным обратиться к проблеме восприятия и оценки происходивших событий крестьянством, которое составляло в рассматриваемый период основное население страны¹.

Ведущим источником информации для крестьян являлась советская пресса. В 1920-е годы отмечается рост интереса крестьян к газетным материалам, что объяснялось повышением грамотности и официальной политикой власти, которая делала развитие данного интереса одной из приоритетных задач. По данным организационного отчета ЦК Коммунистической партии XIV съезду ВКП(б), к декабрю 1925 г. одна газета приходилась на 13 дворов (в 1924 г. – на 40 дворов), тираж крестьянской печати увеличился в 2,5 раза². Населению был обеспечен доступ к газетам через избы-читальни, красные уголки, кружки политсамообразования, библиотеки, в том числе и библиотеки-передвижки. Методы подачи информации для деревенских жителей имели свою специфику. Так как их уровень грамотности был все же ниже городского, устраивались громкие читки и беседы по прочитанному, «живые газеты», где эмоциональная составляющая, простые и понятные лозунги

¹ По данным переписи населения 1926 г., из 100 891 244 чел., проживающих в РСФСР, лишь 17 442 655 (17%) приходилось на город и 83 448 589 (83%) – на деревню. (Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 9. С. 2–13; М., 1928. Т. 17. С. 2–3).

² XIV съезд ВКП(б): стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 83.

Сообщения и заметки

имели самое важное значение. Целью являлось формирование соответствующего мировоззрения. При этом самое пристальное внимание уделялось использованию международных событий.

10 мая 1923 г. в Лозанне бывшим белым офицером М. Конради был убит глава советской делегации, прибывшей на конференцию по вопросам Ближнего Востока, В.В. Воровский. Накануне убийства возник конфликт между СССР и Великобританией. Последняя 8 мая предъявила советскому правительству ноту (ультиматум Керзона), неисполнение которой угрожало разрывом англо-советского торгового соглашения 1921 г. Официальная советская пропаганда увязала эти два события в единое целое и причину случившегося объяснила враждебной политикой, проводившейся Англией в отношении СССР. В связи с этим в стране развернулась широкомасштабная агитационно-пропагандистская кампания, организовывались массовые митинги протеста против убийства Воровского с вынесением резолюций, осуждавших действия «международного империализма». Территория современной Орловской области не стала исключением. В архиве сохранились телеграммы от 15 мая 1923 г. № 2037 (в Дмитровский, Болховский, Кромской уезды) и № 1562 (железнодорожникам), с требованием проведения городских, волостных, уездных собраний с вынесением протеста против убийства товарища Воровского и ноты Англии³. В них, в частности, говорилось: «Товарищи железнодорожники, международная буржуазия обнаглела, наступает на рабочий класс, садит в тюрьмы и убивает вождей рабочего класса в своих странах и уже сделала нападение на позиции международного пролетариата Советской Республики. Один из вождей российского пролетариата советский представитель на Лозаннской конференции товарищ Воровский убит. Рабочий класс России, возмущаясь поведением международных разбойников должен выйти на улицу в знак протеста и показать свою силу и решимость бороться с наступающей буржуазией»⁴.

Из приведенного текста видно, что террористический акт частного лица трактовался как наступление международной буржуазии на позиции рабочего класса, на завоевания Октября и молодую советскую республику. В соответствии с телеграммами во всех уездных центрах прошли митинги протеста.

В деревне, как отмечалось в информационных сводках ГПУ, «крестьянское население четко следит за всеми происходящими событиями, с напряженным вниманием выслушиваются доклады представителей профсоюзов, признавших шефство над деревней»⁵. При этом, под воздействием, возможно и режущих слух, но вместе с тем простых и понятных большой массе малообразованных крестьян

³ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 896. Л. 77.

⁴ Там же Л. 78.

⁵ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 583. Л. 129.

Сообщения и заметки

формулировок («международные разбойники», «гнусные действия», «капиталисты-разбойники»), в их сознании формировались определенные стереотипы, а постоянно и везде звучавший призыв к борьбе с «наступающей буржуазией», причем борьбе вынужденной, носящей с нашей стороны характер обороны, содействовал возникновению и распространению слухов о неизбежности войны. Довольно часто в сводках ГПУ отмечалось, что «крестьяне говорят, что как будто война с Англией уже началась и частично проводится мобилизация как людей так и лошадей»⁶. Существовали и иные точки зрения: «Англия и другие государства выступать не будут, а будут выступать великий князь Николай Николаевич, Врангель и им подобные»⁷.

На данном фоне сводки ГПУ зафиксировали более спокойное и даже «сочувственное» отношение крестьянской массы к советской власти и РКП(б). Отмечается «общее политсостояние деревни как вполне благополучное»⁸. «Что касается отношения к Соввласти и РКП(б) – сочувственное. К нэпу относятся желательно, но несоответствие цен сельхозпродукции с фабрикатами, в крестьянстве вызывает некоторое недовольство»⁹. «Но что касается случаев брожения, волнения, и т.п. не наблюдается»¹⁰.

Бесспорно, что значительную роль в определенной стабилизации внутривнутриполитической ситуации в деревне в начале 1920-х годов сыграла новая экономическая политика. Влияние, однако, оказала и психология «осажденной крепости», а также явно обеспокоившая крестьянство угроза «выступления великого князя Николая Николаевича, Врангеля и им подобных». Однако к концу 1920-х гг. данный фактор стабилизации уже перестал работать. Ситуация и отчеты меняются кардинально.

Как известно, в СССР в это время начался переход к политике наступления на зажиточное крестьянство. Государство берет курс на коллективизацию. Резко возрастает недовольство сельского населения, выражавшееся в увеличении террористических актов против советских работников деревни (председателей, секретарей сельских советов, членов сельсоветов и даже селькоров): убийств, поджогов, избиений¹¹. Иначе начинает восприниматься в деревне и международная

⁶ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 583. Л. 116.

⁷ Там же. Л. 136.

⁸ Там же. Л. 129.

⁹ Там же. Л. 102.

¹⁰ Там же. Л. 109.

¹¹ В Орловском округе с июня 1928 – по апрель 1929 г. пострадали 36 работников сельсоветов, 7 рабселькоров, 5 работников кооперации, 4 партийца, 5 комсомольцев, 6 общественных работников, 2 кресткомовца. (Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 84. Л. 7).

Сообщения и заметки

обстановка, что наблюдается, в частности, в связи с обострением отношений с Китаем – конфликтом на КВЖД в 1929 г.

1 августа в деревне Михново Болховского района проводился доклад о международном положении. Сельская ячейка зачитала резолюцию о готовности выступить на защиту СССР. Середняк Новиков Иван Артемович выступил против: «Нужно сделать постановление, чтобы в случае войны все коммунисты шли вперед и ни одного коммуниста не было бы в тылу, ихняя власть – пусть они и воюют»¹². Такая точка зрения не была единичным случаем. Зажиточный крестьянин села Петушки (Новосильский район) Старцев Андрей Иванович 15 августа среди крестьян-середняков говорил: «Эта власть нас всех ведет к гибели, ее давят со всех сторон, она крестьянство собирает уморить с голода. Война будет, но наши очень боятся, потому что им тогда – труба. Вот если дадут мне винтовку, разве я буду делать что мне говорят, мне эта власть напротивила и тех кто хвалит ее я разорвал бы на куски»¹³. Другой крестьянин этого же села Сухонин Роман Егорович заявил: «Если война будет – воевать не пойду, с коммунистами и комсомольцами тогда сумеем справиться. Сейчас они нас запугают, боятся войны коммунисты, откупаются паразиты. При этой власти ни один крестьянин ничего хорошего не увидит»¹⁴.

Как видно из приведенных высказываний в крестьянском мире уже нет «сочувствия советской власти и коммунистам». Более того, поражение СССР и падение советской власти в ходе международного конфликта для некоторой части крестьян видится даже благоприятным событием, хотя в целом угроза войны все же серьезно беспокоила крестьянскую массу.

Приказ реввоенсовета о формировании Особой Дальневосточной армии и сообщения советской прессы о нападении на погранпункты КВЖД усилили тревожные настроения, породив среди крестьян слухи о начавшейся войне. Ситуация еще более обострилась, когда в ряде районов округа была проведена мобилизация, на период сбора, конского состава.

Когда на сельском сходе села Войново Болховского района был зачитан приказ о мобилизации лошадей для укомплектования территориальной части, причем лошади брались на 2 месяца с оплатой от 8 коп. до 1 руб. в день, середняк Лагутин Максим Павлович сделал выводы: «Государство берет лошадей, обещая вернуть их, на самом деле этого не будет, все знают, что началась война, лошади попадут на фронт»¹⁵. Среди крестьян Новосильского района не только было очень много слухов о войне, но указывали даже точный день мобилизации. В селе Березове Сочейнин

¹² ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 282. Л. 19.

¹³ Там же. Л. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 19.

Сообщения и заметки

Иван Федорович (святой Иван) к разговорам о войне присоединил следующее: «В конце июля месяца по старому стилю на СССР найдет темная туча, которая побьет всех коммунистов». Этими разговорами он навел целую панику, так что при появлении тучи многие из крестьян побросали работу. Также он говорил, что в предстоящей войне иностранные державы побьют СССР, тогда наступит счастливое время. И что об этом говорят за границей. Рассказывал он и то, что был в Орле, видел несколько вагонов с ранеными красноармейцами, «к ним близко никого из народа не подпускают»¹⁶. Середняк деревни Калинино Василий Васильевич Генералов в группе крестьян деревни Сурьянино 10 августа не просто говорил о войне, а даже сообщал подробности ее хода: «Китайцы забрали КВЖД, сейчас идут безостановочно по Сибири, наша Красная Армия трусит и сдается в плен, воевать никто не хочет»¹⁷.

События на КВЖД и разговоры о войне отразились и на колхозниках первых, недавно созданных колхозов. Так, в одном из колхозов Малоархангельского района 11 человек подали заявление о выходе из-за боязни, что начнется война: «Соввласти приходит гибель, следовательно, и колхозникам тоже придет гибель и им не дадут земли». Активно шла скупка предметов первой необходимости. Среди зажиточных крестьян и кулачества усилилось стремление сбить лишний скот¹⁸.

Конфликт на КВЖД и ожидавшаяся в связи с этим война вызывала у крестьян не только опасения, но и ожидание решения тех или иных проблем, надежды на улучшение положения деревни и ее жителей. Все это можно проиллюстрировать следующим высказыванием середняка деревни Плюшки Калегаева Григория Филипповича, который говорил в группе крестьян 15 августа 1929 г.: «Чтоб эта власть провалилась бы, я такого та никогда не видел. Сейчас приходится туго не только зажиточным, но и беднякам, крестьянина растерзали со всех сторон, нет товаров для того чтобы купить сапоги, нужно весь хлеб свести. Начнется война, придет другая власть, будет все дешево и крестьянин будет жить вольно»¹⁹. Здесь явно отражаются крестьянские надежды и чаяния – жить свободно и в достатке, без притеснений со стороны государства, что было весьма актуально в условиях начинавшейся коллективизации.

Некоторые представители деревенской интеллигенции также пытались по-своему истолковывать сообщения советской прессы. Один из учителей Луковской

¹⁶ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 282. Л. 19.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 19.

Сообщения и заметки

волости советовал пионерам выписаться из отряда, «иначе, если война, им будет плохо»²⁰.

Даже представители власти становились источниками недостоверной информации и волновали крестьянское население, как, например, в случае с председателем Красовского сельского совета Кромского района Пыховым, который 7 августа объявил всем гражданам 1907 г. рождения, что в городе Орле проходит мобилизация их одногодок. В семьях, где имелись призывники, поднялся плач, резали овец, пекли лепешки²¹.

Таким образом, как свидетельствуют материалы Орловского округа, реакция крестьянства на международное положение страны во многом зависела от внутривнутриполитической ситуации и экономического состояния деревни. Изменения на протяжении 1920-х годов в отношениях крестьянства к событиям на международной арене в сторону усиления «пораженческих» настроений со всей очевидностью отразили перемены, болезненно затронувшие крестьянское общество в связи с переходом от новой экономической политики к коллективизации деревни.

²⁰ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 282. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 20.

Хакимов Рашид Шавкатович

кандидат исторических наук

Челябинский государственный университет

**СОБСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(на примере мусульманских общин Урала)**

Любая идеологическая надстройка не может существовать без своей материальной основы, выраженной в институте собственности. История религии также подтверждает эту закономерность. Поэтому представляет значительный интерес исследование развития и трансформации института собственности религиозных объединений в СССР, как в виду обсуждения в настоящее время вопроса реституции, так и недостаточной изученности проблемы.

Работы советского периода, касавшиеся вопросов религии в СССР, исходили из господствующей атеистической партийной идеологии¹. С 1990-х годов интерес к теме возрастает, и направленность исследований значительно расширяется². В частности, М.В. Шкаровский серьезно обратился к вопросу церковного сопротивления государственной политике уничтожения религии и ее институтов. Т.А. Чумаченко на основе фактов опровергла миф об улучшении положения церкви в стране в послевоенный период. Однако основное внимание в исследованиях уделено положению Русской православной церкви (РПЦ). К тому же в отечественной историографии до последнего времени преобладал взгляд на антирелигиозную

¹ *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М., 1975; *Куроедов В.А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981; *Одинцов М.И.* Государство и церковь. (История взаимоотношений, 1917–1938 гг.). М., 1991; *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. 2-е изд., доп. М., 1984; и др.

² *Васильева О.В.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999; *Васильева О., Кнышевский П.* Красные конкистадоры. М., 1994; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 2010.

борьбу КПСС и государства лишь как на борьбу идеологий, при этом затушевывалась экономическая составляющая этой борьбы – отъем огромной собственности, лишение религиозных обществ той экономической основы, которая была необходима для их деятельности. В настоящей публикации мы попытаемся показать положение собственности мусульманских общин Урала в советский период, отношение к ней со стороны власти.

В Российской империи законодательство защищало как частную собственность в целом, так и собственность религиозных обществ. Официально поддерживаемая Русская православная церковь владела тысячами десятин земли, монастыри являлись крупными хозяйствами³. Меньшую, но также значительную собственность имели и мусульманские общины. К 1917 г. в России проживало более 10 млн мусульман, действовало около 30 тыс. мечетей. В Оренбургской и Пермской губерниях к 1917 г. проживало 556 490 мусульман, посещавших 794 мечети⁴. Поскольку главенствующей религией в стране законодательно было определено православие, государство не выделяло средств на молитвенные дома для мусульман, как например, для строительства православных храмов. Мечети строились на средства верующих по их добровольному согласию. И в этой связи можно говорить об общенародном характере собственности мусульманских общин.

Существовали также мусульманские благотворительные общества, которые способствовали открытию и последующему развитию исламских учебных заведений (медресе и мектебе), организовывали курсы, литературные чтения, вечера, лекции, открывали бесплатные библиотеки и столовые, выделяли стипендии нуждающимся учащимся, деньги на издание книг, на помощь сиротам, на устройство похорон неимущих, на благоустройство кладбищ. Их масштабная деятельность опиралась на значительную материальную базу. К примеру, попечительский совет вакуфа⁵ известного оренбургского предпринимателя А.Г. Хусаинова имел к 1915 г. вакуфного имущества стоимостью в 553 тыс. руб. За счет прибыли на благотворительные цели только в 1914 г. им было потрачено свыше 18 тыс. руб.⁶

Вакуфное имущество мусульманских общин в России, в том числе и на Урале, заключалось в земельных наделах, торговых лавках, мастерских, в зданиях медресе

³ После 1917 года было национализировано и перешло в общенародное достояние 8 млн. 275 тыс. десятин земли, 424 476 млн руб. капитала, 84 завода (свечные и т.д), 1 816 доходных домов и гостиниц, 277 больниц и приютов, 436 молочных ферм и другое имущество РПЦ. (*Зыбковец В.Ф.* Указ. соч. С. 94).

⁴ *Саматов Г.* Милләтебездэ Ислам дине (Ислам в нашей нации, на татар.яз.). Казан, 1998. С. 130.

⁵ Вакуф (*араб.* вакф, – буквально удержание) – это движимое и недвижимое имущество, земли, переданные или завещанные частными лицами мусульманской общине на религиозные и благотворительные цели. В странах Востока не отчуждается и не облагается налогом.

⁶ Ислам на Урале: энциклопедический словарь. М.; Нижний Новгород, 2009. Вып. 5. С. 290.

и мечетей. В ведении Оренбургского магометанского духовного собрания, например, в октябре 1917 г. находилось 91 учреждение с вакуфным имуществом⁷.

Декрет Совета Народных Комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января (2 февраля) 1918 г. устанавливал, что здания и предметы культа отчуждаются от религиозных обществ, для удовлетворения религиозных потребностей верующих передаются в бесплатное пользование религиозных обществ. Церковь отделялась от государства, упразднялись все прежние формы союза церкви и государства. Религиозные общества объявлялись частными, не пользующимися какими-либо преимуществами и субсидиями от государства. Таким образом, произошла экспроприация церковной собственности, все церковное имущество, недвижимость объявлялись народным достоянием. Еще раньше, по декрету о земле, была национализирована земля монастырей и церквей. А статья 12 декрета от 20 января 1918 г. прямо запрещала религиозным организациям владеть какой-либо собственностью, а также лишала их прав юридического лица. Декрет запретил принудительные взыскания сборов и обложений в пользу религиозных обществ, меры принуждения или наказания с их стороны в отношении верующих⁸.

Сильнейшим ударом по собственности церкви стало массовое изъятие церковных предметов из золота и драгоценностей в ходе объявленной кампании по борьбе с голодом в 1921–1922 гг. Однако религиозные здания были сохранены в пользовании общин, которые продолжали свою деятельность.

По мере укрепления советского государства оно переходило к более решительным действиям по устранению религии из жизни общества. Для этого активно использовались меры по налогообложению. По замечанию К. Писенко, «посредством жестокого налогового бремени государство пыталось материально задушить религиозную жизнь в стране. Практика обложения культовой деятельности берет свое начало именно в советские годы»⁹. В сентябре 1929 г. Наркомфин особым циркуляром ввел промысловый и подоходный налог на продажу свечей, просфор и т.п. в молитвенных зданиях. Налог со строений, предназначенных для богослужбных целей, был повышен с 1/8 до 1/2 процента стоимости строений по оценке Госстраха. За неуплату налога в срок предусматривалось опечатывание зданий¹⁰. За подобное нарушение могли изымать здание религиозной общины. Так,

⁷ Климович Л.И. Ислам в царской России. М., 1936. С. 97–109; Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. С. 46–47.

⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 371–374.

⁹ Писенко К. Налоги и религиозные организации в истории России // Православие.RU: сайт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/237.htm> (дата обращения: 23.08.2014).

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

за неуплату земельной ренты и налога со строений была изъята Янычевская мечеть Верхне-Муллинского района Пермской губернии¹¹.

Государственная политика отличалась дискриминационным характером по отношению к религиозным общинам как хозяйствующим субъектам. Высшие партийные и советские органы принимали постановления, которые ставили религиозные общины в неравное положение с государственными и кооперативными хозяйствующими субъектами. 28 декабря 1923 г. НКВД утвердило циркуляр № 467, по которому страховые премии за сгоревшие молитвенные здания ни в коем случае не должны были выдаваться группам верующих, а поступать в ведение исполкомов. На основании этого циркуляра Уральский облисполком объявил постановление Пермского окружного исполкома о зачислении и использовании этой премии действием вполне закономерным и не подлежащим отмене. Таким был ответ верующим села Окулово Оханского района на жалобу на действия Пермского окружного исполкома, направившего страховую премию, полученную после пожара мечети, в размере 50 процентов на строительство детского сада в городе и 50 процентов на ремонт жилья¹².

Борьба против религии в целом, ислама в частности, велась по всем направлениям: административному, идеологическому, политическому, финансовому, экономическому. В конце 1920-х годов начинается коллективизация. Обобществление результатов труда колхозника, жесткий контроль в колхозе за распределением урожая и полученного в процессе производства продукта, когда колхознику оставляли лишь минимум для жизни, все это лишало мусульманские общины возможности получить какую-либо натуральную или денежную помощь (*закят*, или обязательный налог в размере 1/40 от нажитого благосостояния за год, и *садака* – добровольное подаяние). Это серьезно экономически подрывало мусульманские общины.

В стране были закрыты и разрушены тысячи молитвенных зданий. К 1937 г. в СССР вместо существовавших до революции более чем 14 300 мечетей осталось 150¹³. Конфискованные здания мечетей по решению местных советских органов передавались под школы, клубы, в них размещали склады, зернохранилища, использовали их и под общежития, мастерские, в некоторых даже размещали морги, винно-водочные заводы. Часть религиозных зданий была просто разрушена. Фактически произошла окончательная экспроприация собственности религиозных обществ, в основе которой были народные пожертвования.

¹¹ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р-883. Оп. 1. Д. 4. Л. 116.

¹² Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 797. Л. 24, 25.

¹³ Мусульманин Прикамья. 2004. № 1 (10). С. 4.

Сообщения и заметки

Только в годы Великой Отечественной войны было сделано частичное послабление – разрешено открыть некоторые мечети. Однако общее число мечетей в стране не превышало трехсот. На Урале после 1945 г. – двенадцать¹⁴. В целом, по отношению к действующим религиозным общинам органы власти продолжали придерживаться жесткой запретительной линии. Так, руководство Оренбургской соборной мечети просило разрешить строительство при мечети нового дома для имама, а также устроить в отремонтированной секции подвального помещения мечети комнаты для молитвенных собраний женщин. Однако в этих просьбах общине было категорически отказано¹⁵.

Мусульманские религиозные объединения несли все бремя по содержанию зданий и находились на полном самообеспечении. Финансы мечетей формировались из добровольных пожертвований и от исполнения религиозных обрядов. Материальные поступления могли быть и в форме подношения каких-либо вещей (ковры, посуда) и жертвоприношений скота.

Различного рода «внеплановые» материальные сборы с верующих пресекались уполномоченным Советом по делам религиозных культов (СРК). Доходы мусульманских мечетей находились под пристальным вниманием местных властей. Общины представляли ежемесячный отчет в райисполком, и через него – уполномоченному СРК. Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при исполкомах Советов могли в любое время инициировать финансовые проверки общин.

С момента создания Советского Фонда мира в 1961 г. все мусульманские общины часть своих средств перечисляли на его счет. Формально подобные перечисления считались добровольными, на деле они являлись обязательными. Перечисляемые суммы были значительными, увеличиваясь год от года. Это позволяло партийно-советским органам изымать денежные средства религиозных обществ из прямых расходов на внутрицерковную деятельность. Челябинский облисполком в письме от 18 июля 1973 г. в районные и городские исполкомы в качестве одной из мер по усилению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных объединений предлагал всемерно поддерживать добровольные отчисления денежных средств религиозных обществ в Фонд мира¹⁶. Если в 1969 г. община мечети хутора Миасский города Челябинск направила в Фонд мира 7 тыс. руб., то в 1982 г. она перечислила в Фонд мира 19 тыс. руб., в 1983 г. – 17 тыс. руб., что составило соответственно 33,5 и 25,3 процента доходов мечети за

¹⁴ *Хакимов Р.Ш.* Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. Ислам и партийно-государственная власть на Урале в советский период (1917–1991 гг.). Челябинск, 2013. С. 323.

¹⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. Р-371. Оп. 20. Д. 853. Л. 10.

¹⁶ Архивный отдел Кыштымского городского округа. Ф. 3. Оп. 1. Д. 366. Л. 11.

1982 и 1983 гг.¹⁷ Мечеть города Троицка направила в 1969 г. в Фонд мира 2 тыс. руб., тогда как с 1973 по 1979 год ежегодно перечисляла в Фонд мира уже по 4 тыс. руб., что составляло треть ее доходов¹⁸. Мечети Пермской области в 1971 г. перечислили в Фонд мира 2 тыс. руб., в 1975 г. – 5 500 руб., в 1982 г. – 10 500 руб.¹⁹ Религиозные общества также уплачивали налог со строений, вносили плату в Госстрах, взнос в фонд охраны памятников культуры.

Подобное отношение государства, как отмечает А.Н. Марченко, можно определить как практику двойных стандартов²⁰. С одной стороны, государство запрещало благотворительную деятельность религиозных общин, а с другой стороны, охотно пользовалось церковными финансами, перечисляемыми на «патриотическую деятельность».

Несмотря, однако, на антирелигиозную политику властей религиозное сознание в стране сохранялось. Верующие направляли свои пожертвования немногочисленным мечетям, доход которых неуклонно возрастал. Об этом было, в частности, сказано на Ташкентском совещании уполномоченных СРК в 1968 г.: «Нет ни одной области и республики, где бы не имелась тенденция к росту доходов объединений мусульман. В 1967 году мусульманский культ в целом по стране дал по сравнению с 1966 годом среди других культов наибольший процент роста доходов – 23 процента. Доходы мечетей за год выросли почти на 400 тысяч рублей и достигли 2 млн 154 тысяч рублей»²¹. Можно отметить, что подобное положение было и в Русской православной церкви, доходы которой с 1948 по 1957 год увеличились со 180 млн руб. до 667 млн руб. в год²².

Вполне реальную основу имел приписываемый муфтию Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) Ш.Ш. Хиялетдинову ответ на вопрос иностранных журналистов: «Какая главная проблема ислама в СССР?» – «Некуда девать деньги...» Действительно, ДУМЕС и религиозные общины не могли покупать недвижимость, вести строительство новых мечетей, любой ремонт необходимо было согласовывать с органами власти, не могли проводить благотворительную деятельность, организовывать школы и вести обучение, проводить какие-либо мероприятия вне мечетей. Государство предоставляло

¹⁷ Личный архив автора. Материалы 2011 года.

¹⁸ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 363. Л. 110; Д. 373. Л. 41.

¹⁹ Михалева А.В. История ислама в Пермской губернии, области, крае. Пермь, 2009. С. 53.

²⁰ Марченко А.Н. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в Советском государстве (1918–1964-е годы) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. Вып. 24. № 15 (116). С.124.

²¹ ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 18. Л. 92.

²² Марченко А.Н. Указ. соч. С. 123.

Сообщения и заметки

возможность религиозной общине перечислять средства лишь на счета официально разрешенных фондов.

Нельзя не отметить, что в СССР был установлен, и даже закреплен в Конституции, приоритет государственной (общенародной) социалистической формы собственности над другими (колхозно-кооперативная, собственность общественных организаций, личная собственность граждан). В статье 10 было записано: «Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее преумножения». Статья 11 устанавливала, что земля находится в исключительной собственности государства²³. В органах МВД существовали специальные отделы и управления по борьбе с хищениями социалистической собственности. Данные преступления карались законом особенно жестко. В то же время, отстраненность религиозных обществ от государства, низкий контроль за финансами внутри общин приводили к частым финансовым нарушениям в религиозных общинах. К примеру, в 1954–1955 гг. наблюдались серьезные финансовые нарушения в Троицкой мусульманской общине. 3 июля 1955 г. в ДУМЕС была направлена телеграмма такого содержания по поводу председателя совета общины, присвоившего 30 тыс. руб.: «Мухаметшакиров сбежал от ревизии. Не принимайте отчетов. Обнаружена растрата. Выезжайте Тугузбаев. Материалы ожидайте почтой. Председатель ревкомиссии Фахретдинов»²⁴. Последовали обращения общины в прокуратуру города Троицк, в Троицкий горком КПСС, Троицкий горсовет, к уполномоченному Совета по делам религиозных культов по Челябинской области Букрину, председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР И.В. Полянскому. Однако каких-либо данных о предпринятых мерах в отношении указанного обращения обнаружить в архивных фондах не удалось.

Объяснение подобному бездействию властей можно найти в том, что партийные комитеты, советские органы и их работники видели в религиозных общинах своих идеологических противников, соответственно этому и вели свою работу. Примечательно в этом отношении информация уполномоченного СРК по Оренбургской области П. Вдовина от 28 января 1960 г., направленная заместителю председателя облисполкома А.М. Данилову, где, характеризуя деятельность церкви в области за 1959 г., он пишет: «Мной получено 37 жалоб и заявлений. В 22 заявлениях содержатся жалобы на воровство в церкви. В этих заявлениях верующие возмущаются действиями старост, которые присваивают средства церкви. Вполне понятно, что такого рода жалобы оставались без последствия. Чем больше

²³ Конституция (Основной закон) СССР. М., 1977. С. 6.

²⁴ МБУ «Архив города Троицк». Ф. 20. Оп. 2. Д. 211. Л. 96.

Сообщения и заметки

будут "отвращать от церкви" подобные старосты, тем лучше для разложения прихода»²⁵.

Таким образом, следует признать, что по отношению к собственности мусульманских религиозных общин в советский период проявлялся дискриминационный подход. Их собственность была лишена двух основных признаков – владение и распоряжение. За общинами было оставлено только право ограниченного использования. Государственные и местные органы власти оставляли за собой право изъятия у общин здания церкви или мечети. Был установлен жесткий контроль над использованием финансов религиозных общин. Лишение и ограничение прав собственности было подчинено основной задаче – ограничению и ликвидации религии и всех ее институтов.

²⁵Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 387. Л. 59, 60.

Субботина Елена Сергеевна

соискатель

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

**УЧАСТИЕ МОБИЛИЗОВАННЫХ НЕМЦЕВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФРОНТА
(по материалам Молотовской области)**

В юбилейный год 70-летия победы в Великой Отечественной войне мы все чаще наблюдаем как искажение основных событий войны, так и оценки роли СССР в этой победе. Многие публикации описывают исключительно деспотическое отношение государства к народам и национальным группам, волею судьбы оказавшихся в составе СССР. Именно поэтому изучение деятельности советских немцев-трудармейцев актуально не только с позиции заполнения пробелов в историческом знании, но и в свете современных политических и идеологических реалий.

Несмотря на обилие исследовательской литературы и большой объем источниковой базы, вопрос об участии советских немцев в обеспечении армии и фронта до настоящего времени остается малоизученным. Даже уральские исследователи (А.Б. Суслов, Л.А. Обухов, В.М. Кириллов, Н.В. Матвеева, Г.А. Гончаров) в своих трудах освещают лишь проблемы депортации спецконтингента, условия труда и быта мобилизованных¹. Вклад трудармейцев в победу остается при этом в тени. Отражение он нашел лишь в небольшой статье С.А. Шевырина в электронном сборнике, подготовленном Пермским государственным архивом новейшей истории. Как замечает автор статьи, «трудармия формировалась из граждан мобилизационного возраста, по национальному признаку это были жители Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Мордовии, советские немцы и поляки, жители

¹ Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006; Кириллов В.М., Матвеева Н.В. Трудмобилизованные немцы на Урале: состояние и новые аспекты исследования проблемы // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляд и оценки через 70 лет: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2011; Обухов Л.А. «Нас немцев не считают за людей». (Трудармейцы в Прикамье, малоизвестные страницы) // Там же; Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области 1929–1953 гг. М., 2010.

Первые шаги в науке

Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики»². Однако стоит отметить, что в Молотовской области «трудовая армия» была представлена в основном мобилизованным советско-немецким контингентом и указанные автором архивные материалы стали прямым подтверждением этого факта.

Понятия «мобилизованные немцы», «немцы-тудармейцы» и «мобилизованный советско-немецкий контингент» употребляются нами как синонимы, именно так они встречаются в документах центральных и региональных архивов. Главное отличие советских немцев от заключенных исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ) было в отношении окружающих (начиная с администрации лагеря и до простых узников ГУЛАГ). Заключенные, даже самые опасные, были и оставались русскими, «своими», а советские немцы в большинстве лагерей воспринимались как «враги народа», «фашисты», «пособники Гитлера» и т.д. Хотя в ряде инструкций НКВД тудармейцы приравниваются к вольнонаемным, с рядом ограничений в работах, месте пребывания (в бараке или на квартире) и относительной свободе передвижения³.

А.Б. Суслов в своем исследовании включает «тудармейцев» в понятие «спецконтингента», куда входят «все категории репрессированных (заключенные, спецпоселенцы, тудармейцы, военнопленные, интернированные, узники проверочно-фильтрационных лагерей), содержащихся на режимных условиях и насильственно вовлеченных в производственные процессы». Кроме того, исследователь считает «спецконтингент» определенной стратой общества, его «необъявленной» или «теневой частью», важнейшей чертой которого является «доминирующее влияние государственной политики на его формирование»⁴.

Цель настоящей статьи – расширить представления об участии советских немцев в обеспечении армии и фронта.

Как известно из многочисленной литературы и опубликованных документов, советское правительство мобилизовало на помощь фронту разные категории населения, в том числе и «неблагонадежных», по мнению партии, обрусевших за два столетия немцев. В самом начале войны было принято решение депортировать потомков колонистов (прибывших в Россию во времена царствования Екатерины II) и привлечь их на самых важных для обороны страны промышленных предприятиях, лесозаготовительных участках, в сельскохозяйственных организациях и других

² Шевырин С.А. Вклад тудармейцев // Страницы истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. Электронная выставка документов [Электронный ресурс] / Пермский государственный архив новейшей истории. [Пермь], 2013. 1 CD-ROM.

³ До середины 1940-х гг. во время передвижения их сопровождал вооруженный конвой, после войны свобода передвижения стала менее ограниченной, колючую проволоку, охрану, и соответственно конвой, убрали.

⁴ См.: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области 1929–1953 гг.

Первые шаги в науке

отраслях народного хозяйства, необходимых для обеспечения фронта и победы в войне. Как справедливо отмечает А.Б. Суслов, «путем мобилизации политическое руководство страны одновременно решало две задачи: обеспечение промышленности дополнительными контингентами рабочих и создание особого режима изоляции для потенциальной "пятой колонны"»⁵.

Изучение численности, состава исправительно-трудовых лагерей, мест дислокации показало, что мобилизованный немецкий контингент был размещен как на стройках НКВД, так и в лагерях Молотовской области и использовался на самых разнообразных работах, начиная от подсобных и разгрузочно-погрузочных до изготовления боеприпасов (см. Таблицы 1 и 2).

Несмотря на скудость заработной платы⁶, среди мобилизованных приветствовалась идея материальной поддержки солдат советской армии. Формы такой поддержки были разные: отчисления в «фонд обороны», сбор средств на строительство танков и самолетов, посылки с теплыми вещами на фронт, проведение денежно-вещевых лотерей, подписки на государственные военные займы.

По мнению А.В. Волобуева, изучившего подробно вопросы материальной и финансовой помощи фронту, подписка на государственный займ имела некоторые отличия от других направлений тыловой поддержки Красной армии⁷. В частности, различались стороны, выступавшие инициаторами того или иного направления. При сборе средств в фонд обороны и на строительство военной техники инициатива исходила как от органов власти, так и от патриотически настроенных «низов». В случае с подписными кампаниями на военные займы «инициатором выступало государство, устанавливавшее "сверху" их сроки, контрольные задания по подписке для различных регионов и т.д.». Инициатива «снизу» проявлялась только в перевыполнении планов подписки по срокам или по объемам, которые устанавливало советское правительство.

За годы Великой Отечественной войны советским правительством было реализовано 4 военных займа (с 1942 по 1945 г., по одному на каждый год соответственно), общая сумма займа составила 72 млрд руб.

⁵ *Его же*. Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 – 1980-е годы). Н. Тагил, 1997. С. 187

⁶ В Соликамбумкомбинате «часовая оплата за время войны составляла в среднем 2 руб. 80 коп.», это примерно 22 руб. 40 коп. в день, а в месяц около 604 руб. 80 коп. (Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ). Ф. 1845. Оп. 7. Д. 3. Л. 64.

⁷ *Волобуев А.В.* Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах областей Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009.

Первые шаги в науке

Таблица 1
*Дислокация мобилизованных немцев по предприятиям Молотовской области
(на 1 октября 1943 г.)⁸*

Наименование предприятий	На каких работах используются	Количество мобилизованных	В том числе	
			Муж.	Жен.
Трест «Кизелуголь»	Добыча угля	411	411	–
«Каспашуголь»	Добыча угля	916	916	–
«Сталинуголь»	Добыча угля	877	877	–
«Андреевуголь»	Добыча угля	258	258	–
«Кизелшахтстрой»	Строительство новых шахт	3 489	3 343	146
Углеразведка	Поиск угольных месторождений	132	132	–
Александровский механический завод	Подсобные рабочие	107	107	–
Севуралтяжстрой	Строительство промышленных объектов	1 699	–	1 699
Уралхимпромстрой	Строительство	38	–	38
Завод № 761	Строительство	33	–	33
Завод № 749	Погрузочно-разгрузочные работы	74	1	73
Березниковская ТЭЦ	Подсобные работы	183	–	183
Соликамбумкомбинат	Сельскохозяйственные работы	723	–	723
Краснокамбумкоминат	Сельскохозяйственные работы	298	–	298
Завод № 260	Изготовление боеприпасов	487	–	487
Итого:		13 468	6 079	7 389

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 18.

Первые шаги в науке

Таблица 2

Численность советских немцев в ИТЛ Молотовской области⁹

Наименование ИТЛ	Вид деятельности	Дислокация	Общее число заключенных	Советских немцев
Усольский ИТЛ (Усольлаг)	Лесозаготовки, деревообработка, дорожное и капитальное строительство	г. Соликамск	30 889 чел. (на 01.04.42)	4 940 чел. (на 01.04.42)
Соликамский ИТЛ (Соликамлаг, Соликамбумстрой)	Строительство ЦБК ¹⁰ , сульфатно-спиртового завода, производство пороха и взрывчатых веществ, строительство ТЭЦ Соликамского ЦБК	Ворошиловский район, с. Усто-Боровое (Боровск)	10 531 чел. (на 01.01.42)	2 537 чел. (на 01.01.42)
Широковский ИТЛ (Широкстрой, Широк-Вилухстрой, Широлаг)	Строительство Широковской ГЭС на р. Косье и Вилухинской ГЭС на р. Усьве, лесозаготовки, авторемонт, лесопиление, пошивочное производство	г. Кизел.	2 287 чел. (на 01.12.43)	В архиве Кизеловского (быв. Широковского) ИТЛ спецпереселенцев (немцев) – 4 800 чел., картотека «на немцев» – 7 253 чел.

Заем был двух видов – выигрышный и процентный. Среди свободного населения распространялся выигрышный выпуск, а в лагерях и на предприятиях НКВД использовался в основном процентный. По выигрышному выпуску займа облигации выпускались достоинством в 500, 200, 100, 50, 25, 10 рублей. Выплаты по нему осуществлялись в результате выигрыша. По процентному – в 1000, 500 и 100 рублей, а ежегодно выплачиваемый доход устанавливался в размере 2%. В отношении процентного займа В.Н. Макаровой было отмечено, что «количество выигрышей по этим облигациям было уменьшено: в течение срока займа

⁹ Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей СССР. М., 1998.

¹⁰ Целлюлозно-бумажный комбинат.

Первые шаги в науке

выигрывают не все облигации, а их треть; остальные должны погашаться по нарицательной стоимости в порядке проведения тиражей погашения»¹¹.

Размещение государственных займов проводилось в порядке подписки через оплату облигаций сразу или в рассрочку (в фонд заработной платы).

Интересным, на наш взгляд, фактом является то, что в разных лагерях Молотовской области формы сбора подписей и денежных средств осуществлялись различными путями. Либо на партсобрании (например, в Усольяге), либо в процессе организованного митинга (Широковский ИТЛ). Подробно о процессе подписки сообщает начальник строительства Широковской ГЭС: «После объявления по радио постановления правительства о выпуске займа по всем подразделениям были проведены митинги... в Управлении строительством, по колоннам трудмобилизованных и стройбатовцев»¹². Кроме того, в том же документе указано, что «до проведения подписки по всем подразделениям были проведены беседы о значении государственных займов для нашей Родины... В период подписки были выпущены бюллетени о ходе размещения госзайма, организованы доски показателей хода подписки»¹³.

В Усольяге «коллектив лагеря принял активное участие в массово-политических мероприятиях, направленных на укрепление военной мощи нашей Родины и оказанию конкретной помощи фронту». При первом же взгляде на документ поражают сроки и суммы сборов. 3-й военный заем был размещен в течение трех дней на общую сумму 7 млн 137 тыс. руб., или 186 % к месячному заработку¹⁴.

Подписка на 4-й государственный заем 1945 г. проходила не менее активно. В процессе подписки «колонны трудмобилизованных (Шировскового ИТЛ) оказались впереди, так как секретарь парторганизации тов. Фрицлер подписался при окладе 700 руб. на 3 000 руб., что составляет 427%, бригадир Ведлер (канд. ВКП(б)) подписался на 342% месячной зарплаты, Веде – на 342%»¹⁵. Всего подписка трудмобилизованных составила 99,6% «к общему фонду зарплаты». Месячный фонд зарплаты по строительству – 1 945 632 руб. Если учесть, что в документе указаны три группы подписчиков по заработной плате: вольнонаемные, трудмобилизованные (немцы) и калмыки, то вклад немцев составляет примерно 649 тыс.¹⁶

¹¹ Макарова В.Н. Военные займы и прочие мобилизации. URL: <http://dengi.ufa1.ru/text/timemoney/721018-print.html> (дата обращения 02.06.2015).

¹² ПермГАНИ. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 41. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 27.

¹⁴ Там же. Ф. 105. Оп. 11. Д. 163. Л. 36–53.

¹⁵ Там же. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 41. Л. 26 об.

¹⁶ Там же. Л. 28.

Первые шаги в науке

В лагерях проходили не только подписки, но и денежно-вещевые лотереи. Так, 4-я денежно-вещевая лотерея прошла в течение 2-х дней. В результате сборов колонны Широковского ИТЛ отправили на фронт 1 млн 211 тыс. руб., или 32% к месячному заработку¹⁷.

Что касается помощи в строительстве боевой техники, то в том же документе видим следующую запись: «По инициативе лагпункта "Ц-Сим", в лагере был начат сбор средств на строительство звена боевых самолетов "Прикамский лесник", в результате чего было собрано наличными деньгами 1 млн 100 тыс. руб. ... самолетов им. Александра Матросова – 700 тыс. руб.» Также «...на строительство танковой колонны имени тов. Берия в декабре 1944 года, поддерживая инициативу УНКВД Молотовской области, коллектив лагеря собрал наличными деньгами 1 млн руб.»¹⁸

Одной из распространенных форм фронтовой поддержки может быть признано и социалистическое соревнование. В докладной записке от 25 июля 1943 г., в пункте участие комсомольцев в хозяйственной и государственной деятельности отмечаются высокие заслуги недавно созданных бригад советских немцев. По мнению начальника лагеря (Широковский ИТЛ) именно «эти бригады стали подлинными энтузиастами труда, ...они отличаются слаженностью работы и производственным авторитетом, ...являются застройщиками соцсоревнований»¹⁹. В документе также перечислены фамилии двухсотников, т.е. тех, кто выполнял план на 200 и более процентов. «Мастера коммунисты (Усольлага) Сабельфельд, Керинг систематически держат первенство в выполнении плана (120–125%) и производительности труда 150%»²⁰.

Участие трудмобилизованных в помощи армии и фронту нашло свое отражение не только в официальных документах, но и в воспоминаниях и интервью, как опубликованных, так и еще находящихся в процессе обработки. Всего нами изучено 120 воспоминаний (в т.ч. в виде интервью) немцев-тудармейцев Усольлага, Широковского ИТЛ, Ныроблага и других лагпунктов и спецпоселков. Воспоминания подтверждают наличие искренних патриотических чувств. Так, девушки и женщины, прибывшие на работу в трудовую армию города Краснокамска сразу после прибытия «устроили собрание, на котором решили, что будем работать так, как наши бойцы воюют на фронте, покажем, на что мы способны... Девушки попали на пилораму... К концу рабочего дня мы уже перевыполнили задание, доказали, что работать можем. Вскоре о нас знал весь промысел»²¹.

¹⁷ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 163. Л. 36–53.

¹⁸ Там же. Л. 45.

¹⁹ Там же. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 103. Л. 19.

²⁰ Там же. Ф. 105. Оп. 11. Д. 163. Л. 46.

²¹ Трудовая армия в Прикамье. Воспоминания бывших тудармейцев. Пермь, 2010. С. 41.

Первые шаги в науке

Однако не все так просто и гладко. К.И. Вернер, например, на вопрос интервьюера о заработной плате сообщает, что «в конце месяца составляли ведомости, начальник трудбатальона построит нас утром на разводе и говорит: сегодня вечером придете, ведомости будут готовы, всем будут начислена зарплата, что б мне все до единого расписались безоговорочно. Деньги эти пойдут в Фонд обороны. И так всю войну. А куда их? Кто их взял эти деньги? Мы не знаем. Попали ли они в фонд обороны или нет? Мне кажется, нет»²². Сообщение может свидетельствовать как о коррупции местных властей, так и о бесправии подписчиков, которые не могли проследить движение собранных ими средств и быть уверенными в том, что их деньги дошли до фронта. Ситуация явно неоднозначная и требующая, безусловно, дополнительного изучения.

Таким образом, изученные документы и материалы позволяют нам сделать вывод, что помощь трудармейцев фронту была существенной: собирали средства в виде государственных займов и денежно-вещевых лотерей, оказывали практическую помощь в виде строительства детских учреждений, самолетов, танковой колонны, участвовали в социалистическом соревновании и в целом трудились на благо Победы. Другое дело, насколько добровольной или принудительной была эта помощь, степень ее эффективности по сравнению с другими. Вопрос требует дальнейшего исследования и осмысления.

²² Трудовая армия в Прикамье. С. 55.

**«ПО ЧЬЕМУ-ТО ВЕЛИКОМУ И ПРЕСТУПНОМУ НЕДОМЫСЛИЮ...»
(Турецкие военнопленные в Самаре, 1915 год)**

Подготовка публикации:

Зубова Ольга Владимировна, Центральный государственный архив Самарской области,

Калягин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, Самарский государственный университет

На рассвете 16 октября 1914 г. турецкие военные суда при непосредственном участии переведенных в Константинополь немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау» совершили нападение на черноморские порты России. В ответ последовало распоряжение об отозвании из Турции чинов российского дипломатического корпуса. А 19 октября в соответствии с царской телеграммой главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков отдал приказ: «Турки вероломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Высочайше повелеваю считать, что Россия в войне с Турцией. Войскам вверенной мне армии перейти границу и атаковать турок»¹. В ночь на 20 октября русские войска начали наступление. Образовался Кавказский фронт, где в декабре 1914 г. развернулось Саракамышское сражение, завершившееся практически полным уничтожением 3-й турецкой армии...²

Успехи русских войск на Кавказском фронте и особенно победа под Саракамышем вместе с тем болезненно отразились на находившейся в тыловом

¹ Цит. по: *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917. Стратегический очерк. Paris, 1933. С. 21.

² О сражении под Саракамышем см.: *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 374–381; *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946. С. 32–39; *Масловский Е.В.* Указ. соч. С. 74–134; *Озтюрк М.* Саракамышское сражение: турецкий взгляд // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб., 2014. Вып. 2.

Свидетельства и документы

удалении Самаре. Являясь крупным железнодорожным узлом, город оказался одним из пунктов, через который поток турецких военнопленных направлялся далее, на Урал и в Сибирь. Бывший самарским губернским предводителем дворянства А.Н. Наумов вспоминал: «Начавшаяся 20 октября 1914 года война с Турцией, сосредоточившись в районе Кавказской пограничной полосы, постепенно стала принимать серьезные размеры, расширяя зону своих действий и сопровождаясь одно время блестящими успехами русского оружия с массовыми захватами в плен турецких частей. Среди пленных вспыхнули жестокие эпидемии сыпного тифа и холеры. Несмотря на это, по распоряжению властей приступлено было к спешной эвакуации накопившегося в Закавказье огромного контингента пленных турок. По чьему-то великому и преступному недомыслию было решено рассылать [их] по главным российским железнодорожным артериям, разнося таким образом по всей стране эпидемическую заразу. Подобная участь постигла и несчастную нашу Самару, как центральную узловую станцию большого железнодорожного пути»³.

Настоящая подборка документов отражает складывающуюся в январе–марте 1915 г. в Самаре ситуацию в связи с прибытием эшелонов с турецкими военнопленными.

Основу публикации составляют документы Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), дополненные воспоминаниями очевидцев и материалами из периодической печати. Документы публикуются в хронологическом порядке. Даты даются по старому стилю.

№ 1

Заметка в газете «Волжское слово» о положении следующих через город Сызрань турецких военнопленных

9 декабря 1914 г.

В последнее время через Сызрань часто провозят пленных с кавказского театра военных действий. Пленные турки, среди которых встречаются и курды, производят жалкое впечатление: грязные, оборванные, босые, они, в виду холодов, не выходят даже из вагонов, чтобы сходить на солдатский пункт пообедать. Некоторые из них буквально не имеют никакой обуви и завертывают ноги в старые тряпки.

Сердобольные обыватели помогают «несчастливым» кто чем может: дают с себя портянки, чулки, старую одежду и т.д. Был такой случай: один крестьянин подарил

³ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Т. II. С. 268.

Свидетельства и документы

турку свой старый кисет. Турок с радостью взял подарок и тут же, на глазах присутствующих, надел кисет на ногу, спрятав покрасневшие от мороза пальцы ноги.

Все пленные по-русски ничего не понимают и объясняются с окружающими мимикой, но по настроению этих больных воинов видно, что все происшедшее и происходящее переживается ими как кошмарный сон.

Волжское слово. 1914. 9 декабря. № 264 (2142).

№ 2

Из воспоминаний самарского губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова о посещении Самары Верховным начальником санитарной и эвакуационной части принцем А.П. Ольденбургским

[...] На рождественские праздники и под самый новый 1915-й год в Самару стали подходить один поезд за другим с вагонами, переполненными пленными турками почти поголовно больными тифом или холерой. При разгрузке же их на станции случалось, что рядом с несчастными людьми, полуживыми от холода, голода и болезней, лежали трупы их закоченевших земляков.

Нельзя забыть того ужасающего впечатления, которое мы с губернатором Протасьевым⁴ однажды испытали, присутствуя при разгрузке вагонов, подошедших к Самарскому вокзалу, с турками, взятыми в плен после Саракамышских боев.

Отперев у первого вагона засовы и раздвинув дверь, мы отшатнулись в сторону, так как из раскрытого вагона вывалилось на нас несколько трупов со сведенными конечностями и страшным выражением открытых омертвелых глаз. Их чуть живые спутники по вагону мало чем от них отличались. Большинство лежало без сознания в

Самарский губернатор Н.В. Протасьев

⁴ Протасьев Николай Васильевич (1854–1915) – занимал пост самарского губернатора с 23 августа 1910 г. до 2 июня 1915 г.

Свидетельства и документы

тифозном бреду, мучилось в холерных корчах, или сгорало от гангрены. Их чудом уцелевшие земляки в самом жалком виде ютились по углам. Некоторые вагоны представляли собой сплошные мертвецкие. [...] Присылка подобных «мертвых» поездов, как мы их печально прозвали, застала нас, «Самарцев», положительно врасплох. На станции временами скапливалась такая масса привезенных «вагонных мертвецов», что губернская администрация не успевала их предавать земле, и ей приходилось нанимать на городской окраине особые дворы, где турецкие трупы складывались в огромные, страшные штабели. Их обливали керосином и затем сжигали на месте. Останки зарывали в земляные глубокие ямы на особом кладбище.

Что же касается больных турок, доставленных к нам еще живыми, то с ними было немало тяжелых хлопот в силу того, что самарские лазареты уже ранее были переполнены людьми, пострадавшими на западных фронтах. Для присланных с Кавказа заразных турок, ради изоляции, приходилось подыскивать частные особняки где-либо в стороне от городского центра. Появление этих больных повлекло за собой, как неизбежное следствие беспощадной эпидемической заразы, значительные потери среди врачебного и ухаживающего персонала.

В связи с этими тяжкими для Самары событиями вспоминается мне мимолетный приезд, или скорее – заезд, в наш город в начале января 1915 года самого принца Александра Петровича Ольденбургского, которого мне тогда впервые пришлось видеть, и наблюдать незаурядные манеры Верховного санитарного начальника.

Только накануне получил губернатор телеграфное извещение о прибытии к нам в 10 час. вечера 10 января 1915 года его императорского высочества, возвращавшегося с Кавказа и имевшего целью объехать все наиболее важные пункты, обслуживавшие⁵ врачебно-санитарную помощь разосланным из Закавказья пленным туркам. [...]

Поезд был небольшой. Из дверки переднего вагона вышло несколько человек, в их числе был бывший петербургский губернский предводитель, граф В.В. Гудович, состоявший в распоряжении принца. Мы обрадовались друг другу и поспешили пройти в приемную вокзальную комнату, чтобы наскоро переговорить о предстоящем приеме у его высочества. По словам Гудовича принц приехал специально для того, чтобы устроить на Самарском пункте все необходимое для осмотра пересылаемых из Закавказья огромных партий пленных турок, которых придется разместить по больницам.

– Его это дело очень нервирует, – спешил пояснить Гудович. – Не дай бог, если принц от вас, а в особенности от губернатора, получит уклончивый ответ. Плохо вам

⁵ Так в документе.

Свидетельства и документы

придется... Советую идти самым решительным образом ему навстречу, тогда обойдется.

С этими словами граф торопливо направился к вагону его высочества.

Дверь вагона, наконец, растворилась, и молодежавый стройный господин, одетый в смешанную краснокрестно-придворную форму, оказавшийся графом Сюзор, пригласил всех нас в вагон. Первым поднялся сильно волновавшийся Протасьев; за ним, в егермейстерском зимнем пальто, с краснокрестной повязкой на руке, вошел я. За нами потянулся ряд высших губернских чинов и общественных деятелей, имевших непосредственную связь с врачебно-санитарной организацией. В общем, в небольшой вагонный салон вошло человек восемь и двое или трое из свиты его высочества.

В дальнем углу этого салона стоял, прислонившись к стенке, скрестив на груди руки, довольно высокого роста, крупного телосложения человек, одетый в генерал-адъютантскую, цвета хаки, однобортную тужурку с георгиевским крестом в петличке. Все мы тотчас же догадались, что стоим перед самым принцем. При виде нас он отрывисто бросил:

Принц А.П. Ольденбургский

– Здравствуйте...⁶ Прошу сесть... – и при этом показал на стоявшую вдоль вагонных стен скудную мебель.

Быстро опустившись в свое кресло, его высочество обратился к стоявшему впереди всех Протасьеву, не успевшему даже как полагалось отрапортовать августейшей особе, и, показывая на рядом с ним стоявший стул, еще резче пробурчал:

– Да садитесь же, говорят вам!..

Я подтолкнул растерявшегося Николая Васильевича на указанный стул и сам уселся около него.

[...]

– Я заехал в Самару, – тотчас же обратился принц к нам, – с тем, чтобы предупредить вас как начальника губернии, –

его высочество зорко уставился на близко к нему сидевшего Протасьева, который под этим диктаторским взглядом всем своим большим туловищем качнулся в мою сторону, – вас и весь здешний врачебно-санитарный персонал, что из Закавказья

⁶ Здесь и далее отточия документа.

Свидетельства и документы

началась эвакуация значительных отрядов пленных турок численностью до 40 000 человек, среди которых стала свирепствовать эпидемия тифа и холеры. Главнейшее направление этой отправки намечено по Сызрано-Самаро-Златоустовской магистрали. По пути будет организована фильтрация перевозимых пленных, чтобы отделить больных и разместить их в военных госпиталях, расположенных вдоль железнодорожных линий. Пятую по счету фильтрацию мы с профессором Чистяковым (при этом он указал на профессора) наметили устроить в Самаре. Мне необходимо здесь в срочном порядке организовать помещение для дневной обсервации пересылаемых турецких партий... Имеется у вас такое помещение? – резко обратился принц Ольденбургский с этим вопросом к губернатору...

– Разрешите, Ваше Императорское Высочество, – несмелым голосом промолвил Протасьев, – доложить об общем положении всего врачебно-санитарного дела во вверенной мне губернии и представить на ваше августейшее благовоззрение составленный по сему особый рапорт...

С этими словами Николай Васильевич собирался трясущимися руками раскрыть свой портфель, но его благим намерениям не суждено было осуществиться. Со стороны принца раздался нервный окрик:

– Никаких рапортов мне ваших не нужно, а прошу ответить на мой вопрос – есть у вас то помещение, о котором я спрашиваю?

Наступило мертвое молчание, словно зловещее затишье перед страшной грозой... Доносилось лишь неистовое завывание метели. Мне показалось, что вагон затрясся. На самом деле это было нервное трепетание навалившегося на меня всем своим корпусом несчастного губернатора. Он очутился в самом отчаянном положении, ибо помещения, которого от него требовал принц, в его распоряжении не имелось, а ответить грозному верховному санитарному начальнику словом «нет» Протасьев не решался...

[...] Вдруг у меня блеснула счастливая мысль. Это было нашим чудесным спасением. Пока мы ждали поезда принца, начальник Самаро-Златоустовской железной дороги повел нас с губернатором посмотреть только что выстроенный рядом с вокзалом превосходный и огромный товарный пакгауз, предназначенный для склада и хранения привозимых из Туркестанских краев фруктов.

А.Н. Наумов

Свидетельства и документы

Побуждаемый единственным желанием выйти из положения, оказавшегося не лучше «губернаторского», вернее, для всех скверного, я решился на вторично заданный грозным принцем вопрос дать за губернатора короткий ответ:

– Помещение есть, Ваше Высочество! – при этих словах вздрогнувший и быстро обернувшийся в мою сторону губернатор окончательно меня придавил...

Послушался внушительный голос принца:

– Кто говорит?

Еле выглядывая из-за губернатора, я назвал себя, и, неожиданно для всех, тут же указал его высочеству на нововыстроенный вокзальный пакгауз, как на здание по своему местонахождению и по размерам подходящее для обсервационного пункта.

[...] Его высочество быстро встал, отрывисто бросив в мою сторону:

– Вот это дело!.. Сейчас же покажите мне это помещение!..

Он ушел в свое купе и тотчас же вернулся одетый в военного покроя полушубок, и стал всех торопить идти с ним на осмотр.

[...]

Стремительный осмотр пакгауза при свете электрических фонарей дал самый благоприятный результат. Принц, посоветовавшись со своими сотрудниками, нашел предложенное помещение вполне подходящим, и тут же предложил губернатору приступить к его оборудованию, причем дал совет пустые стены забрать двумя рядами толстого картона. Повеселевший принц сделался неузнаваем, со всеми стал любезно и приветливо беседовать, пересыпая свой отрывистый разговор всевозможными шутками. [...]

В то же время мне удалось о многом порасспросить графа Гудовича. [...] Прощаясь, я умолял Гудовича всячески воздействовать на принца, чтобы заставить его уразуметь всю чудовищность распоряжения о рассылке по всей матушке Руси больных турок, повсеместно заражавших тыловые области.

Позже его высочество, видимо, сам осознал допущенную им ошибку. Он был способен отменять свои собственные распоряжения также стремительно, как их отдавать. Во всяком случае, этот страшный турецкий приток человеческих страданий и людской заразы со временем прекратился, и Самара могла свободнее вздохнуть.

[...]

После отъезда принца началась горячая работа по приспособлению спасительного пакгауза под обсервационный пункт. Приступлено было и к подыскиванию помещений под заразные больницы. Со всем этим надо было спешить, так как в Самару приходило до четырех поездов в день, набитых несчастными пленными.

Свидетельства и документы

№ 3

**Телеграмма начальника самарского отделения
Самарского жандармского полицейского управления железных дорог В.В. Гурьева
командиру Корпуса жандармов В.Ф. Джунковскому
и директору Департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполиту
о распространении эпидемических заболеваний среди пленных турок**

11 января 1915 г.

Среди пленных турок, прибывающих [в] Самару из-под Сарыкамыша, наблюдается большая смертность и заболеваемость желтухой, возвратным тифом и дизентерией на почве истощения и голода. С поезда № 56 в ночь на девятое января [в] Самаре снято больных 4 офицера, 374 нижних чина и 6 нижних чинов умерших. Десятого января [с] поезда № 36 сняты 1 офицер, 180 нижних чинов больных и один умерший. В ночь на одиннадцатое на ст[анции] Батраки до врачебного осмотра с поезда № 38 снято двенадцать умерших нижних чинов и с поезда № 40 один. Санитарные меры по личному указанию его императорского высочества принца Ольденбургского, бывшего [в] Самаре в ночь на одиннадцатое января, принимаются.

Ротмистр Гурьев

ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1265. Л. 4–5. Копия.

№ 4

**Из телеграммы заведующего передвижением войск Казанского района
полковника генерального штаба М.И. Орлова начальнику штаба
Казанского военного округа С.А. Сухомлину о мерах по предотвращению
распространения заболеваний от больных пленных турок**

13 января 1915 г.

Согласно указаниям Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в особом совещании под председательством самарского губернатора выработаны нижеследующие меры для исключения возможности разнесения заразных заболеваний пленными турками. Первое: Самара должна явиться последним восточным этапом, за который не должны проникать больные пленные турки. Второе: для этого все прибывающие поезда подробно осматриваются [в] Самаре врачами для отделения больных от здоровых, после чего больные сдаются [в] лечебные заведения, а здоровые передаются на разъезд Безымянка [в] двенадцати верстах от Самары для обсервации [в] течение двух суток. Третье: после двухсуточного наблюдения необходимо поезда [со] здоровыми пленными турками

Свидетельства и документы

отправлять [в] пункты рассеивания, так как всего количества турок, и здоровых, и больных, город Самара принять не может. Четвертое: одновременно ст[анция] Самара вместе [с] Безымянкой может принять на стоянку не более четырех поездов, почему необходимо, чтобы станция Сызрань, где также имеется обсервационный пункт, не отправляла свыше четырех поездов [с] турками до получения согласия на это [со] ст[анции] Самара. Пятое: пища для эшелонов пленных турок должна готовиться особая: суп из разных круп и черный хлеб заменяется ситным. Шестое: на ст[анции] Самара приспособляется особое помещение для обсервации – фруктовый пакгауз, который может вместить до тысячи человек, однако окончание работ по приспособлению фруктового пакгауза на ст[анции] Самара может последовать не ранее первого февраля. [...] Для варки пищи пленным туркам передвинуть срочно вагоны с котлами закрытого Кинельского пункта на ст[анцию] Самара или р[азъезд] Безымянка, отделить для довольствия турок прочий инвентарь Кинельского пункта и сформировать команду для варки пищи по усмотрению также коменданта станции. [...] Необходимо иметь [в] Самаре сведения, куда отправлять поезда [со] здоровыми турками, окончившими двухсуточную обсервацию, для рассеивания, так как иначе, и город, и ст[анция] Самара через несколько дней окажутся забитыми, последнее вызовет не только остановку [в] приеме санитарных поездов [с] нашими ранеными и больными, но и может очень вредно отразиться на работе ст[анции] Самара, ввиду этого особо важно иметь свободными хотя [бы] часть казарменных помещений на линии жел[езной] дороги к востоку от Самары, переведя для этого часть здоровых военных пленных австрийцев [в] другие селения, предназначающиеся ныне для турок. [...]

Полковник Орлов

ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1265. Л. 26–31. Заверенная копия.

№ 5

Из заметки в газете «Волжское слово» о состоявшемся 16 января 1915 г. заседании Самарской городской думы по вопросу о предотвращении возможности заноса эпидемических заболеваний от эвакуируемых пленных турок

17 января 1915 г.

Вчера продолжалось очередное заседание думы, открывшееся при 28 гласных. Председательствовал городской голова С.Е. Пермяков.

Первоначально была оглашена присланная на имя губернатора, а губернатором переданная в управу (в копии) телеграмма Верховного начальника санитарной и эвакуационной части его императорского высочества принца Александра Петровича

Свидетельства и документы

Ольденбургского с выражением благодарности соответствующим учреждениям гор[ода] Самары за удовлетворительную постановку санитарной и эвакуационной части.

Затем было приступлено к обсуждению вопроса о мероприятиях против возможного заражения городского населения от эвакуируемых пленных турок, в связи с которым городским головой был доложен протокол состоявшегося 15 января совещания гласных с представителями разных учреждений и ведомств.

[...]

При открытии прений по вопросу первое слово берет Н.А. Самойлов, уполномоченный губернского общеземского комитета помощи больным и раненым воинам.

Г[осподин] Самойлов, поддерживая постановление частного совещания, предлагает дать управе полное уполномочие по расходованию денег из городской кассы по устройству и содержанию лазарета для турок впредь до ассигнования денег общеземским и общегородскими союзами.

А.И. Чуркин говорит, что городская касса пуста и поэтому если бы город решил взять на себя содержание лазарета, то дума должна предварительно выяснить следующее обстоятельство. По закону раненые воины и пленные, находящиеся в пути, получают содержание от казны. Поэтому нельзя ли использовать этот закон в том смысле, что осевшие чисто случайно в Самаре пленные турки и должностные, по выздоровлению, следовать до пункта назначения, должны быть обеспечены содержанием за счет казны. В этих целях следует выяснить точку зрения военного начальства на указанный вопрос. Если же окажется, что дело обстоит не так, то пусть общеземский союз возьмет часть временных расходов по оборудованию и содержанию лазарета на себя, раз у него есть деньги.

М.Х. Баишев заявил, что он может по размещению турок работать только в свободное время.

Городской голова. Мы вас выбрали, чтобы через вас удобнее обращаться с турками.

М.Х. Баишев. Для меня что турок, что немец, что австрияк, как воюющая сторона с Россией – враги.

А.А. Шешлов. Мы вас покорнейше просим г[осподин] Баишев; ведь вы можете отлично объясняться с турками.

М.Х. Баишев. Что же я должен объясняться с турками, обходить их помещения? Да у меня самого болят ноги...⁷ я сам больной.

П.П. Подбельский. Вы одной с турками религии.

М.Х. Баишев (прерывая г[осподина] Подбельского). Мне все равно... религия...

⁷ Здесь и далее отточия документа.

Свидетельства и документы

П.П. Подбельский. Вы одной религии...

М.Х. Баишев. Прошу не упоминать о религии.

Г[осподин] Подбельский останавливается.

Голоса: просим, просим г[осподина] Баишева.

Далее возникают прения относительно предоставления управе права расходовать из городской кассы денег на лазарет.

Н.А. Самойлов заявил, что общеземский комитет не имеет полномочий от центрального комитета на расходование денег на содержание турок, но дума может дать полномочия на это управе.

А.И. Чуркин (с места). Но денег дума не может дать.

Е.А. Зубчанинов находит, что дума не может разрешить управе расходовать деньги в неограниченном количестве, т.е. без указания сколько и на какой предмет должен производиться расход.

Е.Т. Кожевников предлагает дать уполномочие управе на расходование денег по содержанию 200 турок.

Н.А. Самойлов. Требуется сейчас на 400 человек.

А.И. Чуркин говорит, что 200 человек должен содержать общеземский комитет.

Н.А. Самойлов (пожимая плечами) опускается на стул.

В итоге дума согласилась с мнением частного совещания гласных об устройстве изоляционного лазарета для больных пленных турок на Дунаевском заводе, поручив управе израсходовать временно на содержание лазарета до 20 000 рублей, при условии возмещения этих расходов городу Всероссийским союзом городов и частью (2 500 руб.) Общеземским союзом.

[...]

Волжское слово. 1915. 17 января. № 13 (2170).

№ 6

Заметка в газете «Волжское слово» о сдаче помещения бывшей пивной № 1 фон Вакано под лазарет для раненых турок

23 января 1915 г.

Владелец помещения бывшей пивной № 1 фон Вакано сдал его губернскому комитету Земского союза под лазарет для раненых турок за плату 532 руб. в месяц.

Лазарет предполагается оборудовать на 200 коек. Ввиду того, что помещение это в настоящее время занято яхт-клубом, комитет обратился к последнему с просьбой в самый кратчайший срок очистить помещение.

Волжское слово. 1915. 23 января. № 18 (2175).

Свидетельства и документы

Пивная Альфреда фон Вакано в г. Самаре, переоборудованная под лазарет для пленных турок

№ 7

Заметки в газете «Волжский день» в разделе «Самара и война»

24 января 1915 г.

«У пленных турок»

Третьего дня в 3-й госпиталь была доставлена партия больных пленных турок. Самому младшему из них 12 лет, старшему далеко за 50.

Над койками висят листы с короткими надписями: «Юсуф», «Ахмет», «Али», «Рисит».

Ни возраста, никаких других сведений нет.

Все лежат с обмотанными в полотенце головами.

При малейшей услуге, оказанной им, они улыбаются, дотрагиваются ладонью до своего лица и говорят что-то. Разобрать можно только слово «Аллах».

Свидетельства и документы

Очевидно говорят, что будут молиться Аллаху или желают милости Аллаха за доброе отношение.

Вчера администрации госпиталя удалось найти санитаря, умеющего свободно говорить по-турецки.

Интересны рассказы турок о тех мытарствах, которые им пришлось испытать у себя на родине.

Энвер-паша распорядился мобилизовать 50 тыс. войска в одном округе. Крестьяне были взяты там, где их застал указ: кто в поле, кто дома, кто в дороге. По объявлении распоряжения о созыве никто уже домой не отпускался. Поэтому все количество «мобилизованных» оказалось, кто в чем был: кто без шапки, кто без обуви, кто без одежды. Это войско было немедленно отправлено для действий против русских.

Результаты не замедлили сказаться: наши поезда не успевают перевозить пленных.

По дороге на позиции некоторым приходилось проводить по 5 суток совершенно без пищи. Остальные дни они питались исключительно сухим хлебом.

Пленные с нескрываем ожесточением отзываются о своем правоверном повелителе и Энвер-паше и с блестящими глазами призывают все беды и напасти на их головы, накликавшие несчастья на родину.

«Размещение пленных турок»

Ввиду возможности заноса эпидемических заболеваний прибывающими пленными турками, в случае размещения их в местных госпиталях и лазаретах, работы по приспособлению для размещения их на Дунаевском заводе ведутся ускоренным темпом.

Кроме жилого помещения бывшей казармы, турками будут заняты солодовня и конюшни.

В последних придется оборудовать печи и прорубить окна, что займет, вероятно, несколько недель.

Бывшие под солодом чаны решено употребить для кипячения извержений больных, которые затем будут сваливаться в овраг.

Доктора Марков и Власов настаивают также на устройстве в этих помещениях электрической вентиляции, т.к. помещения находятся в земле.

Предполагается, что на Дунаевском заводе удастся разместить до 2 000 турок.

Волжский день. 1915. 24 января.

Свидетельства и документы

№ 8

**Письмо самарского губернатора А.В. Протасьева в городскую управу
о созыве чрезвычайного собрания городской думы
по вопросу выделения помещений для прибывающих турок**

24 января 1915 г.

Имея в виду, что среди прибывающих в гор[од] Самару пленных турок наблюдаются заболевания сыпным тифом, является необходимым кроме помещений для больных обеспечить помещения для изоляции и тех здоровых, которые были в соприкосновении с больными. Поэтому предлагаю городской управе созвать не позднее 26 сего января чрезвычайное собрание городской думы для обсуждения вопроса об отводе помещений для пленных турок, как для больных, так и для здоровых.

Губернатор Протасьев

ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1456. Л. 20. Подлинник.

№ 9

**Сообщение в газете «Волжское слово» о заседании
Самарского городского комитета помощи больным и раненым воинам
по вопросу размещения по госпиталям пленных турок**

24 января 1915 г.

Вчера вечером под председательством городского головы С.Е. Пермякова состоялось заседание городского комитета помощи больным и раненым воинам.

На разрешение был поставлен вопрос о размещении по лазаретам и госпиталям 500 пленных турок, третий день находящихся в теплушках при станции железной дороги.

Заведующий 3-м городским госпиталем г[осподин] Елшин сообщил, что среди больных турок, находящихся в госпитале, обнаружено пять случаев заболевания сыпным тифом и 2 подозрительных. Врачебный и служительский персонал переобременен работой, до того много работы дают больные турки. Не желая подвергать риску новых пленных, г[осподи]н Елшин спрашивает: можно ли при этих условиях помещать в госпиталях новых больных?

Врачебный инспектор г[осподин] Дьяченко отвечает положительно, но до приема больных рекомендуется производить дезинфекцию.

Свидетельства и документы

Гласный думы М.Х. Баишев описывает тяжелое положение больных пленных турок, находящихся в помещении б[ывшего] Дунаевского завода. Нет воздуха. Некоторые умирают.

Городской голова указывает, что Самара ожидала всего 1 600 пленных, но на самом деле их эвакуировано значительно больше.

Постановлено заполнить пленными турками свободные места в некоторых лазаретах и обратиться по телеграфу через московского городского голову с ходатайством к его высочеству принцу Ольденбургскому о приостановке эвакуации пленных турок в Самару и просить думу аналогичное ходатайство возбудить от имени городского общественного управления.

Волжское слово. 1915. 24 января. № 19 (2176).

№ 10

**Телеграмма самарского городского головы С.Е. Пермякова
Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части
принцу А.П. Ольденбургскому с просьбой приостановить отправку
военнопленных турок в Самару**

24 января 1915 г.

Во всех самарских лазаретах, которые могли быть отведены и устроены под больных турок при полном напряжении возможно поместить 2 300 человек. В этих лазаретах уже помещено 2 161 больных турок, на станции в вагонах находится до 500 больных, из них возможно разместить 150, а 350 человек остаются в вагонах за неимением помещения, которое скоро невозможно найти. На станции имеется еще 2 неосмотренных эшелона. У турок появился сыпной и возвратный тиф, давший уже заболевания среди медицинского персонала лазаретов, и угрожающий большою опасностью всему городскому населению и особенно войскам ввиду значительного сосредоточения их в Самаре и скученного размещения по городу в частных помещениях и учебных заведениях. Медицинский персонал лазаретов выбивается из сил, на смену врачей и фельдшеров нет. За день, 23 января обнаружено 18 сыпнотифозных. Все это вынуждает всепреданнейше ходатайствовать перед Вашим Императорским Высочеством о приостановке отправки турок в Самару.

Городской голова

ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1456. Л. 44. Копия.

№ 11

**Сообщения в газете «Волжское слово» о создании новых лазаретов
для пленных турок**

25 января 1915 г.

Губернский комитет Земского союза приступил к оборудованию восемнадцатого лазарета в помещении бывшей пивной № 1⁸.

Заведующим лазаретом назначен Н.В. Рыбаков, старшим врачом Н.К. Халтурин.

Помещение бывшего загородного ресторана «Яр» снято губернским комитетом Земского союза под лазарет для пленных турок.

Волжское слово. 1915. 25 января. № 20 (2177).

№ 12

**Из доклада Самарской городской управы городской думе о переписке
самарского губернатора с высшими военными чинами о возможности
приостановить отправку военнопленных турок в Самару**

26 января 1915 г.

[...] Губернатором получен следующий ответ от Его Высочества: «Нельзя остановить движения пленных, которых осталось уже немного. Предписал Пензенскому губернатору в пределах возможности задерживать больных пленных в его районе. Принц Александр Ольденбургский».

Затем г[осподином] губернатором 25 января из Казани была получена следующая телеграмма: «Сделано распоряжение к немедленному изысканию способов приостановить на две недели отправления в Самару пленных турок. Поспеев».

Кроме того, сегодня г[осподином] губернатором от командующего Казанским военным округом получена телеграмма следующего содержания: «В силу повеления Его Высочества надлежит снимать с поездов только больных турок, здоровых по окончании обсервации отправлять в Сибирь. Приостановить движение поездов утвержденное свыше нельзя. Доношу Его Высочеству. По-видимому, [в] Самаре излишне преувеличивается число подозрительных и продолжительность обсервации. Если это верно, надлежит восстановить точное выполнение повеления. Гейсман».

⁸ См. док. № 6.

Свидетельства и документы

Тем не менее, г[осподин] губернатор предложил созвать сегодня чрезвычайное заседание думы для обсуждения вопроса об отводе помещений для пленных турок. [...]

В настоящее время в Самаре размещено 3 000 военнопленных турок и будут поступать новые партии. [...]

ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1456. Л. 21–22. Копия.

№ 13

Из выписки из журнала заседаний Самарской городской думы о постройке барачков для больных турок

28 января 1915 г.

[...] Гласный [Челышов] предлагает в интересах охранения здоровья жителей города и во избежание лишних расходов по размещению больных турок в разных частях города и развозки их по всему городу, немедленно построить за городом деревянные барачки, куда и поместить всех больных турок.

Особенно большого расхода со стороны города постройка таких барачков не вызовет, так как лес впоследствии может быть употреблен на другие постройки. Дальше гласный указывает, что постройка барачков легкого типа необходима на случай появления какой-либо заразной болезни среди пленных, а это возможно, так как на все 800-верстном протяжении фронта все населения разорены и питаются нечем. [...]

ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1433. Л. 138. Копия.

№ 14

Заметка в газете «Волжское слово» о просьбе Самарского губернского земского комитета принять на счет Земского союза расход на оборудование лазарета для больных турок

5 февраля 1915 г.

Губернский земский комитет сообщил главному комитету, что на совещании с представителями ведомств и членов Городского союза выяснилась необходимость иметь кроме изоляционного сортировочного пункта на 10 000⁹ военнопленных турок еще больницу на 1 600 мест для заразных турок, снимаемых в Самаре с поездов. Из

⁹ Так в документе. Должно быть – на 1000.

Свидетельства и документы

них 840 мест падает на военные лазареты, остальные на лазареты Земского и Городского союзов.

Ввиду необходимости изолировать лазареты, в которых помещаются больные турки, от соприкосновения с жителями города, необходимо оборудовать соответствующее помещение еще на 400 больных турок.

Поэтому комитет просит принять на счет Земского союза расход на оборудование этого лазарета по расчету стоимости оборудования каждой койки по 50 руб. и содержания ее в среднем по 25 руб. в месяц.

Волжское слово. 1915. 5 февраля. № 26 (2183).

№ 15

Из заметки в газете «Волжское слово» об открытии сортировочно-пропускного пункта и изоляционного лазарета для военнопленных турок в задании фруктового пакгауза при станции Самара

7 февраля 1915 г.

Вчера состоялось открытие сортировочно-пропускного пункта и изоляционного лазарета в помещении фруктового пакгауза на товарном дворе при ст[анции] Самара.

На открытии присутствовали: вице-губернатор князь С.В. Горчаков, весь состав губернской земской управы, представители губернского комитета Земского союза, заведующие и старшие врачи земских лазаретов, представители Сам[аро]-Зл[атоустовской] жел[езной] дор[оги] и мн[огие] др[угие].

В 3 часа дня был отслужен молебен.

[...]

На освящении был оглашен текст следующей телеграммы, полученной от Верховного начальника санитарной и эвакуационной части его императорского высочества принца А.П. Ольденбургского: «Благодарю за быстрое оборудование пакгауза под сортировочно-пропускной пункт для военнопленных турок. Очень ценю постоянную энергичную работу самарских деятелей. Принц Александр Ольденбургский».

Приветствие это являлось ответом на следующую телеграмму, посланную губернским комитетом, накануне освящения лазарета:

«Во исполнение лично выраженной Вашим Императорским Высочеством 11 января сего года воли здание фруктового пакгауза при станции «Самара» ныне самарским губернским комитетом Земского союза закончено оборудованием под сортировочно-пропускной пункт для военнопленных турок на 1 000 человек с

Свидетельства и документы

койками при нем для временного размещения больных, и на 6 февраля в 3 часа дня назначено молебствие по случаю его открытия.

О вышеизложенном губернский комитет Всероссийского земского союза примет смелость довести.

Вашего императорского высочества всепреданный уполномоченный Земского союза Самойлов».

После молебствия князь С.В. Горчаков осматривал приспособления лазарета и палату для заразно-больных турок. Объяснения давали Н.А. Самойлов и Н.В. Рыбаков.

Помещение пакгауза по повелению Верховного начальника¹⁰ начали приспособлять под лазарет на средства, отпущенные главным комитетом Земского союза 15 января и закончили [с] оборудованием 5 февраля.

Волжское слово. 1915. 7 февраля. № 28 (2185).

№ 16

Сообщение в газете «Волжское слово» о заболевании тифом среди медицинских работников

8 февраля 1915 г.

Помимо скончавшегося от сыпного тифа врача И.Г. Месяцева, заболели тифом врач А.Е. Тимонтаев, женщина-врач г[оспо]жа Лесигардт, 2 фельдшерицы, несколько сестер милосердия и служащих.

Волжское слово. 1915. 8 февраля. № 29 (2186).

№ 17

Из заметки в газете «Волжское слово» о похоронах скончавшегося от сыпного тифа врача И.Г. Месяцева

10 февраля 1915 г.

Вчера на Всехсвятском кладбище состоялись похороны скончавшегося от сыпного тифа думского врача И.Г. Месяцева.

[...]

Вся деятельность И.Г. [Месяцева] проходила исключительно в окраинах города. Состоя в 10-м участке, он проживал в поселке Новый Оренбург, а по должности 7-го участка – в Солдатской слободке. Врачебная практика И.Г. [Месяцева] среди бедного

¹⁰ Принца А.П. Ольденбургского.

Свидетельства и документы

окраинного населения не давала ему ничего кроме ограниченного жалования, из которого ему самому нередко приходилось помогать своим бедным пациентам.

В результате семья покойного, состоящая из жены и семерых детей, осталась без всяких средств к жизни.

Похороны были устроены на средства города.

[...]

Волжское слово. 1915. 10 февраля. № 30 (2187).

№ 18

Заметка в газете «Волжское слово» о совещании по вопросу о борьбе с возникшими заразными заболеваниями

10 февраля 1915 г.

7 и 8 января¹¹ в помещении губернской земской управы состоялось совещание старших врачей местных лазаретов совместно с членами городской и земской управы, гласными, заведующими лазаретами и военными врачами.

На совещании обсуждался вопрос о борьбе с возникшими заразными заболеваниями. Указывалось, что оборудованный на бывшем Дунаевском заводе госпиталь не отвечает тем медицинским требованиям, которые необходимы для изоляционного пункта острозаразных больных. Врачебный персонал госпиталя очутился в невозможно тяжелых условиях.

Было выяснено, что и в других госпиталях, где помещаются заразные больные, имеются дефекты.

На собрании раздавались упреки по адресу городской управы, которая, по мнению врачей, сделала неудачный выбор, избрав Дунаевский завод помещением для турок.

Члены управы в свое оправдание говорили, что в городе нет иных подходящих помещений и что в краткий срок не было возможности оборудовать надлежащего помещения. В недалеком будущем они обещали Дунаевский завод вполне приспособить.

Собранием было признано, что Дунаевский завод в настоящем его виде совершенно не пригоден для помещения в нем заразно-больных.

Решено эвакуировать оттуда больных турок и предложить городской управе озаботиться устройством нового госпиталя.

¹¹ Так в документе. Должно быть – февраля.

Свидетельства и документы

Губернскому комитету совещание предложило оборудовать специальный лазарет для больных возвратным тифом.

Постановлено помещение 15-го земского лазарета отвести для больных медицинского и служительского персонала лазаретов.

Принято предложение врача Е.Л. Кавецкого об изоляции низшего и среднего медицинского персонала, обслуживающего госпитали с тифозными больными. Для фельдшеров и фельдшериц, которые по семейным обстоятельствам не могут быть изолированы, решено нанять специальное помещение. Окончательное разрешение этого вопроса передано особой врачебной комиссии.

Избрана особая комиссия для использования новой дезинфекционной камеры, которая начнет функционировать сегодня.

На собрании было выяснено, что на станции «Безымянка» устроен наблюдательный пункт для выздоровевших турок, в котором они содержатся под карантином в течение 10 дней.

Волжское слово. 1915. 10 февраля. № 30 (2187).

№ 19

**Сведения о числе умерших на станциях Самара и Батраки военнопленных турок
в период с 3 января по 10 февраля 1915 г.**

11 февраля 1915 г.

На станции Самара:

8/1 [в] поезде № 56 – 6 человек.

9/1 [в] поезде № 38 – 8 человек.

10/1 [в] поезде № 36 – 1 человек.

11/1 [в] поезде № 38 – 11 человек, 12/1 – 5 чел[овек], 14/1 – 5 чел[овек], 15/1 – 2 чел[овека], 16/1 – ...¹² чел[овек].

12/1 [в] поезде № 32 – 8 чел[овек], 13/1 – 3 чел[овека], 14/1 – 4 чел[овека], 15/1 – 1 чел[овек], 16/1 – 1 чел[овек], 17/1 – 1 чел[овек], 18/1 – 4 чел[овека], 23/1 – 6 чел[овек], 24/1 – 4 чел[овека], 25/1 – 3 чел[овека] и 26/1 – 3 человека.

13/1 [в] поезде № 120 – 21 чел[овек], 14/1 – 5 чел[овек], 15/1 – 10 чел[овек], 16/1 – 8 чел[овек], 17/1 – 8 чел[овек], 18/1 – 3 чел[овека], 19/1 – 17 чел[овек] и 1/1 – 2 человека.

¹² Цифра в документе отсутствует.

Свидетельства и документы

13/І [в] поезде № 128 – 2 чел[овека], 15/І – 1 чел[овек], 16/І – 3 чел[овека] и 19/І – 12 человек.

20/І [в] поезде № 32 – 2 чел[овека] и 21/І – 9 человек.

18/І [в] поезде № 56 – 1 человек.

18/І [в] поезде № 58 – 2 чел[овека] и 20/І – 5 человек.

20/І [в] поезде № 138 – 4 чел[овека] и 21/І – 6 человек.

21/І [в] поезде № 32 – 1 человек.

На станции Батраки:

10/І [в] поезде № 38 – 13 человек и 11/І [в] поезде № 40 – 9 человек.

ЦГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 399. Л. 66–66 об. Копия.

№ 20

**Заметка в газете «Волжское слово» о состоянии дел с медицинским персоналом
в городе Самаре в связи с распространением эпидемии тифа**

11 февраля 1915 г.

Ввиду распространившейся в городе эпидемии тифа стал ощущаться недостаток во врачах, в связи с чем по поручению городской управы заведующий городским врачебно-санитарным отделом А.П. Матульский вошел в переговоры с вольнопрактикующими в городе врачами относительно временного поступления их на городскую службу по борьбе с тифозной эпидемией. Затем отправившийся в Москву для участия на съезде городских представителей П.Л. Кузьмин уполномочен пригласить 25 врачей и студентов и 50 фельдшеров и фельдшерлиц.

Городская эпидемическая больница переполнена заразными больными, и врачебный персонал затрудняется принимать в больницу новых больных. Вследствие этого городская управа сделала распоряжение о спешном приступе к работам по ремонту свободного барака при больнице, где может быть размещено до 40 больных.

На предмет усиления врачебного персонала больницы управа разрешила пригласить нескольких фельдшеров и фельдшерлиц.

В данное время на службе у города имеется 15 эпидемических врачей вместо служащих в обычное время 25 врачей.

Волжское слово. 1915. 11 февраля. № 31 (2188).

Свидетельства и документы

№ 21

**Из сообщения в газете «Волжское слово» о заседании строительной комиссии
по вопросу о перестройке Дунаевского завода под лазарет
для больных военнопленных турок**

11 февраля 1915 г.

Вчера под председательством П.Ф. Шишкина проходило заседание строительной комиссии.

Первоначально обсуждался вопрос о приобретении жилого дома Сидоровых для приспособления его под квартиры служительского персонала лазарета при Дунаевском пивоваренном заводе.

Выяснено, что г[оспода] Сидоровы назначили за дом 4 000 рублей.

Постановлено вопрос этот передать в городскую думу.

Затем решено приспособить верхнюю часть солодовенного отделения Дунаевского завода под лазарет для больных турок, для чего сделать деревянную надстройку над солодовней.

В зданиях лазаретов при Дунаевском заводе решено провести канализацию из бань Корчагина.

[...]

Волжское слово. 1915. 11 февраля. № 31 (2188).

№ 22

**Из журнала заседания Самарской городской думы о размещении больных
военнопленных турок и об организации новых лечебных учреждений в Самаре**

11–13 февраля 1915 г.

[...] Врач Матульский сообщил [...], Городским союзом и Земским намечены следующие меры:

1) Для размещения турок отданы 3-й городской госпиталь, Дунаевский завод, земские лазареты № 2 и № 5, Шаховские казармы намечены под лазарет для сыпного и возвратного тифов. Земский лазарет № 15 (Торговая школа) предназначен под заболевших сыпным тифом медицинский персонал. Городским союзом предполагаются к постройке эпидемическая больница постоянного типа и бараки легкого типа для заразных больных. [...]

2) Открыта дезинфекционная камера (котлы завода Ротман), удовлетворяющая все лечебные заведения города Самары.

[...]

ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1456. Л. 29. Подлинник.

Свидетельства и документы

№ 23

**Сообщение в газете «Волжское слово» о заболевании последнего врача
эпидемического лазарета при Дунаевском заводе**

13 февраля 1915 г.

Вчера заболел последний врач эпидемического лазарета при Дунаевском заводе г[осподин] Кривцов. Род болезни пока еще не распознан.

Волжское слово. 1915. 13 февраля. № 33 (2190).

№ 24

**Из заметки в газете «Волжское слово» о заседании Самарской городской думы
по вопросу о принятии мер по борьбе с эпидемией тифа**

14 февраля 1915 г.

Вчера под председательством В.П. Ушакова продолжилось очередное заседание городской думы при наличии 20 гласных.

Был рассмотрен вопрос о принятии мер борьбы против распространения эпидемии тифа.

Из доклада управы видно, что вчера состоялось совещание у губернатора по вопросу о принятии мер борьбы против распространения эпидемических болезней и по вопросу об открытии городом эпидемических больниц.

В совещании выяснилось, что после эвакуации в Самару турок, среди которых обнаружилось заболевание разными формами тифа и дизентерией, эпидемии распространились и среди населения города.

За все время в Самаре заболело заразными болезнями (тиф и дизентерия) 2 083 и умерло за это время 764 человека, причем обнаруживаются серьезные заболевания среди медицинского персонала. Поэтому признано безотлагательным кроме наличных больниц, городской эпидемической и земского союза, на 150 кроватей, иметь еще в самом непродолжительном времени городскую больницу для заболевших сыпным тифом на 300–400 кроватей.

В совещании было указано как на подходящие помещения на духовное училище и на церковно-учительскую школу за чертой города. Но чтобы занять то или другое здание, необходимо их приспособить.

На все приспособления, отвод помещений, содержание медицинского персонала и больных потребуется очень большая сумма – необходимо открыть кредит до 50 000 рублей.

Свидетельства и документы

Доклад этот думой принят и постановлено ассигновать 50 тысяч на указанные потребности.

[...]

Волжское слово. 1915. 14 февраля. № 34 (2191).

№ 25

Сообщение в газете «Волжское слово» о приглашении военнопленного врача, турецкого подданного, для работы в лазарете, где помещены военнопленные турки

21 февраля 1915 г.

Исполнительная комиссия губернского комитета Земского союза в виду больших заслуг военнопленного врача грека, турецкого подданного, Аристидиса Триглианоса постановила пригласить его врачом в один из лазаретов, где помещаются военнопленные больные турки.

Врачу назначено вознаграждение в размере 60 руб. в месяц.

Волжское слово. 1915. 21 февраля. № 40 (2197).

№ 26

Сообщение в газете «Волжское слово» о ходатайстве мусульманского духовенства об установке телефонов для оптимизации работы с пленными турками

25 февраля 1915 г.

Самарское мусульманское духовенство тратит много времени на напутствие больных и погребение умерших военнопленных турок¹³. Чтобы избежать непроизводительной траты времени и денег на извозчиков духовенство обратилось к губернскому комитету¹⁴ с просьбой поставить телефоны на квартирах ахуна¹⁵ и муллы и в сторожках мусульманского кладбища.

Губернским комитетом просьба эта отклонена.

Волжское слово. 1915. 25 февраля. № 43 (2200).

¹³ В ЦГАСО хранятся 2 дела со списками умерших турок (всего 1 095 имен), захороненных в соответствии с религиозным обрядом. (Ф. 32. Оп. 33. Д. 545, 547).

¹⁴ Всероссийского земского союза.

¹⁵ Старший мулла.

№ 27

Из интервью сотрудника газеты «Волжское слово» с заведующим Самарским городским врачебно-санитарным отделом А.В. Матульским

25 февраля 1915 г.

Вчера наш сотрудник беседовал с заведующим городским врачебно-санитарным отделом А.В. Матульским о вспыхнувшей в Самаре эпидемии сыпного тифа.

Как известно, в последние дни эпидемия сыпного тифа стала в значительной степени ослабевать.

На вопрос сотрудника, чем можно объяснить наблюдаемое падение эпидемии тифа, г[осподин] Матульский ответил, что это объясняется, во-первых, прекращением присылки в Самару новых партий турок, через которых к нам проник тиф всех форм и дизентерия и, во-вторых, тем, что эпидемию удалось локализовать принятыми мерами изоляции больных.

– Следует ли опасаться, что эпидемия может усилиться вновь, в особенности с наступлением весны?

На этот вопрос г[осподин] Матульский заявил следующее.

– Хотя сейчас кривая эпидемии и упала, но это еще не значит, что она не может возвратиться к своему первоначальному положению и принять более широкие размеры.

Как я уже сказал, появление тифа в Самаре стоит в непосредственной связи с эвакуацией турок. Поэтому, если не будет возобновлена присылка турок, то усиление эпидемии едва ли произойдет, тем более что сейчас наблюдаются лишь частичные заболевания.

Но в то же время нельзя ручаться за то, что тиф не будет заноситься в Самару пленными германцами и австрийцами в случае массовой их эвакуации в Самару. Этого обстоятельства нельзя упускать из виду.

Если же опасения эти не оправдаются, то едва ли эпидемия может развиваться с наступлением весны, так как в Самаре наблюдается, что эпидемия сыпного тифа к лету обычно стихает.

Что же касается мероприятий, намеченных по борьбе с тифом, то они обязательно должны быть проведены в жизнь на случай нового заноса эпидемии в Самару.

Теперь у нас кроме городской эпидемической больницы устраивается лазарет для тифозных в здании духовного училища, имеется лазарет на Дунаевском заводе и кроме того будет скоро приступлено к постройке временного эпидемического барака около этого завода на средства Всероссийского союза городов.

Свидетельства и документы

При наличии всех этих лазаретов могут выполняться и более успешные меры изоляции больных.

[...]

Волжское слово. 1915. 25 февраля. № 43 (2200).

№ 28

Заметка в газете «Волжское слово» о злоупотреблениях в отношении пленных турок, допускаемых служителями земского лазарета

13 марта 1915 г.

Губернский земский комитет уведомил губернатора, что при отправке из земского лазарета выздоравливающих турок на одном из них был одет старый пиджак вместо нового, выданного администрацией лазарета.

По расследовании обнаружено, что случай этот не единичный, так у служителей лазарета Михаила Косырева, Петра Семенова, Николая Панина, Ивана Зверева, Ивана Онучина и Никитдина Камалетдинова под матрацами их коек были найдены новые пиджаки, выданные военнопленным.

На вопрос, каким образом к ним попали пиджаки, предназначенные туркам, указанные лица объяснили, что пиджаки они выменяли по добровольному соглашению с военнопленными турками с доплатой разных сумм.

Губернатор, признав, что подобного рода деяния нарушают обязательные постановления, на основании чрезвычайной охраны подверг всех названных лиц аресту при полиции на 7 дней.

Волжское слово. 1915. 13 марта. № 57 (2214).

№ 29

Сообщение в газете «Волжское слово» о разрешении использовать врача турецкой армии Триглианоса в одном из местных лазаретов¹⁶

19 марта 1915 г.

Губернатор уведомил губернский комитет Всероссийского земского союза о том, что с его стороны и со стороны военного ведомства не встречается препятствий к допущению врача турецкой армии Триглианоса к обязанностям врача в одном из местных лазаретов.

Волжское слово. 1915. 19 марта. № 62 (2219).

¹⁶ См. док. № 25.

№ 30

Из воспоминаний А.Г. Елшина¹⁷ о работе госпиталей в Самаре

[...]

Лично моя работа сосредоточилась по Городскому союзу: я стал членом обл[астного] комитета, и оборудовал 3-й госпиталь на углу Троицкой и ул. Толстого и в то же время был заведующим. Работа по госпиталю шла усиленно: я привлек к тому же ряд знакомых дам, сам ежедневно бывал там по нескольку часов. [...]

В начале января 1915 г. я съездил в Саратов [...], кажется на 10 янв[аря]. И, [неразб.], на обратном пути я узнаю, что движутся с Кавказа, направляясь в Сибирь, эшелоны пленных турок, взятых главным образом в бою под Саракамышем. Везут, по рассказам железнодорожников, в ужасном виде: больные дизентерией, тифами, умирают, загрязняют пути, необутые, изможденные. Рассказывали прямо ужасы. Впоследствии все это не только подтвердилось: в действительности ужасы оказались большими, чем о них рассказывали.

По приезду в Самару пришлось почти тут же выйти в самую гущу вопроса о военнопленных, несших с собою различные эпидемии.

Помнится, было устроено совещание в гор[одской] управе; на этом совещании уже поднимался вопрос о занятии моего госпиталя бандитами-турками. Я протестовал. И это удалось. Было решено в первую очередь занимать Дунаевский бывший завод.

Конечно, спешно принялись за флигели завода и самое заводское здание и [наметили] поставить койки.

Но еще ничего не было готово, как стало известно, что к вечеру 18–19 окт[ября] приедут на завод турки. Флигеля лишь протопили и полы постелили соломой.

Я видел и принимал эту партию. Большинство было без верхней одежды, многие без обуви; а один даже без панталон – в одной рубашке. Их привозили на наших разводках озябшими и голодными; многие были с отмороженными конечностями, были больные. В этот вечер я распорядился привезти в больших бидонах кипяченое молоко, кружки были уже закуплены. Имелось кое-что из белья и одеяла; я распорядился раздать кому панталоны, кому рубашку, кому туфли, кому одеяла. При мне раздавали еще теплое молоко с калачом.

Много было серьезно больных, и даже не все хотели или могли есть. Впрочем, молоко пили с удовольствием.

¹⁷ Елшин Александр Григорьевич (1878–1928) – присяжный поверенный, член Самарского отделения партии конституционных демократов, краевед. Воспоминания написаны в апреле–мае 1918 г.

Свидетельства и документы

С сегодняшнего дня из 3-го госпиталя привозили обеды – только горячее и молоко.

Через 1–2 дня была оборудована¹⁸ медицинская помощь: врачом там назначен был доктор Месяцев, вскоре заразившийся сыпным тифом и умерший¹⁹ в то время, когда я уже был болен.

Вскоре Дунаевский госпиталь оказался перенаселенным, а на станции стояли составы с больными турками.

Решено было занять ими 15-й лазарет Земского союза, его заведующим был Ярослав Сахаров; и вскоре заняли и мой госпиталь, хотя я очень сильно воевал против этого.

Числа 22 января 1915 г. я принимал у себя 17-ю партию больных турок. Из медицинского персонала при этом участвовала лишь фельдшерица Пушистова и 2–3 сестры милосердия. Санитары некоторые тут же уволились, привезенных турок пришлось мыть в ваннах сестрам милосердия. Стриг их китаец – швейцар. Одним словом, если бы не самоотверженность некоторых из персонала госпиталь оказался бы не в состоянии провести прием загрязненных, голодных и больных турок.

Врачи осматривали больных лишь вечером – когда все турки чистые, одетые попали на койки.

[...]

ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 1-2. Подлинник.

№ 31

Из статьи «Организация госпитальной сети в Самарской губернии» в журнале «Вестник Красного Креста» об оказании медицинской помощи пленным туркам

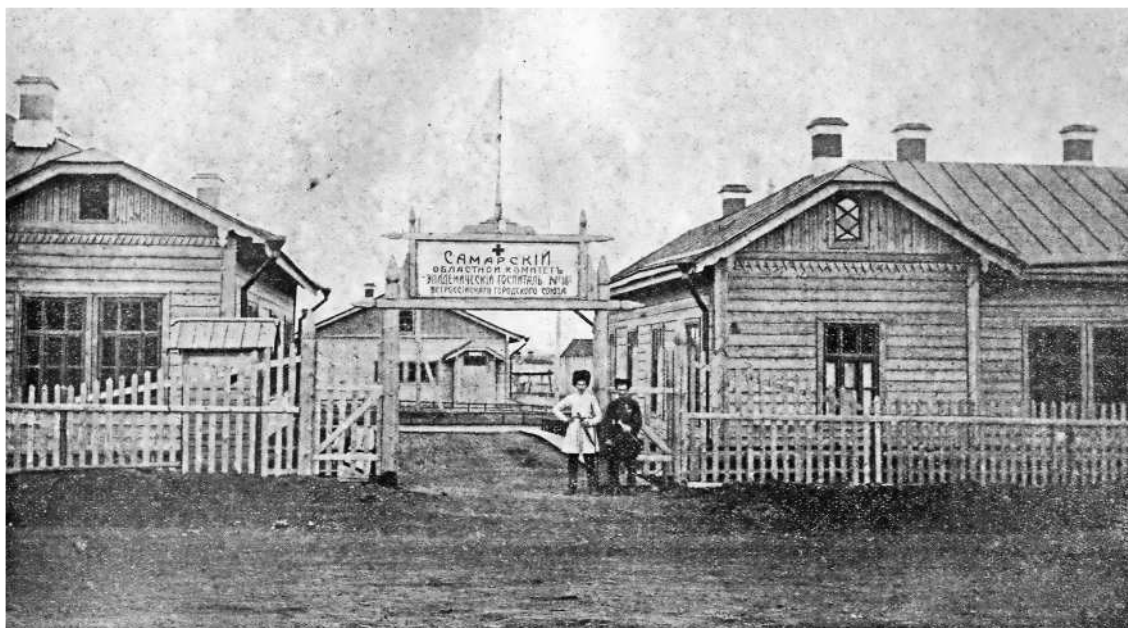
сентябрь 1915 г.

В начале января [1915 г.] перед губернским комитетом [Земского союза] выдвинулась задача противоэпидемических мероприятий, так как среди эвакуированных в Самару турок оказались больные сыпным тифом. Первые дни турки размещались по военным госпиталям, а затем был открыт городским комитетом лазарет на 35 человек. Далее для турок были отведены лазареты Земского союза сначала на 230 коек, потом на 350 коек и еще на 230 коек. Для той же цели Городским союзом отведен был госпиталь на 209 коек.

¹⁸ Так в документе.

¹⁹ См. док. № 17.

Свидетельства и документы

Самарский эпидемический госпиталь № 18 Всероссийского союза городов

Когда была установлена наличность среди турок тифозных заболеваний и цереброспинального менингита и, кроме того, бактериологическим путем констатированы брюшной и возвратный тифы, лазарет Городского союза был приспособлен для сыпнотифозных. Сыпнотифозных турок принимали и военные лазареты. Из земских лазаретов были отведены один – для больных возвратным тифом, другой – для заболевшего сыпным тифом врачебного персонала всех организаций города Самары.

На состоявшемся в Самаре 11 января совещании по вопросам эвакуации пленных турок было выражено пожелание о приспособлении здания фруктового пакгауза на ст[анции] Самара под приемочно-сортировочный пункт для военнопленных турок. С 15 января губернский комитет приступил к оборудованию указанного здания. Оборудование пункта было закончено 4 февраля и 6 состоялось открытие. Тогда же было приступлено к организации медицинской части в лазарете для сыпнотифозных при изоляционно-пропускном пункте.

С начала эпидемии губернским комитетом было организовано бактериологическое бюро с врачом-бактериологом и фельдшером и дезинфекционная камера с фельдшерами-дезинфекторами. Камера эта является одной из крупнейших в России. Комитет арендует с 1 февраля до окончания войны силикатный завод под Самарой. [...]

Вестник Красного Креста. 1915. № 7. С. 3075–3076.

№ 32

**Из «Исторического очерка деятельности Самарского областного комитета помощи больным и раненым воинам за время по 1 января 1916 года»
о мерах по борьбе с распространением эпидемических заболеваний**

[...] Январь 1915 года явился поворотным моментом в деятельности Областного комитета. Нежданное наполнение Самары в январе военнопленными турками расстроило все планы комитета, выбило его из нормальных условий работы и направило деятельность его в другую сторону, в сторону борьбы с эпидемией. [...]

Первые партии пленных турок прибыли в Самару в первой половине января 1915 г. и размещались в 94, 95 и 96 военных госпиталях. Еще 11 января в этом не было ничего угрожающего. По крайней мере 11 января 1915 г. самарским губернатором была получена следующая телеграмма от его императорского высочества принца Ольденбургского: «Из посещения Самары вынес отрадное впечатление. Город по своей энергичной деятельности относительно подготовки к санитарным требованиям военного времени может служить примером. Сообщите об успехе ваших усилий в этом святом, великом и человеколюбивом деле всем организациям, учреждениям и лицам, принимавшим в нем высокопатриотическое участие. Принц Александр Ольденбургский».

Но всего через несколько дней после этого общественные организации забили уже тревогу о надвигающейся опасности. Турки перевозились по городу без достаточных мер предосторожности, а, между тем, среди них появились какие-то подозрительные заболевания. Все три военных госпиталя были заполнены, а новые партии турок все прибывали и прибывали. За отсутствием свободных помещений для них, они находились на станции железной дороги в переполненных вагонах. Железнодорожная администрация, опасаясь закупорки станции, требовала скорейшего освобождения вагонов, а помещений не было, так как все более или менее подходящие здания были заняты или под лазареты для раненых, или под постой воинских частей. Губернатор настаивал на отводе под турок некоторых лазаретов. Тяжело было отводить для наших врагов лазареты с таким трудом и заботливостью приготовленные для наших защитников. Кроме того и не безопасно было размещать в центре города людей с невыясненной болезнью. 15 января состоялось [...] соединенное совещание Городского и Земского комитета помощи больным и раненым воинам. [...] Совещание нашло возможным занять под турок помещения бывшего Дунаевского завода. [...]

Однако средств на лечение и содержание турок в распоряжении комитетов Городского и Земского союзов не имелось. [...]

Свидетельства и документы

16 января в городской думе и обсуждался этот вопрос [...], [Дума] постановила: 1) для помещения больных турок отвести здание бывшего Дунаевского завода, 2) разрешить управе впредь до отпуска необходимых средств Всероссийским городским и земским союзами или казной, производить расходы по приспособлению и оборудованию помещений для больных турок и по содержанию их из общих городских средств до 20 000 руб. [...]

16 января пришлось занять уже эти помещения [...], так как на вокзале в вагонах находилось свыше 300 турок. [...] Здесь уместно будет сказать несколько слов о тех условиях, в которых прибывали пленные турки в Самару. До последней степени переполненные вагоны закрывались на местах отправления на замки и в таком виде следовали до своего места назначения в течении нескольких дней, иногда недели и более. Заключение в вагоны были предоставлены самим себе, им не оказывалось ни продовольственной, ни медицинской помощи. [...] По прибытии вагона в него нельзя было войти вследствие крайне спертого в нем и прямо удушливого воздуха. [...] Полуодетые, изнуренные голодом, больные, покрытые паразитами, они едва проявляли признаки жизни.

Этот эпидемический материал и развозился по России в январе 1915 года. [...] К 13 февраля, т.е. всего за 3 недели, заболело тифом и дизентерией 2 038 человек, умерло 764 человека. Общая смертность составляла 36%, по отдельным инфекциям она повышалась до 64% (сыпной тиф) и 55% (брюшной тиф). [...] Не обошлось без обращения к содействию Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, от которого губернатором была получена следующая телеграмма: «Энергично поддерживаю перед обер-прокурором ходатайство Подбельского²⁰ об уступке Духовного училища под госпиталь. Еду на Кавказ и принимаю решительные меры для прекращения ввоза с Кавказа пленных, каковой делается без моего ведома. [...]».

[...] К началу марта 1915 года Комитетом было приготовлено уже около 1 000 коек для заразно-больных, точнее 988 коек (15-й госп[италь] – 353, 16-й – 310, 17-й – 120, 3-й – 170, 14-й – 35)²¹. [...]

Приведем данные о числе поступивших на излечение больных турок за 1915 год или точнее за январь–апрель 1915 года:

²⁰ Подбельский Петр Павлович – гласный Самарской городской думы, присяжный поверенный.

²¹ 1 марта хирургический госпиталь Жигулевского пивоваренного завода был переоборудован под эпидемический (до 44 коек), 2 марта в здании Духовного училища был открыт временный 16-й эпидемический госпиталь на 310 коек, 9 марта – 17-й эпидемический госпиталь на 120 коек в 5-м земском лазарете, 13 июля – 18-й эпидемический госпиталь во вновь выстроенном здании вместимостью до 250 коек.

Свидетельства и документы

	Поступило на излечение	Умерло
В госпитали Военного ведомства	2 116	669
« Земского союза	800	204
« Городского союза	938	200
ИТОГО	3 854	1 073

Турки болели главным образом тифом сыпным, брюшным, возвратным и неопределенным, и, кроме того, дизентерией.

[...]

Исторический очерк деятельности Самарского областного комитета помощи больным и раненым воинам за время по 1 января 1916 года. Составлен по поручению Комитета членом комитета Н.Ф. Николаевским. Типография И.А. Пинес. Самара, 1917. С. 32–67.

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ БАЙДЮКОВ: ПИСЬМА С ФРОНТА

Подготовка публикации:

Малкова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, зам. директора по науке, Самарская областная универсальная научная библиотека

В последнее время все более возрастает интерес к изучению персональной истории, важнейшим источником для изучения которой являются семейные архивы – письма, документы, фотографии и др.

В нашей семье хранится архив моего дяди по материнской линии Байдюкова Якова Михайловича, содержащий письма с фронта, фотографии и документы о наградах, направленных командованием по месту жительства его родных, за период с 1 июня 1944 г. по 27 апреля 1945 г. Эти материалы¹ и составили основу настоящей публикации. В публикацию также включены два документа, размещенные в Обобщенном банке данных «Мемориал»². Это выписка о прохождении службы из личного листа по учету кадров Я.М. Байдюкова и анкета «с подтверждающими материалами принадлежности к офицерскому составу» от 10 июня 1949 г.³

Яков Михайлович Байдюков родился в с. Красные Ключи Похвистневского района Самарской губернии в 1924 г.⁴ Он был первым ребенком в многодетной крестьянской семье, где родилось 13 детей, 6 из которых умерли в малолетнем возрасте. Якову было 7 лет, когда семью раскулачили, заставили сдать все имущество в колхоз и вынудили переселиться в с. Нижнее Ягодное того же района. Яков обладал неплохими способностями к изучению иностранных языков. Когда началась Великая Отечественная война, он учился в Малотолкайском мордовском педагогическом училище Подбельского района Куйбышевской области. Из училища 20 марта 1942 г. он был призван на военную службу.

¹ Скорее всего, это далеко не все письма, а лишь их сохранившаяся часть.

² URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75961453> (дата обращения: 22.06.2015).

³ Анкета была подготовлена по запросу матери Якова Михайловича – Прасковьи Яковлевны Байдюковой.

⁴ Точная дата рождения Якова неизвестна.

Свидетельства и документы

Яков Михайлович был направлен в 1-е Куйбышевское пехотное училище, которое располагалось в пос. Управленческий г. Куйбышева. В училище он проучился с апреля 1942 г. по январь 1943 г. Затем служил командиром стрелкового взвода в различных частях и соединениях Красной Армии – 1031-м стрелковом полку 280-й стрелковой дивизии, 283-м стрелковом полку 140-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта, 658-м стрелковом полку 218-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта, 8-й гвардейской воздушно-десантной бригаде. Четыре раза был ранен, последний раз – 12 апреля 1945 г. в Кёнигсберге, уже после завершения Восточно-Прусской операции⁵. Однажды побывал дома в краткосрочном отпуске, в 1944 г., о чем указано в письмах. Был награжден орденом Красной Звезды и орденом Красного Знамени.

Яков Байдюков (слева) и его товарищ Яков Миронов во время обучения в пехотном училище 1 сентября 1942 г.

Последняя запись в выписке прохождения службы от 12 апреля 1945 г.: «Убыл по ранению, приказ № 0114 от 19 июня 1945 г. 33 гвардейская стрелковая дивизия». На анкете от 10 июня 1949 г. от руки сделана помета: «В распоряжении воинских соединений Прибалтийского фронта Белорусско-Литовского военного округа 0296 25.5.45». Таким образом, последняя дата его перемещения – 25 мая 1945 г. Дальнейшая судьба Якова Михайловича неизвестна. С фронта он не вернулся, документов о его гибели семья не получала. Мать Якова Михайловича Прасковья Яковлевна Байдюкова неоднократно обращалась в Министерство обороны, писала письма лично И.В. Сталину. Однако до сих пор судьба лейтенанта Байдюкова не выяснена.

Первое письмо Якова Михайловича домой, сохранившееся в семейном архиве, датировано 1 июня 1944 г. С октября того же года он писал письма уже на два адреса – в с. Нижнее Ягодное, где проживала Прасковья Яковлевна и шестеро его братьев и сестер, а также на железнодорожную станцию Кряж Куйбышевского района г. Куйбышева, отцу Байдюкову Михаилу Евсеевичу. Последний был уволен с фронта в запас в 1943 г. по состоянию здоровья. Благодаря усилиям Прасковьи Яковлевны, которая буквально вытащила его с того света, поправился и после выздоровления был направлен на работу надзирателем в тюрьму № 1 УНКВД.

⁵ Кёнигсбергская немецкая группировка была ликвидирована в период с 6 по 9 апреля 1945 г.

Свидетельства и документы

Письма и документы публикуются в хронологическом порядке, с незначительными сокращениями, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические и языковые особенности текстов сохранены.

№ 1

**Письмо родителям на станцию Подбельск,
село Нижнее Ягодное Куйбышевской области**

1 июня 1944 г.

Командир стрелкового взвода Я.М. Байдюков
1-й Украинский фронт

На обороте фотографии надпись: «На память
матери от Якова Байдюкова. 1.6.44»

Письмо от Якова. Здравствуйте, дорогие родители – папаша, мамаша. Здравствуйте, братья мои Василий Михайлович и Александр Михайлович, и сестренки Людмила, и Мария, и Нина. Передаю вам всем горячий боевой привет с пожеланием наилучшей жизни и больших успехов в работе. Передайте от меня горячий пламенный привет дедушке Евсею Прохоровичу и бабушке Екатерине Фроловне, крестной Акулине Фроловне.

Во первых строках своего письма я вам сообщаю, что жив и здоров, сижу в настоящее время в ста метрах от немца. Поливаем⁶ проклятого свинцовым дождем. Так что у нас здесь сейчас весело. Вы, наверно, думаете, что я уже пропал, но нет. Скажу я вам, что отчасти сам виноват, что

так долго не писал писем. Я за это время прошел уже много, так что все не отпишешь. Я 25-го мая получил правительственную награду «Орден Красной Звезды» за свои боевые успехи. Как получите мое письмо, пишите скорее ответ по адресу: полевая почта 39410 «А», пропишите, где находится брат Алексей и как живете, какие там у вас изменения. [...]

Ваш сын Яков Байдюков.

⁶ После слова «поливаем» в письме вычеркнуты слова – друг друга.

Свидетельства и документы

№ 2

Письмо отцу на станцию Кряж Куйбышевского района г. Куйбышева

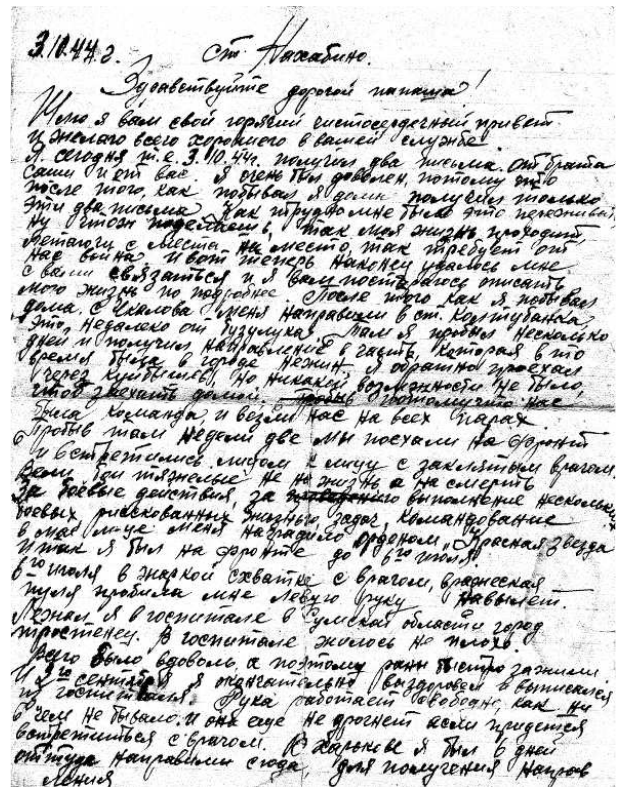
3 октября 1944 г.

Станция Нахабино.

Здравствуйте, дорогой папаша!

Шлю я вам свой горячий чистосердечный привет и желаю всего хорошего в вашей службе. Я сегодня, т.е. 3.10.44 г., получил два письма. От брата Саши и от вас. Я очень был доволен, потому что после того, как побывал я дома, получил только эти два письма. Как трудно мне это было переживать, ну что ж поделаешь, так моя жизнь проходит, летаю с места на место, так требует от нас война. И вот теперь, наконец, удалось мне с вами связаться, и я вам постараюсь описать мою жизнь поподробнее.

После того как я побывал дома, с Чкалова меня направили на ст. Колтубанка, это недалеко от Бузулука. Там я пробыл несколько дней и получил направление в часть, которая в то время была в городе Нежин. Я обратно проехал через Куйбышев, но никакой возможности не было, чтобы заехать домой. Потому что нас была команда, и везли нас на всех парах. Пробыв там недели две, мы поехали на фронт и встретились лицом к лицу с заклятым врагом. Вели бои тяжелые не на жизнь, а на смерть. За боевые действия, за выполнение нескольких боевых, рискованных жизнью задач, командование в мае месяце меня наградило орденом Красной Звезды. И так я был на фронте до 6 июля. 6-го июля в жаркой схватке с врагом вражеская пуля пробилла мне левую руку навывлет. Лежал я в госпитале в Сумской области, город Тростенец. В госпитале жилось неплохо. Всего было вдоволь и поэтому раны быстро зажили. И 2-го сентября я окончательно выздоровел и выписался из госпиталя. Рука работает свободно, как ни в чем не бывало. И она еще

Страница письма Я.М. Байдукова отцу

Свидетельства и документы

не дрогнет, если придется встретиться с врагом. В Харькове я был 6 дней, оттуда направили сюда для получения направления.

На днях я получу направление и выеду отсюда в часть. Вот моя жизнь вкратце, после того как я был дома. Конечно, много было пережито, много перенесено трудностей, много страстей видал, несколько раз был на волосок от смерти, но для нас молодых это есть закалка на будущее. И вот до сих пор я никак не мог установить с вами связь. Не обижайтесь, что я долго не писал, в этом я не виноват, виновата война, виноват Гитлер.

Еще от вашего письма я узнал, что брата Василия забрали как дезертира⁷. Я этого понять никак не могу. Ведь он 1927 г.⁸ рождения, и об этом есть в сельсовете запись, и имеются метрики, а его год еще и не призывался. Я думаю, что его отпустят. Только жалко матери, ей бедной приходится больше всех переживать.

Да, наделала дел война, но ничего, за это за все враг поплатится. Скоро враг будет разбит, а победа уже за нами. Кончится война, и тогда съедется, всем назло, вся наша семья в Ягодное, вернемся все живые и здоровые с победой и заживем такой жизнью, какую еще никто не знал.

Дорогой папаша, новостей у нас особых нет. Живу, так сказать, сейчас в среднем. Прошу за меня не беспокоиться. [...] Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Пока до свидания.

Ваш сын лейтенант Яков Байдюков.

№ 3

Письмо отцу на станцию Кряж Куйбышевского района г. Куйбышева

15 октября 1944 г.

Здравствуйте, дорогой папаша.

Шлю я вам свой чистосердечный привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. В настоящем сообщаю, что переехал на другое место по долгу службы. [...] За меня не беспокойтесь – моя служба проходит в хороших условиях. Если нужны деньги, то вышлю. Теперь уже я устроился хорошо.

Ваш сын Яков Байдюков.

⁷ Брат Якова Михайловича – Василий, 1928 г. р. В 1944 г. работал трактористом в колхозе, вместе с бригадиром он был командирован на тракторный завод в г. Куйбышев за деталями для тракторов. В Куйбышеве был арестован и как дезертир отправлен вместе со штрафбатом на передовую. В результате нескольких обращений его матери Прасковьи Яковлевны в адрес И.В. Сталина Василий был уволен в запас. Успел провоевать 6 месяцев, был награжден боевыми наградами. Умер в 2009 г.

⁸ Дата ошибочная, должно быть – 1928 г.

Свидетельства и документы

№ 4

**Письмо родным на станцию Подбельск,
село Нижнее Ягодное Куйбышевской области**

27 октября 1944 г.

Здравствуй, дорогая мамаша. Здравствуй, братья Василий⁹, Александр, Леонид Иванович¹⁰ и сестренки Люся, Маня, Нина.

Шлю я вам свой горячий гвардейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни, в работе и в учебе. Я вам сообщаю, что в настоящее время я служу в сталинской гвардии, поправляюсь после пережитых фронтовых трудностей. Пока все в порядке. Прошу вас, пишите скорее письма и пропишите, что вам написали с части насчет награды. Напишите номер приказа, если они вам написали. Еще пропишите, как дела с Васей, я думаю, что его отпустили¹¹, потому что у вас имеются все документы, если нет, то надо похлопотать. Я вам отсюда пишу уже второе письмо, а ответа нет, прошу вас, поскорее пришлите ответ¹².

№ 5

Письмо отцу на станцию Кряж Куйбышевского района г. Куйбышева

5 ноября 1944 г.

Здравствуй, папаша!

Поздравляю вас с днем 27 годовщины Октябрьской революции, праздником советского народа. Шлю я вам свой горячий гвардейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни и в военной службе.

В настоящем я вам сообщаю, что с Нахабино уехал и сейчас нахожусь в лесах освобожденной Беларуси. Теперь я служу в частях сталинской гвардии. Это самая почетная служба. Теперь уже я не такой оборванец, каким заезжал домой после госпиталя, и скоро получу еще одну награду, заслуженную в декабре месяце 1943 г.

Я писал вам письмо отсюда и писал несколько раз с Нахабино. Но не знаю, получили вы или нет мои письма. [...] Моя жизнь сейчас проходит хорошо, в спокойной обстановке, но ежеминутно готов ринуться в бой с врагом и добить его в собственной берлоге. Рука левая после ранения работает хорошо. Здоровье

⁹ Вероятно ошибка, – брат Василий в это время был на фронте.

¹⁰ Леонид Иванович Филиппов – двоюродный брат Якова Михайловича, после смерти родителей воспитывался в семье Байдюковых.

¹¹ См. док. № 2.

¹² Далее текст письма утрачен.

Свидетельства и документы

хорошее. Прошу вас, пишите писем, пишите про вашу службу и жизнь.

Передайте привет вашему командиру и товарищам по службе¹³.

№ 6

Письмо родным на станцию Подбельск, село Нижнее Ягодное Куйбышевской области

27 ноября 1944 г.

Здравствуйте, дорогая мамаша.

Шлю вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Я ваши письма получил и сейчас представляю вашу жизнь. Как-нибудь нужно все это пережить¹⁴. Я вас прошу, чтобы вы сильно не расстраивались о нас, о нас заботится Родина-мать. Обо всех нуждах обращайтесь в сельсовет и райком [...] с вот этой вот бумажкой¹⁵, я знаю, что окажут вам помощь. Я посылаю вам обратно вашу бумагу¹⁶, она мне не нужна, в скором вышлю денежный аттестат¹⁷. Прошу еще раз, не расстраивайтесь и не портьте свое здоровье.

Привет моим братьям Саше, Леше, сестре Люсе, Мане и др.

Привет всем родным и знакомым.

Пока до свидания. Ваш сын Яков Байдюков.

№ 7

Письмо отцу на станцию Кряж Куйбышевского района г. Куйбышева¹⁸

10 декабря 1944 г.

Привет от Яши!

Здравствуйте, дорогой папаша. [...] Я вам сообщаю, что ваше письмо получил,

¹³ Далее текст письма утрачен.

¹⁴ Речь идет о тяжелом материальном положении семьи. Прасковья Яковлевна и ее сын Александр, которому в 1944 г. исполнилось 14 лет, работали в колхозе за трудодни, младшим четверем детям в это время было 3–11 лет. На семью колхоз выделял скудное продовольствие, которого катастрофически не хватало. Приходилось дополнять рацион лепешками из лебеды. Кроме того, в качестве оплаты труда Александру, который подрабатывал в «Заготскоте», выдавали кровь домашних животных, из которой готовили блины.

¹⁵ Речь идет об уведомлении о награждении Якова правительственной наградой – орденом Красной Звезды (в семейном архиве не сохранилось), которое Прасковья Яковлевна переслала ему по неведению на фронт.

¹⁶ То же.

¹⁷ Во время войны офицеры отправляли родным денежный аттестат, по которому те могли получать часть их денежного содержания.

¹⁸ Часть письма утрачена.

Свидетельства и документы

за которое очень благодарю. Еще получил письмо от матери, она пишет, что Василий поехал на фронт и жить очень тяжело, но что поделаешь? Вернемся домой и покажем этим Атласовым¹⁹.

Я пока на старом месте служу. Но и военную жизнь сами знаете. Только сейчас пока не жужжат пчелы²⁰. [...] Простите, что так мало пишу и редко. [...]

Пока до свидания [...].

№ 8

Письмо отцу на станцию Кряж Куйбышевского района г. Куйбышева

4 февраля 1945 г.

Привет от Яши! Здравствуй, отец!

Шлю я тебе свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей службе. Настоящее письмо пишу вам с г. Минск, где буду я временно, а дальше куда направят – неизвестно. С г. Быхова я уехал 30.01.45 и вот уже третий день как в Минске. Город почти весь сожжен немцами. Кругом только одни голые кирпичные стены.

Папаша, Вы меня простите, что вам так редко пишу, в этом, конечно, я виноват, но никаких новостей в моей личной жизни нет, а общие новости вы, по моему, знаете, потому что читаете газеты. Да я и сам от вас, вот уже месяц прошел как, не получаю писем. Не знаю, почему не пишет брат Алексей, я ему написал 8 писем, а от него не получил ни одного. Хотелось бы за все время службы хотя бы одно письмо получить.

¹⁹ Односельчане семьи Байдюковых. Глава семьи, Атласов Петр Тихонович, был председателем колхоза. Он всячески пытался притеснять «бывших кулаков» Байдюковых. Однажды Атласов, воспользовавшись тем, что Прасковья Яковлевна не успела выполнить положенное количество трудодней в колхозе, вызвал ее на заседание правления. После обвинений председателя в том, что она не выполняет трудодни, в то время, как в стране идет война, Прасковья Яковлевна показала орден Материнской Славы (учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.), которым она была награждена как многодетная мать, а также уведомление о награждении Якова Михайловича орденом Красной Звезды, и произнесла примерно следующее: «Вы меня обвиняете в том, что я не помогаю фронту. Вот моя помощь – у меня есть награды от правительства и лично от Сталина за мое материнство и подвиги моих детей на фронте. А у кого из вас есть награды от нашего правительства? Кого из вас благодарил Сталин за подвиги ваших детей? Почему ваши дети не воюют на фронте и не работают в колхозе?» Вопрос о невыполнении трудодней был закрыт, но трения между семьями не прекратились.

²⁰ Вероятно, – пули.

Свидетельства и документы

Служба моя пока проходит хорошо. В настоящее время ничего не делаю. Все 24 часа в моем личном распоряжении. Но это будет недолго, скоро получу назначение. В настоящее время чувствую себя хорошо, здоровье нормальное.

Пока до свидания. Передайте привет своим товарищам и командиру.
Ваш сын Яков Байдюков.

№ 9

Извещение о награждении правительственной наградой

27 апреля 1945 г.

Смерть немецким оккупантам!

ПИСЬМО С ФРОНТА

Семье отважного воина *Байдюковой Прасковье Яковлевне*²¹

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Выполняя приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, наша доблестная Красная Армия очистила родную землю от немецко-фашистских мерзавцев и бьет немецкого зверя в его логове – Германии, чтобы окончательно добить врага.

В этой исторической битве отличился Ваш сын *Байдюков Яков Михайлович*.

Он показал себя храбрым и бесстрашным воином, верным сыном великой советской Родины. За отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он

Я.М. Байдюков

На обороте фотографии надпись:
«БССР, гор. Быхов. На память
родителям. 30.1.45 г. Яков Байдюков».

награжден *Орденом Красного Знамени*.

Мы гордимся таким воином-героем и поздравляем Вас с его высокой правительственной наградой.

С боевым приветом к Вам
Командир части *Подпись*

²¹ Здесь и далее в документе текст, выделенный курсивом, вписан от руки.

Свидетельства и документы

№ 10

Анкета Якова Михайловича Байдюкова

10 июня 1949 г.

Секретно

Начальнику отдела по персональному учету офицерского состава
Вооруженных сил Союза ССР

Представляю анкету и подтверждающий материал принадлежности к
офицерскому составу Байдюкова Якова Михайловича.

ПРИЛАГАЮ: анкету, выписку прохождения службы из личного листа по учету
кадров.

АНКЕТА

1.	Фамилия, имя и отчество	Байдюков Яков Михайлович
2.	Год рождения	1924
3.	Место рождения	с. Красные Ключи Подбельского р-на Куйбышевской области
4.	Где проживал до призыва	с. Нижнее Ягодное Подбельского р-на Куйбышевской области
5.	Когда и каким РВК призван	20 марта 1943 г. Подбельским райвоенкоматом Куйбышевской области
6.	Военное звание	гвардии лейтенант
7.	Когда и какое окончил военное училище	В январе 1943 г. 1-е Куйбышевское пехотное училище
8.	В какой части служил	8 гвардейская воздушная десантная бригада и 33 гвардейская стрелковая дивизия
9.	Какую занимал последнюю должность	командир стрелкового взвода
10.	Когда прекратилась письменная связь	последнее письмо в марте месяце 1945 г.

Свидетельства и документы

11.	Родственные отношения заявителя к разыскиваемому	Мать Байдюкова Прасковья Яковлевна
12.	Последний адрес местожительства	с. Нижнее Ягодное Подбельского р-на Куйбышевской области

Подбельский райвоенком Шилов

В нижнем левом углу на документе помета карандашом:

«Байдуков²². Справка: 10 отд. У[правление] к[адров] с[ухопутных] в[ойск] ст[арший] л[ейтенант] 60 арм. 095 31.3.44. Ком[андир] взв[ода] авт[оматико]в 218 стрелк[овой] дивизии. В распор[яжении] в[оинских] с[оединений] 1[-го] Приб[алтийского] фр[онта] Бел[оруско]-Лит[овского] В[оенного] О[круга]²³ 0296 25.5.45.

9.7.49 Подпись

Место и год рожд[ения] то же».

№ 11

**Выписка прохождения службы
лейтенанта Байдюкова Якова Михайловича**

1949 г.

С апреля 1942 г. по январь 1943 г.	Куйбышевское пехотное училище г. Куйбышев – курсант
с января 1943 г. по август 1943 г.	1031 стрелковый полк 280 стрелковой дивизии – командир стрелкового взвода
с августа 1943 г. по октябрь 1943 г.	Эвакогоспиталь № 57 г. Елец Орловской обл. – ранбольной
с октября 1943 г. по январь 1944 г.	283 стрелковый полк 140 стрелковой дивизии 1-й Белорусский фронт – командир стрелкового взвода
с января 1944 г. по март 1944 г.	Эвакогоспиталь № 3640 г. Орск – ранбольной

²² Так в документе. Должно быть – Байдюков.

²³ После слова «Округа» вычеркнуты цифры – 0146.

Свидетельства и документы

с марта 1944 г. по июль 1944 г.	658 стрелковый полк 218 стрелковой дивизии 1-й Украинский фронт
с июля 1944 г. по октябрь 1944 г.	Эвакогоспиталь № 1047 г. Житомир – ранбольной
с октября 1944 г. по январь 1945 г.	8 гвардейская воздушно-десантная бригада – командир стрелкового взвода
12 апреля 1945 г.	ранен под г. Кёнигсберг
12 апреля 1945 г.	убыл по ранению приказ № 0114 от 19 июня 1945 г. 33 гвардейской стрелковой дивизии

Начальник отдела кадров 8 гвардейской ССОСБ

Гв. подполковник Веденеев

Основание: личный листок по учету кадров

Подбельский райвоенком Шилов

*Из архива Научного совета РАН
по истории социальных реформ, движений и революций*

**НАУЧНАЯ СЕССИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ**
(Из стенограммы заседаний)

Публикация подготовлена:

Исхаков Салават Мидхатович, доктор исторических наук, Институт российской истории,

Калягин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, Самарский государственный университет,

Тютюкин Станислав Васильевич, доктор исторических наук, Институт российской истории

В 2013 году в электронном сборнике «XX век и Россия: общество, реформы, революции» была опубликована стенограмма заседаний Научной сессии, которая была приурочена к 60-летию революции 1905–1907 годов в России¹. Продолжаем знакомить читателей с материалами, сохранившимися в архиве Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, и публикуем в настоящем выпуске текст стенограммы Научной сессии, посвященной 50-летию Октябрьской революции 1917 года.

Сессия была организована Научным советом при Отделении исторических наук Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» совместно с рядом институтов и университетов

¹ Из стенограммы заседаний Научной сессии, посвященной 60-летию революции 1905–1907 годов в России. Москва, 14–17 декабря 1965 г. / подг. публ. В.И. Гольцов, С.М. Исхаков, А.В. Калягин и др. // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 1, ч. 2. Самара, 2013. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/sbornik.html?cid=1> (дата обращения: 08.04.2015).

Свидетельства и документы

страны и прошла в Одессе 14–17 ноября 1967 г. В центр были поставлены две взаимосвязанные проблемы – облик пролетариата и его роль в революционном движении России, в обсуждении которых приняли участие ученые, преподаватели, сотрудники архивов и музеев из многих республик Советского Союза. Их доклады были заранее опубликованы в ротапринтном сборнике «Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября»².

Ниже приводим текст стенограммы заседаний этой научной сессии, который сохранился в архиве Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, являющегося преемником и продолжателем работы Совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

Стенограмма публикуется с сокращениями. Оставлены наиболее интересные ее части, отражающие существовавшие в тот период научные подходы и дух эпохи.

Из стенограммы заседаний Научной сессии, посвященной 50-летию Великого Октября (Одесса, 14–17 ноября 1967 г.)

Открытие.

Пленарное заседание Научной сессии, посвященной 50-летию Октября.
14 ноября 1967 г.

Л.В. Гладкая (Одесса): Разрешите начать Всесоюзную конференцию, посвященную важнейшему вопросу – пролетариату России на пути к Октябрю 1917 г.

Историческая миссия пролетариата, его место в обществе, его положение, как самого последовательного, самого революционного класса открыто и глубоко исследовано марксистской наукой. Ход истории подтвердил правильность этих исследований, правильность открытий, правильность теории марксизма-ленинизма и продемонстрировал эту великую историческую миссию пролетариата в решении всех важнейших вопросов современного мира. Наиболее ярко и глубоко наша

² Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14-17 ноября 1967 года. Одесса, 1967. Ч. 1–2.

Свидетельства и документы

Великая Октябрьская социалистическая революция продемонстрировала могучую творческую революционную силу рабочего класса, силу пролетариата, который разбивает оковы капиталистического рабства и создает первое общество в мире без эксплуатирующих и эксплуатируемых. Рабочий класс – ведущая сила социалистического строительства, задачи которого постоянно возрастают, а следовательно, и усложняются.

Мы недавно отметили с вами 50-летие Октябрьской социалистической революции, и празднование этого юбилея, как празднование любого юбилея, подводит итоги пройденного пути, и это позволило еще и еще раз представить наши успехи, обозреть пройденный нами путь за эти 50 лет, увидеть и оценить великие свершения нашего советского народа. За полвека социалистической системы ее ведущая сила – рабочий класс прошел великий и славный путь, социалистическая система крепла и мужала и прошла в сложнейших условиях проверку на жизнеспособность, показала великую жизненную силу, продемонстрировала преимущества социалистического строя во всех областях политической, экономической и духовной жизни общества.

Великая заслуга нашего рабочего класса, одна из главных всемирно-исторических заслуг его, заключается в том, что он – наш рабочий класс нашей страны – первый открыл дорогу в будущее. Рабочий класс нашей страны первый создал революционную большевистскую партию, ту политическую силу, которая руководила всей его борьбой. Первый в истории рабочий класс нашей страны построил социалистический строй и уверенно строит коммунизм. В нашей стране, в наши дни рабочий класс является ведущей силой мирового революционного процесса, процесса борьбы народов.

История и современность неотделимы, они связаны тесно между собой, событиями великой революции, каждым годом нашего пятидесятилетия, каждым годом борьбы за свое социальное освобождение, за торжество нового социалистического строя.

Научное вскрытие общественных закономерностей развития человеческого общества позволяет нам еще более глубоко осмыслить пройденный нами путь, а также позволяет нам обозреть и увидеть очертания будущего общества, и в этом великая созидательная творческая роль марксистско-ленинской науки, марксистско-ленинской теории.

И нам очень приятно отметить, что 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции и наши советские историки встретили значительными успехами, встретили очень интересными исследованиями, посвященными великому героическому пути нашего народа, влиянию нашей революции на все области человеческой жизни.

Свидетельства и документы

Много сделано у нас по освоению идейного наследия Маркса–Энгельса–Ленина. Скоро будет издана история КПСС, подготовлены и опубликованы значительные исследования из области всемирной и отечественной истории.

Центральный Комитет нашей партии постоянно заботится о развитии гуманитарных наук, о развитии общественных наук, направляет их, оказывает им помощь.

Ярким свидетельством этого является принятое в сентябре этого года постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве».

В этом постановлении дана широкая программа теоретического изучения, обобщения, творческого наследия Маркса–Энгельса–Ленина.

Мы вооружены политическим документом нашей партии – Тезисами ЦК КПСС «К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Этот документ очень большой обобщающей силы, в котором с марксистско-ленинских позиций глубоко осмыслен весь пройденный нами путь.

Доклад тов. Брежнева на заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, выступления представителей братских коммунистических и рабочих партий на этом заседании, Обращение ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР к советскому народу встречены повсюду советскими людьми с чувством глубокого удовлетворения, с чувством законной гордости, как важнейшие документы, способствующие творческому развитию теоретического и идейного богатства, накопленного нашей партией.

Большой вклад в развитие теории науки вносят научные сессии и конференции, на которых обсуждаются разработки тех или иных проблем. Так, в Москве 11 октября в Кремле начала свою работу международная научная конференция, которая разрабатывает много важнейших проблем современных наук.

Для деятельности советских историков имеет важное значение и наша нынешняя научная сессия, хотя она посвящена рассмотрению части проблемы, связанной с пролетариатом России.

В приветствии ЦК КПСС конференции, открывшейся несколько дней тому назад в Кремлевском театре, посвященной 50-летию Великой Октябрьской революции и проблемам современного мирового рабочего и революционно-освободительного движения, говорится: «Оглядывая с вершины пятидесятилетия Октябрьской революции пройденный путь, марксисты-ленинцы извлекают важные выводы и уроки, чтобы еще лучше решать задачи, выдвигаемые жизнью».

И мы не сомневаемся в том, что и наша Всесоюзная научная сессия, коллективными усилиями ее участников, будет содействовать решению этих

Свидетельства и документы

проблем, указанных ЦК нашей партии, будет способствовать разработке актуальных проблем и вопросов развития рабочего класса.

Нам очень приятно, что столь представительная сессия историков собралась в нашем городе Одессе. Нам приятно отметить, что Одесса становится таким местом не впервые, и мы считаем, что в этом есть определенная заслуга наших историков, работающих над важнейшими проблемами исторической науки.

Наши историки трудятся в городе, имеющем большие революционные традиции, традиции, которые являются неотъемлемыми традициями рабочего класса Украины и рабочего класса всей нашей страны. Уже на заре рабочего движения Одесса была одним из центров борьбы рабочего класса против самодержавия и капитализма. В Одессе в 1875 г. была создана первая русская пролетарская организация – Южнороссийский рабочий союз во главе с Заславским, и деятельность этого союза была высоко оценена В.И. Лениным.

Пролетариат Одессы был активным участником первой русской революции, и здесь на рейде Одесского порта бросил якорь броненосец «Потемкин».

Особенно полно революционные традиции нашего города раскрылись в ходе Великой Октябрьской социалистической революции в борьбе за власть Советов, в жестокой борьбе против контрреволюции в трех подпольях, в острых схватках гражданской войны, и вновь полно проявились в суровых испытаниях Великой Отечественной войны. Одесса свято хранит и преумножает эти славные революционные традиции, преумножает их трудовые традиции, а ныне Одесса – это крупнейший индустриальный центр Украины, центр науки и культуры, морские ворота, город-труженик с почти миллионным населением. Поэтому историки нашего города свои научные интересы связывают и связали с изучением героической борьбы рабочего класса нашей страны.

Актуальность проблем, рассматриваемых на нашей Всесоюзной научной сессии, привлекли внимание многих ученых из многих городов нашей родины.

И поэтому разрешите мне по поручению Бюро Областного комитета партии от всей души приветствовать прибывших в наш город ученых Москвы, Ленинграда, Харькова, Алма-Аты, Урала, Дальнего Востока, всех наших дорогих гостей, всех участников сессии, всех, кто присутствует в зале, и пожелать творческих успехов в вашей работе.

Мы уверены в том, что работа сессии пройдет плодотворно и будет способствовать дальнейшему развитию исторической науки, а следовательно, и дальнейшему совершенствованию идеологической работы, идеологическому воспитанию нашего народа.

Свидетельства и документы

Разрешите, товарищи, Всесоюзную научную сессию историков, посвященную проблеме пролетариата России на пути к Октябрю 1917 г., объявить открытой. (*Аплодисменты*).

Разрешите мне предоставить слово председателю оргкомитета нашей научной сессии, ректору Одесского госуниверситета А.И. Юрженко.

А.И. Юрженко (Одесса): Уважаемые товарищи! Позвольте мне искренне и сердечно приветствовать вас от ученых, студентов Одесского госуниверситета, пожелать вам успехов в работе. Нам очень приятно, что ОГУ за последние годы стал местом проведения целого ряда конференций, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции. Достаточно упомянуть о конференции по участию зарубежных трудящихся в проведении Великой Октябрьской революции, конференции по историографии рабочего движения в России. Я хотел бы также упомянуть Всесоюзную студенческую научную конференцию, посвященную Великой Октябрьской социалистической революции. Инициатором проведения этой конференции выступил наш университет, и эта конференция вызвала большой интерес среди учащейся молодежи.

Очевидно, целый ряд обстоятельств способствовал проведению таких конференций в нашем институте. Здесь, как сказала Лидия Всеволодовна, и то обстоятельство, что Одесса была крупнейшим пролетарским центром не только на Юге России, но и всей нашей страны; здесь и то обстоятельство, что воспитанником нашего университета являлась А.М. Панкратова; здесь, очевидно, и то обстоятельство надо учитывать, что кафедры исторического факультета нашего университета, кафедры общественных наук университета и других вузов нашего города систематически и плодотворно разрабатывают проблемы подготовки Октябрьской революции, проблемы победы, установления советской власти на Юге России и, безусловно, за эти годы у нас сложилась научная школа историков, которая совместно с историками Москвы, Ленинграда, Киева и других городов разрабатывает эти важные актуальные проблемы.

Нам очень приятно приветствовать в стенах университета нашего друга, который очень помогает в развитии исторических наук в нашем университете, академика И.И. Минца, а также целый ряд докторов наук, ученых, которые приехали сюда и принимают участие в этой конференции.

Мне хочется отметить одно очень важное обстоятельство, что такого рода конференции, конечно, имеют двойное значение, если они проводятся в высшем учебном заведении, например, в университете. С одной стороны, мы должны отметить безусловно большое научное значение такого рода конференции, а с другой стороны – большое воспитательное значение на учащуюся молодежь, на студентов-историков, сидящих в этом зале.

Свидетельства и документы

Позвольте пожелать вам успешной работы и по рекомендации оргкомитета позвольте просить председательствовать на сегодняшнем пленарном заседании заместителя председателя оргкомитета проф. И.В. Ганевича, если не будет возражений у собравшихся. (*Аплодисменты*).

И.В. Ганевич (Одесса): Товарищи, продолжим нашу работу. Слово предоставляется академику И.И. Минцу. (*Аплодисменты*).

И.И. Минц (Москва): Дорогие товарищи! Мы только что с вами отметили 50-летний юбилей нашей Великой Октябрьской социалистической революции. Юбилей этот отмечало и все прогрессивное человечество. В ушах наших раздаются еще торжественные звуки в честь Великого Октября, которые звучали в Кремлевском дворце съездов. Некоторые из присутствующих могли увидеть, а некоторые услышать представителей многих десятков стран, приветствовавших наш юбилей. И невольно вспоминаешь всем известные слова революционера-демократа Белинского, который более 125 лет тому назад, предвидя, говорил: «Завидую внукам, правнукам нашим, которым придется увидеть обновленную Россию, стоящую в центре внимания всего человечества и благоговейно принимающую дань уважения, дань приветствия».

Поневоле вспоминаешь эти слова, потому что то, что происходило у нас в юбилейные дни, это была картина, которая позволила гордиться нам – внукам, правнукам. Разумеется, на этом торжественном собрании, которое происходило, да и у нас в нашей работе, наша мысль обращается, прежде всего, к светочу человечества, который начертил путь, по которому идет наша страна и все прогрессивное человечество, который пламенем своего сердца зажег энтузиазмом народы нашей страны, кто своей волей, своей потрясающей организованностью сумел миллионы организовать в железные батальоны, которые начали революцию в Петрограде и пошли по всей стране, – к Ленину – творцу и создателю Советской власти, организатору нашей партии.

Конечно, в такой короткий срок, который только что прошел после этого совещания, нам трудно отметить те проблемы, которые привлекли особое внимание и которые требуют от нас – историков – особого изучения в дальнейшем.

Я позволю все же разобрать хотя бы некоторые из этих вопросов. Красной нитью через все выступления, не говоря уже о докладах, через все выступления проходила одна идея – идея, что инициатором движения явился пролетариат нашей страны, революционная инициатива со стороны нашего пролетариата.

Мы, историки, обращаемся к тому времени, когда вспыхнула революция, это было время, когда империализм командовал всем миром, когда было более 10 млн убитых, 20 млн искалеченных и 70 млн людей думали – неужели четвертый год

Свидетельства и документы

придется просидеть в окопах. И, как молния в предрассветном тумане, русские рабочие подняли всех грудящихся нашей страны, взяли в свои руки власть и обратились с предложением – прекратить эту кровавую войну, которая стоила стольких жертв. В этих условиях инициатива, проявленная пролетариатом, сыграла гигантскую роль. Именно после этого дух пролетариата всего мира воспрял, после этого зазвучал боевой клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В нашей Программе сказано: Октябрьская революция начала весну человечества, началось гигантское национально-освободительное движение, которое потрясло весь мир, которое на наших глазах завершилось крахом колониальной системы.

Можем ли мы забыть это? Только что Лидия Всеволодовна говорила: мы вправе гордиться, что мы первые начали. Может ли это забыть человек? Разве есть более почетная задача, чем заниматься историей гражданской войны, историей Советской власти, Октябрьской революции? Разве есть более почетные задачи, чем изучить, показать, что не случайно исторические обстоятельства подготовили пролетариат – зачинателя великой освободительной борьбы человечества?

Вторая идея, которая, мне кажется, должна привлечь наше внимание и потребовать от нас дальнейших усилий – это идея о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция, начатая пролетариатом нашей страны, повысила организованность всех прогрессивных сил общества. Угнетенные массы в борьбе за свое освобождение не имеют другого оружия, кроме организации. Материальные средства, оборонные, кадры – все это находится на стороне нашего противника. Это всегда подчеркивали и Маркс, и великий Ленин.

И вот, в Октябрьской революции вы можете увидеть, как повышается организованность во всем мире. Достаточно видеть, что это повышение организованности проявилось в росте коммунистического движения, коммунистических партий, ибо до революции существовала только одна партия – партия Ленина. После этого началось такое движение, которое закончилось тем, что мы видели на кафедрах торжественного заседания, посвященного 50-летию Октябрьской революции, когда представители более чем 95 стран выступали с приветствиями, а большая часть этих стран, почти 90 (в некоторых странах компартии находятся в подполье), представляли собой ум, честь, совесть своего народа, т.е. коммунистические партии.

Вы это можете проследить на любой форме движения – молодежной, женской, кооперативной. Любая форма почувствовала на себе влияние движения Октябрьской революции. Об этом говорили представители народа стран, где давно существует партия, представители народа стран, где партия только создана, представители народа, который только создает коммунистическую партию.

Свидетельства и документы

Вот какое влияние оказала Великая Октябрьская революция в смысле организованности прогрессивных сил человечества. Разве не наша задача проследить путь этой организованности? Разве не наша задача показать, как российский пролетариат на протяжении менее чем четверти века накопил такой гигантский опыт борьбы и сумел дать миру такие явления, как например, всеобщая стачка или такую форму борьбы, организации нового общества, как Советы рабочих и солдатских депутатов?

Мне кажется, что, говоря о выводах и уроках из тех проблем, которые прозвучали в выступлениях на этом изумительном форуме, представленном во Дворце съездов в докладах наших товарищей, в выступлениях тех, кто нас приветствовал, надо отметить еще одну идею, над которой мы с вами, историки, работаем – это влияние, которое оказала революция на угнетенные массы закабаленных стран, колониальных и зависимых народов.

Можно было воочию увидеть тот лозунг, который в свое время выдвинул В.И. Ленин и который был утвержден – «Пролетарии всех стран и закабаленные всего мира, соединяйтесь», видя в этих словах успехи победы коммунизма.

Мы мало занимались той ролью, которая принадлежала пролетариату в этом национально-освободительном движении. Именно наш пролетариат в лице своей передовой партии впервые разрешил национальный вопрос, так что теперь ни одна страна, начертавшая на своем знамени свободу народу, не может обойтись без нашего опыта.

А между тем, много ли у нас есть работ, посвященных тому, как партия разрешила национальный вопрос, как создавались национальные организации?

Четвертая проблема – то, о чем говорилось во вступительном слове, что пролетариат нашей страны впервые дал человечеству пример и образец построения нового общества.

Когда мы, марксисты, говорим – пример и образец, мы не говорим, что это слепое подражание, обязательное копирование всего того, что происходит. Мне приходилось не раз напоминать, что, когда Ленин получил первое сообщение о победе революции в Венгрии, Ленин предварительно узнал, действительно ли там совершена революция, а затем, удостоверившись в этом, Ленин посылает Бела Куну телеграмму: «Только не копируйте нас, только слепо нам не подражайте, творчески применяйте наш опыт, используйте нашу революционную инициативу, используйте то, что мы сделали, чего добились очень дорогой ценой».

Создание нового общества – разве это не крупнейшая заслуга нашего пролетариата, наших трудящихся, авангарда всех трудящихся – нашей партии?

Я забыл на столе названия тем нашей конференции. У нас очень большие проблемы – в частности проблема создания морального облика российского

Свидетельства и документы

пролетариата. Это говорит о нашей попытке показать, как идеи социализма овладели пролетариатом и стали материальной силой.

Наконец, я бы добавил еще одну проблему, которая не стала такой яркой, как этого бы нам хотелось – это проблема того, что наши идеи, идеи нашей революции отмечало не только прогрессивное человечество, но и наши враги. Трудно представить себе, какое количество литературы вышло в ряде стран, враждебных нам, в связи с 50-летием.

На упоминавшейся здесь конференции, которая открылась в Москве, которая представляет большой интерес в смысле развития вопросов, связанных с рабочим движением, приводились потрясающие цифры – в Америке вышло более 200 работ, не считая нескольких десятков работ, тесно связанных с юбилеем, во Франции – более 150. Книжка Ферро – 1-й том, а он собирается опубликовать и второй, я только привез более полутора десятков книг. Капиталистический рынок весь заполнен этой литературой. Заниматься ею трудно, сложно. Вы прекрасно понимаете, что морально это напоминает такое занятие, когда Г. Гейне писал в «Зимней сказке», как он, прикоснувшись к родной земле, встретился с богиней, которая предсказала будущее господствующего класса. Мы с этим встретимся, когда будем рыться в этой литературе. Но мы должны заранее подготовить огромное количество материала, учитывая потребности, особенности национальные. Мы не можем наши толстые книги переводить. Среди докладов, намеченных нами, имеются доклады, посвященные борьбе с фальсификаторами. Это – перспектива нашей будущей научной работы.

Я бы только хотел к тому, что так хорошо было сказано тов. Гладкой, открывавшей нашу сессию, прибавить еще одно соображение. Юбилей мы отметим с вами. Мы отметили юбилей Октябрьской революции, как начало революции во всех странах. Но ведь через полтора месяца, 25 декабря, мы будем отмечать с вами 50-летие установления Советской власти на Украине. Мы будем с вами отмечать такое величайшее событие после начала Октябрьской революции в Петрограде, как переход власти в руки трудящихся огромной страны, в руки сынов и дочерей, которые плечом к плечу вместе со всей партией сражались против одного и того же врага. Это величайшее событие не только в истории Украины, но и в истории всей нашей страны и всего прогрессивного человечества. И очень приятно, что наша сессия является одним из звеньев той большой подготовки, которая ведется сейчас на Украине, к встрече этой большой даты. Я думаю, что если наша работа завершится успешно, а я в этом убежден, то те работы, которые будут опубликованы, сыграют большую роль в деле оказания помощи нашим пропагандистам, чтобы по-настоящему осветить это одно из крупнейших событий нашей революции.

Свидетельства и документы

Позвольте пожелать вам успеха в проведении конференций, и прежде всего пожелать успеха в том, чтобы она была закреплена изданием наших работ, многие из которых представляют большой интерес и настоящий вклад в исследовательскую науку. (*Аплодисменты*).

И.В. Ганевич: Товарищи, на нашей конференции присутствуют старые большевики, участники трех революций, потомственные рабочие. Слово предоставляется тов. Григорьеву, члену КПСС с 1918 г., участнику трех революций. Он неоднократно встречался с В.И. Лениным. В связи с 50-летием награжден орденом Ленина.

Ф. Григорьев (Одесса): Товарищи! Программа данной научной конференции очень обширна и насыщена самыми важными и актуальными проблемами для нашего молодого поколения строителей коммунизма, на долю которого выпало строить новое общество в обстановке острой классовой борьбы двух противоположных социально-политических систем на мировой арене. Разрешите мне выразить надежду и уверенность в том, что работа конференции, ее итоги, дадут нашей молодежи полное представление о том, какой кровью, трудами и потом было завоевано наше радостное и светлое настоящее.

Просмотрев программу конференции и темы докладов, мне хочется сказать очень кратко о том, что формировало сознание моих современников, что заставило их искать свое место в природе и обществе и решить вопрос – кто я, куда идти, кому служить? Делаю необходимую оговорку: я не говорю о пролетариате, о рабочем классе России вообще. На это я не имею ни данных, ни морального права. То, что будет мной сказано, относится к молодым рабочим-печатникам, к числу которых принадлежал и я, поступив с 12 лет учеником в типографию «Труд» в Петербурге. Положение семей рабочих того времени вам известно. Наша семья не была исключением из общего правила. Жили мы в одной из петербургских трущоб, так красочно описанных писателем Всеволодом Крестовским в его романе «Петербургские трущобы». Дети рабочих, едва достигшие 10–12 лет, становились к станку, благо спрос на детский труд был немалый. Четыре года учения. Четыре года на положении «битого мальчика». Четыре года труда, формально при 10-часовом рабочем дне, а фактически, при 12-часовом. Учились. Переносили все – и побои мастеров, и стремления отравить душу подростка, развратить его еще не окрепшее сознание. Все переносили, учась ненависти к барину, к хозяину, учились у жизни, имея в виду изучить мастерство, заполучить в свои руки самостоятельный кусок хлеба.

Свидетельства и документы

1904 год, русско-японская война. Усилился экономический и полицейский гнет. Усилилась безработица. К концу года положение стало таким, что фраза «лучше не жить, чем так жить» была не пустой фразой.

Стало известно нам, печатникам, что на Путиловском заводе начался конфликт, что дело идет к забастовке. После праздника Нового года обстановка в городе стала напряженной до предела. Мы, печатники, бастовали. Из всех типографий города, а их было на то время больше 200, работало только три, две ведомственных и одна частная. В агитации за забастовку участвовала и молодежь, ведя таковую преимущественно среди учеников. Затем стало известно, что все рабочие Гапоновского собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга в воскресенье 9 января пойдут к царю с жалобой.

Многие из жителей трущобы не верили, что из этой затеи выйдет какой-нибудь толк, но некоторые из моих сверстников решили пойти на Дворцовую площадь, просто из любопытства. В числе любопытных был и я со своим другом, учеником жестяно-кровельной мастерской господина Мигина. Пробраться было трудно – весь город был заполнен воинскими частями. На всех перекрестках стояли воинские заставы. То, что мы увидели на Дворцовой площади, т.е. массовое убийство ни в чем не повинных людей, разбило все наши юношеские мечты о благополучии в будущем. Со всей прямоотой и остротой поставлены были перед нами вопросы: «Кто ты?», «Куда пойдешь?», «Кому будешь служить?» Все прошлое было вычеркнуто, залито кровью моего смертельно раненого друга, кровью стариков, женщин и детей. Осталась только неистребимая ненависть ко всем и ко всему, что мешало рабочему стать Человеком с большой буквы.

Дальнейшие события: восстание на «Потемкине», Декабрьское вооруженное восстание в Москве, все события в ходе первой русской революции, вплоть до 1908 г., были для моего поколения суровой школой классовой борьбы, школой верности своему пролетарскому долгу.

Воспитывали нас и годы реакции. Большевистское подполье, в котором непреложным законом было: попался – кончай с собой. Если не удалось покончить, – молчи, молчи до тех пор, пока не убедишься, что вся ответственность падает только на тебя, что общее дело не пострадает. В суровой школе классовой борьбы, в условиях подполья, группа петроградских печатников была «пистолетом» в руках партии. Газета «Правда», вся подпольная печать, книжка А.М. Коллонтай «Кому нужна война?», листовки после июльских дней, в частности, листовка против Корнилова – вот путь к Октябрю, по которому шел один из отрядов рабочего класса – печатники-большевики.

Товарищи! В заключение хочу выразить надежду, что на очередной конференции, которая состоится в 1969 г., будут представлены материалы о роли

Свидетельства и документы

большевистской печати в деле воспитания рабочего класса в период первой русской революции, и особенно в период реакции, включительно до 1916 г. От всей души желаю вам успеха.

И.В. Ганевич: Слово предоставляется старому большевику тов. А. Романову.

А. Романов (Одесса): Дорогие товарищи! Старые большевики, красногвардейцы нашей областной партийной организации поручили мне передать самый пламенный большевистский привет участникам Всесоюзной научной исторической сессии. (*Аплодисменты*). Дорогие товарищи! Вы знаете, что в программе у вас нет выступления по истории, например, революционных событий в Одессе. Я только могу сказать, что 1 декабря 1917 г. мы будем отмечать начало борьбы в нашем городе. Хотелось бы, чтобы на этой сессии вопросы установления в Одессе Советской власти 17 января 1918 г. нашли свое отражение.

Позволю себе несколько слов сказать о том, какое я принимал участие в борьбе за Советскую власть. Будучи молодым солдатом досрочного призыва (мне было 20 лет в 1917 г.), я во время Февральской революции оказался на Румынском фронте. Вы знаете, что революционные настроения солдат привели к тому, что многие, попадая в госпитали, уже старались не уходить на фронт и не выполняли постановления Временного правительства Керенского. Я также с группой солдат вернулся в наш город, под угрозой расстрела полевым судом. Здесь я вступил в партию, вступил в Красную гвардию и вместе с ней участвовал в боях за завоевание советской власти в нашем городе. Мне посчастливилось познакомиться с легендарным матросом Железняком. Я был с ним до самой его смерти, и на моих глазах он погиб. Это легендарный матрос. Иногда мы нашей молодежи рассказываем, как прошла жизнь этого легендарного матроса.

Я всю гражданскую войну воевал. После гибели Железняка я служил под командованием Г.И. Котовского, командовал бронепоездом и в 1920 г. был награжден орденом боевого Красного Знамени. Прослужил в армии 32 года, сейчас я пенсионер, член общества «Знание», работаю с молодежью, являюсь агитатором.

Что я могу сказать научной конференции? Я могу сказать, что мы живем с вами в такое время расцвета науки и техники, в эпоху завоевания космоса. В 17-м году раздался выстрел с «Авроры», а в 1967 г. наш выстрел достигает Венеры. Вот путь нашей науки. Мы надеемся, что наши ученые пронесут нашу революционную эстафету и во втором 50-летию построят бесспорно светлое будущее человечества – коммунизм. (*Аплодисменты*).

Решения XXIII, XXII съездов мобилизуют наш народ на выполнение этих величайших задач. Мы – старые большевики – надеемся, что вы – ученые, пропагандисты второго 50-летия – эту эстафету пронесете в коммунизм, будете

Свидетельства и документы

интенсивно бороться за дело построения светлого будущего – коммунизма. (*Аплодисменты*).

И.В. Ганевич: Сейчас мы приступаем к выполнению основной повестки нашей конференции. Предоставим слово доктору исторических наук М.С. Волину из Института истории АН СССР (Москва) на тему: «Ленинское учение о гегемонии пролетариата».

М.С. Волин – доклад не стенографируется (доклад прилагается)³.

Заседание секции № 1
«Гегемония пролетариата в освободительном движении»
15 ноября 1967 г.

Председатель Ф.С. Горовой

Ю.З. Полевой (Москва): Мы собрались здесь не просто для того, чтобы отдать дань пролетариату в дни юбилея 50-летия Октябрьской революции, а чтобы подвести некоторые итоги изучения данного вопроса и нащупать те новые пути, по которым надо идти, чтобы двигаться дальше.

Что я усматриваю нового в докладах, в частности в докладе М.С. Волина? Новое я усматриваю в новом подходе к изучению ленинского наследия по этому вопросу.

Мы все знаем, что при изучении ленинского наследия вообще, и данного вопроса в частности, можно отметить два основных этапа. Первый этап – это освоение сущности учения Ленина о гегемонии пролетариата, концентрация внимания на том, что дал нового Ленин после Маркса и Энгельса в изучении данной проблемы в условиях новой исторической эпохи. Это в значительной мере сделано, но при этом неизбежным был догматический элемент изучения вопроса в статике, как суммы высказываний Ленина о гегемонии пролетариата. Сейчас новое состоит в том, что мы на нашей сессии делаем попытки изучения того, как развивались взгляды самого Ленина на проблему гегемонии в ходе развития революции, по мере обогащения теории практикой классовой борьбы пролетариата. И вот эта сторона дела принципиально важна и в научном исследовании, и в преподавании.

У нас была тенденция считать, что уже в «Друзьях народа» и в работах Ленина 1890-х годов по вопросу о гегемонии пролетариата и перерастании буржуазно-

³ См.: *Волин М.С. Учение Ленина о гегемонии пролетариата // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 года. Ч. 1. С. 7–25. Здесь и далее прим. публикаторов.*

Свидетельства и документы

демократической революции в социалистическую все было дано. Но реально общей картины развития взглядов Ленина на проблему гегемонии пролетариата у нас до сих пор еще нет.

В докладе Волина указаны основные направления дальнейшей разработки и конкретизации понятия гегемонии пролетариата. Но многое еще предстоит сделать. Главное состоит в том, чего нет в докладе, – это изучение революционного творчества самого пролетариата. Мы недостаточно придаем значение революционному творчеству самого пролетариата.

Два слова хочу сказать по докладу П.В. Волобуева⁴. Смелость докладчика я усматриваю в четком, категорическом признании факта, что пролетариат решительно поддерживал антифеодальную борьбу всего крестьянства. Некоторые историки цепляются за старое понимание данного вопроса. Конечно, в социалистической революции союз пролетариата с беднейшим крестьянством остается незыблемым в том смысле, что эти классы были носителями социалистической революции. Но люди нашего поколения, которые еще помнят 1917 год, могут подтвердить, что после советского декрета о земле прошла целая волна разгрома помещичьих имений, в которых принимали участие все слои крестьянства, причем кулаки тоже были активными участниками этих выступлений. Каждая социальная группа усматривала в этом декрете свой интерес. А через два месяца кулачество уже восстало против попыток идти дальше. Конечно, кулаки не были движущей силой Октябрьской революции. Это был буржуазный класс, который сразу после того, как были разгромлены помещичьи имения, показал себя как решительный враг.

Еще я хочу отметить в докладе М.С. Волина тему «Ленин как историк гегемонии пролетариата», предполагающую изучение того, что было дано Лениным по вопросу гегемонии пролетариата уже после завоевания власти пролетариатом. И здесь еще есть о чем подумать историкам.

П.Г. Галузо (Алма-Ата): Марк Самойлович Волин в своем глубоком развернутом докладе очень близко подошел к той тематике, о которой я собираюсь сегодня высказать свои соображения. Это демократические силы в колониальной системе Российской империи.

Павел Васильевич Волобуев тоже затронул эти вопросы, но подошел к ним не совсем с той стороны, с какой следовало бы подойти. Он совершенно верно

⁴ См.: *Волобуев П.В.* Пролетариат – гегемон социалистической революции в России // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 года. Ч. 1. С. 25–42.

Свидетельства и документы

констатировал, что у нас имеется ряд книг и статей, в которых изображают предпосылки революции 1917 г. в готовом, законченном виде чуть ли не в каждой области, в каждом крупном районе. Этот грех есть. Поэтому прежде всего надо сказать о структуре бывших царских колоний. Почти во всех работах до последнего времени говорилось, что на всех бывших (как говорят для осторожности или перестраховки) отсталых окраинах (надо сказать – колониях) также имелись все предпосылки для социалистической революции. Это мысль неправильная, ошибочная.

П.В. Волобуев: Почему был некапиталистический путь в Казахстане?

П.Г. Галузо: Некапиталистический путь развития после революции. Слабость постановки вопроса Павлом Васильевичем заключается в том, что он в этом вопросе не довел свою мысль до конца. Дело не в том, чтобы, говоря о колониальной системе российского империализма, искать там весь комплекс предпосылок социалистической революции.

Но если признать, а нынче мы уже все это признаем, что российский военно-феодальный и капиталистический империализм имел свою колониальную систему, то из этого следует, что в России было противоречие между империализмом военно-феодальным и капиталистическим, с одной стороны, и колониальной системой империи, с другой. Октябрьской революцией национально-колониальный вопрос был разрешен. Октябрьская революция была не только прорывом в системе мирового империализма, но также и прорывом в системе мировой колониальной системы. И поэтому проблема гегемонии пролетариата по существу распадается на два вопроса – на вопрос о рабочем классе, степени его организованности и его положении в данной стране, и на вопрос о демократических силах, возглавляемых рабочим классом, силах, которые призваны к решению не только демократических, но и социалистических задач революции.

Прежде всего, рассмотрим вопрос о том, почему такой отряд рабочего класса, как российский (в сравнении с английским или американским рабочим классом), оказался способным к тому, чтобы поставить и разрешить колониальный вопрос? Ответ на этот вопрос можно получить только при изучении истории Российской империи в целом. Что представляли собой наши царские колонии? Во-первых, это был единый рынок труда для всей империи. Это существенный момент, ибо мы знаем, что в американских колониях зарплата колониальных рабочих была в 10–12 раз ниже, чем зарплата рабочих в метрополии. Другое дело колонии в России. Именно единый рынок труда являлся причиной того, что «подкормка» рабочего класса за счет сверхприбылей, получаемых с колоний, у нас не получила такого развития, как в крупнейших капиталистических странах. Это значит, что в России, в отличие от других стран, не было экономических предпосылок для заражения

Свидетельства и документы

рабочего класса «колониаторскими» настроениями или они были выражены очень слабо.

Во-вторых, наличие колонии давило на зарплату рабочих самым ощутимым образом. Около миллиона русских переселенцев съездили в колонии и вернулись оттуда совершенно обездоленными людьми, давившими на рынок труда в России, снижая заработную плату рабочих. И поэтому естественна ленинская постановка вопроса о том, что рабочий класс, как и все трудящиеся метрополии, был заинтересован в ликвидации колониальной системы.

Теперь перейду к вопросу о крестьянстве. Когда мы говорим о местном национальном крестьянстве, которое вступало в союз с рабочим классом, то вопрос о нем разрешается не так сложно. Фактически данные, имеющиеся в распоряжении исследователя, свидетельствуют о том, что в XX в. сельское хозяйство российских колоний вступило в глубокий кризис. Российский капиталистический империализм не только эксплуатировал колонии, но фактически их пожирал, лишая этим самым себя даже самого объекта эксплуатации. Вторичный вывоз сырья уменьшался и уменьшался катастрофически, особенно в военные годы. Колонии как бы ослабевали в процессе выполнения своей функции быть аграрным придатком капиталистического империализма.

Трудность же объяснения союза пролетариата и колониального национального крестьянства заключается в наличии русских крестьян-переселенцев. Когда речь идет о национальном крестьянстве, то здесь довольно просто объяснить предпосылки союза пролетариата и крестьянства в Февральской и Октябрьской революции. Но когда мы ставим вопрос о русских переселенцах, то он оказывается более трудным. И дело не только в том, что он не разработан и в распоряжении историков еще недостаточно фактического материала. Дело в том, что до наших дней дожила теория, согласно которой сельское хозяйство переселенческого крестьянства развивалось по американскому пути. А между тем это неверно.

Данный тезис основан на очень примитивном логическом построении: переселенцы, уходящие из России, освобождались от гнета помещиков, который приводил к развитию в России капитализма по прусскому пути, а там, где нет этого гнета, развитие должно идти по американскому пути. Но как раз этого в России и не было.

Дело в том, что положение переселенческого крестьянства было таким же, как положение колониального крестьянства. Убежав от помещика, крестьяне не освобождались, а попадали под закабаление военно-феодальными империалистами, т.е. теми же помещиками на новых местах проживания крестьян-переселенцев. Это крестьянство было колониальным также потому, что подвергалось такой же точно колониально-капиталистической эксплуатации со стороны российского

Свидетельства и документы

империализма, которой подвергалось и местное крестьянство. Поэтому совершенно ясны предпосылки того, почему и местное, и переселенческое крестьянство при всей национальной розни, при всем стремлении царизма разжечь эту рознь, объединялось в единый фронт под руководством рабочего класса.

Проблема о наличии двух путей развития капитализма не была предметом исследования историков до самого последнего времени. Только сейчас начинают появляться некоторые работы на эту тему. А при более тщательном рассмотрении данной проблемы обнаруживается, что ленинская постановка вопроса о том, что в колониях капитализм развивался не по американскому, а по октябристско-прусскому пути в сельском хозяйстве, и постановка вопроса о переходе к социализму, минуя капитализм, – это две стороны одной и той же проблемы. В этом заключался стратегический план Ленина, направленный на подведение крестьянства через решение демократических задач революции к решению задач социалистических.

В итоге к решению вопроса о гегемонии пролетариата нужно подходить, исходя из интересов как рабочего класса, так и крестьянства. При этом организующая роль пролетариата общеизвестна. Неизвестно другое, – что ведущая роль рабочего класса в отношении колониального крестьянства при подведении его к решению задачи социалистической революции осуществилась также потому, что в России и переселенческое и местное крестьянство созрели и накопили стремление найти свое национальное и социальное освобождение за пределами капитализма. Позвольте, назову некоторые факты. Так, после Октябрьской революции в районах Средней Азии наша партия не только провозгласила, но и практически осуществляла уравнильный раздел земель. А кто породил эту идею? Где она родилась? Не наша партия ее родила, и не эсеры, а само крестьянство задолго до пролетарской революции, еще в конце XIX в. в колониальных районах. Там, где верховным собственником земли был российский военно-феодальный империализм, за землю боролись местные феодалы и крестьянство, чтобы отвоевать ее у царизма, водрузив свое знамя индивидуальной уравнильной земельной собственности. И этот лозунг дал реальные результаты.

У нас есть значительная статистика, которая показывает, в каких общинах (и довольно многочисленных), в частности казахстанских, осуществлялся уравнильный способ дележа покосов и некоторых других угодьев. Очень большую распространенность имело субрядье, которое было направлено против байского владения скотом. Большое распространение имела кооперация. Это была борьба против торгово-ростовщического капитала. Большое распространение получила борьба переселенческого русского крестьянства за местную общинную землю и пользование ею путем уравнильного дележа. Субъективно в эту борьбу

Свидетельства и документы

крестьянство вкладывало свое желание найти свое освобождение за пределами капитализма.

Таким образом, я убежден и стараюсь убедить всех, что пока мы не изучим как следует, по-ленински, колониальную систему российского империализма, до тех пор наше объяснение революции Февральской и Октябрьской представляется мне в урезанном виде. И если мы хотим показать гегемонию пролетариата в пролетарской революции, надо основательно, по-ленински, изучить противоречия, вытекавшие из наличия в России колониальной системы империализма.

М.С. Персов (Саратов): Тезисы моего доклада опубликованы⁵ и я не собираюсь их повторять, а имею в виду осветить сегодня ту сторону проблемы, которая в тезисах отражения не нашла, а именно тему: Ленин и воспитание народных масс в духе их ответственности за судьбу всей России как одна из сторон пролетарской гегемонии. Эти массы нужно было поднять, как говорил Ленин, из страшной темноты и невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Так характеризовал он ту массу, которую нужно было вести за собой. Все это означает, что идейно-политическое руководство рабочего класса было неотделимо от воспитания масс, от переделки их.

В связи с этим маленькое отступление. Вы, наверное, все следите за той дискуссией по национальному вопросу, которая идет за последние годы в журналах, в частности в «Вопросах истории». В этих статьях много говорится о том, в какой мере в рабочем классе проявляются черты, присущие его нации. И никто не задумывается о том, что, с точки зрения Ленина, рабочий класс имеет не только и не столько черты, свойственные всей его нации, сколько сила, переделывающая, перевоспитывающая эту нацию. Эту сторону дела мне и хочется отметить. Говорит Ленин и о том, что народные массы нужно вывести из страшной отсталости. И он вспоминает о творчестве Л.Н. Толстого и говорит, что в нем проявились порожденные веками крепостного строя черты русского крестьянства. Как известно, все это очень ярко проявилось в ходе первой русской революции, когда лишь меньшая часть крестьянства действительно боролась со своими врагами, а большая часть плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», совсем в духе Толстого.

Теперь я хочу перейти к той стороне вопроса, которая совершенно не затронута в тезисах, и которая неизбежно выдвигается, когда занимаются изучением

⁵ См.: *Персов М.С.* В.И. Ленин о воспитании народных масс как одной из сторон гегемонии пролетариата // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 года. Ч. 2. С. 23–27.

Свидетельства и документы

этой проблемы. Я хочу обратить ваше внимание на то, что эта проблема воспитания крестьянских масс и переделки их сознания и психологии имеет у Ленина еще и национальный аспект. Борьба Ленина против гнета и эксплуатации выражала не только общую ненависть трудящихся против их угнетателей. Это выражало также и ненависть Ленина к злейшим врагам русской нации. Ленин глубоко любил свой народ и свою родину, он радовался, что великий русский народ идет во главе освободительного движения России, что великорусская нация также создала революционный класс, также доказала, что она способна дать человечеству великие образцы. Ленин горячо любил передовую русскую культуру, гордился, что русский народ породил великих мыслителей и художников.

С исключительной остротой выразил Ленин чувства русской национальной гордости в 1911 г., определяя задачи большевистской агитации в избирательной кампании в IV Государственную думу. Нужно, писал Ленин, давать лозунг, способный вызвать энтузиазм в массе пострадавших от русской жизни, изболевшихся от позора быть русскими. Для Ленина политика царизма – это не только угнетение народных масс, это вместе с тем нахальный вызов всем русским людям, в ком осталась хоть капля порядочности, хоть чуточку гражданского мужества. «Мы, великорусские рабочие, – писал Ленин в статье "О национальной гордости великороссов", – полные чувства национальной гордости, хотим, во что бы то ни стало, свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великой России» – государства, свободного от угнетения других народов унижающего великую нацию.

Таким образом, гегемония пролетариата в борьбе за создание нового общественно-политического строя в России есть для Ленина вместе с тем и средство создать строй, достойный великой нации, за который представителям этой нации не надо было стыдиться, а которым они могли бы гордиться.

И.А. Ушаков (Ленинград): Вопрос о гегемонии пролетариата в первой русской революции изучен, на мой взгляд, недостаточно и в имеющихся работах рассматривается чисто теоретически, без достаточного подкрепления фактическим материалом. Так, недостаточно изучена деятельность демократической интеллигенции, служащих, учащихся средних учебных заведений и даже более отсталые слои самого пролетариата изучены в плане их взаимоотношений с рабочим классом.

Мне кажется, что в докладе Л.М. Иванова⁶ есть некоторое увлечение характеристикой ряда организаций, работавших среди рабочих, как монархических,

⁶ См.: *Иванов Л.М.* Пролетариат и самодержавие: некоторые вопросы идеологического воздействия царизма на рабочих // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония).

Свидетельства и документы

а не демократических (народные театры, народные библиотеки, союз учителей и др.), хотя под их прикрытием велась и революционная пропаганда.

А.И. Прийменко (Донецк): Хотя в 1906–1907 гг. профессиональные организации в России росли, как грибы, но в период реакции они подверглись страшному разгрому. Последние профсоюзы горнопромышленного района Юга были закрыты летом и осенью 1909 г. Самый массовый разгром профсоюзов в горнопромышленном районе Юга произошел в октябре 1907 г., когда были закрыты 25 профсоюзов, и в июне 1910 г. в Екатеринославле их оставалось лишь 9. На всем Юге России в ноябре 1910 г. насчитывалось 167 профсоюзов, в том числе 8 союзов хозяев, предпринимателей и др. По нашим подсчетам, в 1911 г. в Южном горнопромышленном районе действовали 6 профсоюзов. Что касается влияния в этих союзах партийных организаций, то его оказывали не только большевики, но и меньшевики, эсеры, бундовцы, еврейские и украинские националисты.

Кооперативные потребительские общества в этом районе были известны давно и не возникли так сразу. Но после периода реакции кооперативное движение вступило в третью стадию своего развития. И здесь возникают очень мощные, крупные кооперативные объединения, прежде всего в Екатеринославле, Луганске, Юзовке, Николаеве и др. Эти организации насчитывали пайщиков в момент восстановления и до Первой мировой войны в количестве от 500 до 2,5 тысяч человек. И руководство этими крупными кооперативами Луганска, Екатеринославля, Мариуполя осуществляли представители социал-демократических организаций. Судя по сообщениям екатеринославского губернатора, из 70 кооперативных обществ Екатеринославской губернии 12 считались нелояльными к власти.

Кроме того, местные кооперативные союзы и потребительские общества стремились к созданию региональных союзов. И создали Потребительское общество Юга России. В его правлении работал известный нам всем С.В. Косиор, он поддерживал тесную связь с местными большевистскими организациями, в частности с Донбассом. Однако, несмотря на некоторую активность кооперативного движения, местные кооперативы и правления отдельных кооперативов увлекались чисто коммерческой деятельностью.

Часто кооперативы испытывали на себе влияние администрации, хотя наблюдалась тенденция к созданию независимых профсоюзов, но рудничные кооперативы зависели от рудничной администрации. Наряду с кооперативами и деятельностью оставшихся профсоюзов в этот период усиливается деятельность библиотек и рабочих клубов. По нашим сведениям, накануне Первой мировой войны

Свидетельства и документы

не было среди горняков ни одной библиотеки, а к моменту ее начала было 6 рудничных библиотек и один рабочий клуб. Было также 12 библиотек среди рабочих металлургической промышленности и 2 клуба машиностроительных предприятий. Существовала большая система различных просветительских обществ и кружков. Появилось много футбольных команд, т.к. в то время в России увлекались футболом. Некоторые футбольные команды использовали для проведения своей работы местные социал-демократы.

Еще одна форма легальных организаций – больничные кассы. Число их было невелико. Начали возникать они в 1913 г., и к началу Первой мировой войны их насчитывалось около 60. Численность рабочих, состоявших в больничных кассах, было незначительно. Это были в основном металлисты. Что касается шахтеров, они были охвачены этими кассами слабо.

Легальные организации Юга в период нового революционного подъема сыграли определенную роль в подъеме политической активности и в защите экономических интересов местных рабочих.

П.И. Гарчев (Харьков): Прежде всего, хотел высказаться по поводу выступлений на секции. Очень интересным был доклад П.Г. Галузо, хотя мне кажется, что он был не совсем прав, упрекая проф. П.В. Волобуева, что он не осветил такой важный вопрос, как вопрос о противоречии между русской военно-феодальной монархией и национальными окраинами. Это важный вопрос. Но следует, очевидно, иметь в виду, что это самостоятельный вопрос и в содокладах ставится ряд вопросов, касающихся этой проблемы. Интересна мысль о том, что идея уравнительного землепользования возникла в XIX в. среди крестьян национальных окраин. На мой взгляд, дело тут не в национальных окраинах и характере крестьянства, а в том, что тут более живучи были традиции общинного землевладения.

У меня по программе нашей сессии намечен доклад на тему «Красная гвардия Украины в борьбе за диктатуру пролетариата в июле–августе 1917 г.»⁷ К настоящему времени опубликовано более 20 исследований по этому вопросу, но пока нет ни одной монографии обобщающего характера.

До последнего времени в нашей историографии не различали вопросы истории рабочей милиции от вопросов истории Красной гвардии. До сих пор многие утверждают, что Красная гвардия на Украине возникла почти во всех городах уже весной 1917 г. На самом деле вопрос обстоит совсем не так. Красная гвардия на

⁷ См.: *Гарчев П.И.* Красная гвардия Украины в борьбе за диктатуру пролетариата // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 года. Ч. 2. С. 70–73.

Свидетельства и документы

Украине весной и летом 1917 г. существовала только в 4 городах – Одессе, Харькове, Киеве и Екатеринославле. В других городах существовали боевые дружины рабочей милиции, которые выполняли милицейские функции. Красная гвардия на Донбассе начинает создаваться в ноябре–декабре 1917 г., а в Луганске – в период корниловщины. Нужно сказать, что именно поэтому наши историки часто утверждают, что рабочая милиция и Красная гвардия – это одно и то же. Но в состав Красной гвардии вошло ядро рабочей милиции и только в тех местах, где работа милиции находилась под влиянием большевиков.

В Киеве большевики ставили задачу организации Красной гвардии в апреле–мае 1917 г. До июля, а не после ноября, существовали в основном боевые дружины. В состав их входили мастера, представители администрации, и только после корниловщины взялись за реорганизацию боевых дружин в Красную гвардию. Большевикам Киева, благодаря тому, что в исполкомах стали преобладать большевики, удалось создать штаб Красной гвардии и реорганизовать боевые дружины в рабочую милицию, но этот процесс до октября в Киеве завершен не был. В общем, выводы, к которым я прихожу, таковы. На Украине в канун Октября только начался процесс создания массовой Красной гвардии, причем даже в таких крупных центрах Украины, как Горловке и других районах Донбасса, красногвардейцев насчитывалось примерно по 250 человек. Об этом свидетельствуют анкеты делегатские, где указывалась численность Красной гвардии. В других местах Украины Красная гвардия была очень малочисленна. По моим подсчетам, на Украине было всего не более 15 тыс. красногвардейцев, половина которых была сосредоточена в Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославле. В Донбассе только начинали создавать Красную гвардию. Главной причиной было отсутствие там ружей. В октябрьские дни 1917 г. Красная гвардия была вооружена лишь на одну треть. Красная гвардия превращалась в массовую организацию только в ноябре–декабре 1917 г. Только в это время удалось решить вопрос о вооружении и ряд других. Во многих местах создавались штабы Красной гвардии, причем многие историки считают, что они возникли летом или в начале осени 1917 г. По материалам большевистской газеты «Красный пролетарий» видно, что эти штабы создавались в конце октября–ноября, а в начале декабря был создан общегородской штаб Красной гвардии. В Донбассе штабы возникли в ноябре–декабре, в конце декабря возник центральный штаб Красной армии в Донбассе. По вопросу о создании центрального штаба Красной гвардии Донбасса имеется много разных мнений. Можно найти утверждения, что он был создан уже в начале сентября 1917 г., но этого быть не могло, т.к. по сохранившемуся документу видно, что это было 6 марта 1918 г.

Свидетельства и документы

Г.А. Трукан (Москва): Позвольте мне высказать несколько соображений по докладу П.В. Волобуева о гегемонии пролетариата в социалистической революции и о механизме ее действия.

Численность рабочего класса в период от февраля к октябрю 1917 г. изменилась незначительно, а его социально-политический состав за это время не стал хуже, а темпы процесса снижения зарплат рабочих после свержения царизма замедлились, хотя и улучшения их экономического положения тоже не наблюдалось. В марте–апреле 1917 г. была создана примерно половина Советов рабочих депутатов. В Петрограде – на средних и крупных предприятиях, в Москве – на крупных и крупнейших, где был сосредоточен тогда цвет рабочего класса – главная сила социалистической революции. При этом абсолютной грани, разделяющей гегемонию пролетариата в демократической и социалистической революции, не было.

Н.А. Мохов (Ставрополь): Часто авторы в понятие гегемонии включают только понятие вождя, руководителя, забывая о другой ее стороне – воспитании, организации и пропаганде социалистической идеи среди самих рабочих и в других демократических слоях. А после октября 1917 г. у пролетариата как гегемона появляется еще и государственная власть, его диктатура, и связанное с ней насилие. Но П.В. Волобуев считает, что в социалистической революции пролетариат выступил вместе со всем крестьянством. Это в целом неверно, и можно говорить о подобной расстановке классовых сил только в отдельных районах, в виде исключения. В целом же союз у пролетариата был в 1917 г. только с беднейшим крестьянством.

И.Ф. Мужев (Нальчик): Пролетариат Северного Кавказа отличался рядом особенностей (этническая пестрота, неравномерное экономическое развитие различных регионов). У одних народов имелись очаги крупной промышленности, как, например, Грозный, у других были только зачаточные формы капитализма, а у третьих главным образом была кустарная промышленность и ремесла. Это отразилось и на идеологии рабочих Северного Кавказа. Народы этого региона испытывали на себе и различные формы угнетения, начиная от средневековой кабалы до современной капиталистической эксплуатации.

В связи с этим решается и вопрос о союзнике пролетариата – крестьянстве. Опять-таки это понятие на Северном Кавказе весьма многолико. Основная его группа – это казачество, которое составляет основную массу населения казачьих областей Терека, Кубани и других рек, представляла собой достаточно обеспеченную жильем привилегированную группу населения, которая держала русское население в определенной зависимости от себя. Пришлые же крестьянство составило около 50% населения, было безземельным, жило за счет аренды земли и

Свидетельства и документы

найма в хозяйстве зажиточного казачества и противостояло казачеству. Третья группа – это крестьянство в обычном понимании слова как в русских центральных районах. При этом крестьянство в Ставропольской губ. испытывало на себе помещичью эксплуатацию. Четвертая же группа – это горское крестьянство, которое находилось на разных ступенях развития и испытывавшее разные формы угнетения.

Из этого следует, что на Северном Кавказе был завязан очень тугий узел экономических, социальных, сословных, национальных противоречий и потому перед пролетариатом стояли очень сложные задачи осуществления гегемонии в отношении многонационального населения Северного Кавказа. Здесь главным фактором было наличие по соседству двух крупных центров рабочего движения – Ростова-на-Дону и Баку. Влияние Ростова со своими сложными традициями рабочего движения и Баку оказало сильнейшее воздействие на революционное движение на Северном Кавказе. Но народы Северного Кавказа ощущали на себе в сильнейшей степени национально-колониальный гнет царизма, и на этой почве на Северном Кавказе развивалось мощное национально-освободительное движение.

Как развивалось рабочее движение на Северном Кавказе непосредственно в те годы, которые предшествовали революции 1917 г. В 1915 г. здесь было 60 стачек, в которых участвовало 25 тыс. рабочих. В общей сложности в военные годы были проведены 150 стачек с участием 65 тыс. рабочих.

Заседание секции № 1
«Гегемония пролетариата в освободительном движении»
16 ноября 1967 г.
Председатель⁸

Г.Х. Узбекова (Казань): Мне хотелось обратить внимание еще на один аспект проблемы гегемонии – аспект тактический. Специальная тема моих научных интересов – это компромиссы и соглашения, при помощи которых пролетариат осуществляет свою гегемонию, руководство непролетарскими классами и партиями. Поскольку эта тема специфическая и имеет частное отношение к проблеме гегемонии, я этот вопрос освещать не буду и ограничусь дополнительными соображениями по обсуждаемым проблемам.

Всем известны основополагающие тезисы «Манифеста Коммунистической партии», определяющие отношение пролетариата к другим классам и партиям. Как известно, пролетариат должен поддерживать всякое оппозиционное движение

⁸ Председатель не указан.

Свидетельства и документы

против существующего строя. Но интересно замечание Ленина, сделанное в 1902 г., что эти слова Маркса и Энгельса часто понимают слишком узко, не распространяют их на поддержку либеральной оппозиции и на буржуазную демократию в целом в эпоху буржуазно-демократической революции по формуле: «Вместе бить, но врозь идти». Пролетариат идет вместе с той частью буржуазной демократии, которая способна на борьбу с царизмом, но не с той ее частью, которая склонна к сделке с врагом. После победы буржуазно-демократической революции, ленинская формула гласит: пролетариат на этапе социалистической революции идет вместе с той частью буржуазной демократии, которая способна идти вместе с ним в союзе с беднейшим крестьянством. Таким образом, Ленин определяет важнейший принцип в методе осуществления гегемонии пролетариата как фактическое совместное участие в борьбе, как боевое соглашение для борьбы и на борьбу. Вот почему этот критерий позволял партии на каждом этапе освободительного движения отделять борющихся от болтающих, от предателей. Именно в этом первостепенном внимании и заключается принципиальное значение и принципиальный смысл ленинской идеи гегемонии пролетариата.

Е.В. Сизоненко (Одесса): Тезисы моего доклада не опубликованы, поэтому разрешите остановиться на их содержании. Одна часть моей темы звучит так: «Сельскохозяйственный пролетариат в авангарде революционного движения крестьянских масс накануне Октября (по материалам юга Украины)».

Еще в 1920–1930-х годах появился ряд интересных работ с постановкой вопроса о сельскохозяйственных рабочих и их роли в революционном движении. И среди этих работ на первый план можно поставить работу А.З. Шестакова «Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве», изданную еще в 1924 г. Однако вопрос в целом, с моей точки зрения, еще не получил полного освещения.

Что же собственно представлял собой сельскохозяйственный пролетариат юга Украины, и какова его роль в общедемократическом движении и движении за разрешение вопросов социалистической революции? Мне хочется напомнить, что развитие капитализма в сельском хозяйстве проходило неравномерно. Юг Украины принадлежал к такому району, где капитализм глубоко проник в сельское хозяйство, и где меньше было остатков крепостничества. При этом крупное капиталистическое сельскохозяйственное производство Юга предъявляло такой спрос на рабочую силу, который местный сельскохозяйственный пролетариат и беднейшее крестьянство покрыть не могли. В значительной степени помещичьи экономии и кулацкие хозяйства базировались на пришлой рабочей силе.

Нужно сказать, что численный состав сельскохозяйственного пролетариата еще глубоко не изучен. Конечно, требуется полное изучение архивных источников, так

Свидетельства и документы

как документов мало. Но все они позволяют судить о большом скоплении сельскохозяйственных рабочих в степной Украине.

Кто же эти рабочие? В Екатеринославской губ. накануне Первой мировой войны было 100 тыс. пришлых (из Центральной России и из северных губерний Украины) сельскохозяйственных рабочих, в Таврической – 130 тыс., в Херсонской – 150 тыс. Если посмотреть на данные по отдельным годам, то по данным только земской управы Екатеринославской губ. в 1912 г. зарегистрировано пришлых рабочих 59 800 человек. Из них сельскохозяйственных рабочих 32 тыс., т.е. более половины. Взрослые рабочие составляли в том году 70%, а женщины 27%. А вообще накануне империалистической войны и во время нее женщины составляли 54% пришлых сельскохозяйственных рабочих. И там, где больше концентрация сельскохозяйственных рабочих, там в селах революционными выступлениями охвачено значительное количество беднейших и средних крестьян.

Нужно сказать, что большевики вели среди сельскохозяйственных рабочих большую работу, особенно на пунктах скопления этих рабочих, особенно в Херсонской и в Екатеринославской и менее в Таврической губ. Борьба сельскохозяйственных рабочих с помещиками и кулаками проходила в форме забастовок, когда они выдвигали требования увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, обязательного воскресного отдыха, обеспечения нормальных жилищных условий и т.д. Но интересно отметить, что среди этих требований было и требование отнять у помещиков и кулаков землю и раздать ее крестьянам.

За время нового революционного подъема и до 1917 г. насчитывалось 11 выступлений сельскохозяйственных рабочих, причем 7 из них захватили и крестьянство близлежащих деревень. В 1911 г. в Днепровском уезде аграрное движение началось с забастовки сельскохозяйственных рабочих и охватило весь уезд. В разгар полевых работ в 1912 г. бастовали рабочие в Таврической губ. Есть данные о сельскохозяйственных забастовках в Херсонской и Екатеринославской губ.

Анализ этого материала дает возможность сделать следующие выводы: сравнительно высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве Юга и глубокое расслоение крестьянства оказывали прямое влияние на содержание и формы классовой борьбы в южноукраинской деревне, особенно в районах свеклосахароварения. Сельскохозяйственные забастовки были действенным средством борьбы сельских пролетариев и полупролетариев за выдвигаемые ими требования. Революционные массовые стачки явились одним из самых действенных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства, пробуждения его политической самостоятельности. Забастовки усиливали организованность беднейшего крестьянства, способствовали

Свидетельства и документы

росту классового сознания трудящихся масс деревни, вовлекали их в революционную борьбу против помещиков и буржуазии, а главное – облегчали процесс мобилизации трудящихся деревни вокруг пролетариата как естественного союзника и руководителя крестьянства. Все это не могло не иметь важных последствий в ходе развития союза рабочего класса и крестьянства в период второй буржуазно-демократической и социалистической революции в России.

Рожденная Великой Октябрьской социалистической революцией советская власть национализировала промышленность, транспорт, банки и утвердила общественную собственность на средства производства.

Теперь несколько замечаний по докладу проф. П.Г. Галузо. Были высказаны очень интересные мысли, заставляющие задуматься историков Украины, вопрос о гегемонии пролетариата и о союзнике рабочего класса – крестьянстве. Недостатком оргкомитета являлось то, что такие принципиально важные вопросы не нашли отражения в напечатанных материалах. П.В. Волобуев считает, что в первый период после победы Октября все крестьянство выступало в союзе с пролетариатом. Но на Украине, особенно на юге, даже на первом этапе после победы Октября кулачество, и в том числе кулачество немецкое, конечно, не выступало в союзе с крестьянством. Оно видело своего противника больше в трудовом крестьянстве, чем в буржуазии.

Вопрос: Вы формулируете в своем выступлении, что сельскохозяйственный пролетариат стоял во главе борьбы. А чем вы это докажете? Что я имею в виду? В момент массовых крестьянских выступлений на юге Украины пришлых рабочих снимали и выгоняли с работы.

Ответ: Были случаи, и они даже не единичны, когда шел наем сельскохозяйственных рабочих, и когда был большой их приток, то помещики и кулаки старались подешевле купить эту рабочую силу и поэтому цена на нее снижалась. И тогда местный пролетариат и крестьянство, даже среднее, которое уходило часто наниматься к кулаку, было недовольно притоком пришлых рабочих, и в отдельных экономиях крестьяне даже снимали пришлых рабочих. Но это не исключает того положения, что сельскохозяйственный пролетариат стоял в авангарде борьбы.

На чем я основываюсь? Я основываюсь на ряде донесений жандармерии, например, о том, что в селе Петрово забастовали пришлые сельскохозяйственные работники в одном из имений. И эта забастовка привлекла внимание крестьян, которые начали погром помещичьих имений. Таких фактов немного, но они свидетельствуют именно об этом. Есть архивные документы, свидетельствующие, что, например, в Таврической губ. батраки убеждали крестьян, что им нужно бороться за землю и свергнуть царя.

Свидетельства и документы

К.Д. Петряев (Одесса): Когда мы обсуждаем вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, то все его частные аспекты в конечном итоге упрутся в само понятие гегемонии. К сожалению, ни в одном из представленных докладов оно подробно не рассматривается. Между тем гегемония – понятие двойственное, с одной стороны, – социальное, а с другой – политическое, причем оба они, как правило, не совпадают, если речь идет о борьбе пролетариата в антагонистическом обществе.

С одной стороны, с социальной точки зрения, пролетариат не мог отказываться от временного соглашения и союза с колеблющимися элементами, если они в данный момент могли быть использованы в борьбе против общего врага. Но, с другой стороны, не снималась и политическая задача изоляции колеблющихся и неустойчивых элементов, особенно в решающий момент борьбы за власть.

П.Ф. Решодько (Харьков): Мы говорим, что рабочий класс боролся за крестьянские массы, и я задался целью проследить каналы, по которым рабочие непосредственно проводили большую работу в деревне. Мы знаем, что после Февральской революции крестьяне на десятках, сотнях митингов принимали резолюции в поддержку Временного правительства и партии эсеров. Но уже в марте–апреле 1917 г. и особенно после июльских событий крестьяне стали принимать резолюции с критикой политики Временного правительства и требованием перехода власти в руки Советов, ликвидации войны и коалиции с буржуазией во Временном правительстве. Поэтому я никак не могу согласиться с той тенденцией историков Российской Федерации и Украины, которые сводят крестьянское движение в 1917 г. главным образом к аграрному движению, т.к. этим мы сильно обедняем крестьянское движение.

П.В. Волобуев ошибочно писал в своих тезисах, что политическую борьбу рабочего класса накануне Октября 1917 г. поддержало якобы все крестьянство. Он говорит, что это, якобы, не меняет формулировки Ленина. Но разве кулаки требовали в 1917 г. социалистической революции? Разве кулаки были заинтересованы в ликвидации войны и передаче власти в руки Советов? Неправильно, что пролетариат шел в октябре 1917 г. со всем крестьянством в решении вопросов, которые не решила Февральская революция. Мы не можем после победы Октябрьской революции показывать крестьянское движение только как аграрное движение. Факты показывают, что беднейшее крестьянство в значительной степени в ноябре 1918 г. активно боролось за советскую власть вместе с пролетариатом и во многих селах во всех уездах на Украине способствовало созданию отрядов Красной гвардии.

Свидетельства и документы

П.С. Горовой (Пермь): Отрядным событием являются не только систематически проводимые конференции по истории рабочего класса, но и содержание их работы, так что когда товарищи переходят от стрельбы цитатами к анализу фактов и обобщениям, даже если они спорны, это отрядный факт. Очень ценными были доклады на пленарном заседании. Я считаю, что выступление П.В. Волобуева следовало бы обсудить на специальной конференции. Когда партия большевиков стала партией социалистической революции – в апреле или в другое время, с беднейшим крестьянством или со всем крестьянством шли рабочие? Следует отметить два этапа революции и триумфальное шествие советской власти. Как бы мы ни ценили Питер и Москву, хотя они главным образом и определили дальнейшую политику советской власти, без поддержки периферии социалистическая революция не имела бы характер триумфального шествия.

Исключительно интересным было выступление П.Г. Галузо. Было бы правильно, если бы он сделал доклад на пленарном заседании. С ним можно спорить, не согласиться, научная общественность должна более широко высказаться по этому поводу.

Я слышал выступления многих товарищей и думаю над вопросом о моральном облике рабочего класса. Почему же никто не выступил по вопросу о влиянии прогрессивной интеллигенции, в том числе студенчества, на формирование моральных качеств рабочего класса? А разве прогрессивно настроенные врачи не влияли на рабочих? Все эти процессы надо изучить. Ведь сам рабочий класс не мог выработать у себя все эти качества, они были внесены в его сознание извне.

Несколько слов о содержании того сообщения, которое я должен был сделать в соответствии с опубликованными тезисами⁹. До февраля 1917 г. стачки на Урале получили большое распространение. После же февраля мы их наблюдаем только во второстепенных отраслях промышленности, тогда как в горнозаводских отраслях стачек нет. В чем тут дело? Дело в том, что уральские рабочие работали неполную неделю, и для них потерять работу было большой трагедией. Поэтому они боролись другими путями: изгоняли администрацию и добивались через Комитет общественной безопасности удовлетворения своих требований. За 4 месяца 145 представителей администрации были вывезены на тачках. Рабочие на практике осуществляли то, что мы называем распределительным рабочим контролем. Если администрация оставляла завод, рабочие возвращали ее, заставляли работать, ставили под контроль. Известен факт, когда Жеребковская фабрика была рабочими

⁹ См.: *Горовой Ф.С.* Особенности рабочего движения на Урале в период от февраля к октябрю // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 года. Ч. 2. С. 66–70.

Свидетельства и документы

секвестирована до Октябрьской революции. Когда администрация объявила локаут и уволили 37 тыс. рабочих, 1 сентября 1917 г. была объявлена забастовка 180 тыс. рабочих. Две крупные стачки провели железнодорожники. Это показало зрелость пролетариата. Думали даже о том, что если даже революция потерпит поражение в столице, центр борьбы должен быть перенесен на Урал.

Комитеты общественной безопасности и общественного содействия на 2/3 состояли из рабочих. На заводе Комитет общественной безопасности устанавливал рабочий день, снял директора завода, создал рабочую милицию. В целом работа нашей секции прошла нормально и отразила уровень развития нашей исторической науки.

Заседание секции № 2

«Морально-политический и культурно-бытовой облик пролетариата на различных этапах освободительного движения»

15 ноября 1967 г.

Председатель М.Е. Раковский

М.Е. Раковский (Одесса): Разрешите начать работу нашей секции. Хотелось бы обратить внимание на следующее. Так как тезисы докладов опубликованы, то хотелось бы, чтобы наши уважаемые товарищи не повторялись, а выступали по тем вопросам, которые или разъясняют проблему, или связаны с докладами на пленарном заседании, или связаны с теми дополнениями, которые необходимо внести к уже опубликованным тезисам. Возражений не будет? Нет.

К.Н. Тарновский (Москва): До сих пор проблемой облика российского пролетариата советские историки рабочего класса занимались мало. Очень часто, трактуя понятие «облик российского пролетариата», товарищи напевают или на революционную борьбу, или на положение пролетариата, включая, так или иначе, эти вопросы в трактовку данной большой темы. Разъединить все это действительно невозможно, т.к., с одной стороны, рабочее движение есть и средство формирования облика российского пролетариата, а с другой – является критерием его революционности. И тем не менее, несмотря на то, что неясности в проблеме облика российского пролетариата существуют, очень хотелось бы, чтобы коллеги исходили не только из личного подхода к решению этой темы, но и опирались на материалы, которые всем розданы, и попытались подойти к этому вопросу более широко, более всесторонне и более всеобъемлюще.

Свидетельства и документы

Это – первая просьба, которая имеется к участникам. Вторым вопросом, который хотелось бы поставить сегодня перед обсуждением этой большой проблемы. Так или иначе, все товарищи, обсуждая эту большую проблему, [ставили] этот вопрос об уровне или характере сознательности рабочего класса, уровне и характере его революционности. Он, на мой взгляд, требует обсуждения. Если брать материалы нашей секции в целом, а она проходит в форме обсуждения отдельных сообщений, то в ряде случаев мы видим характеристику облика российского пролетариата на примере Украины, центральных губерний, Петербурга, Сахалина, Польши. Разные регионы, разная степень развития промышленности, разный уровень классового сознания и революционности рабочих России в конце XIX – начале XX столетия. При этом все же именно революционность является главной их чертой, на чем сходятся все авторы, представившие соответствующие сообщения в нашей секции.

Совершенно очевидно, что если уровень сознательности рабочих России уступал уровню сознательности рабочих Западной Европы, то уровень революционности рабочих европейских стран уступал уровню революционности рабочих России. С чем это связано? Объяснять все это какими-то специфическими свойствами русского характера, славянской души, как это делается на Западе, для марксистов не годится, и вопрос о том, почему на Западе уменьшилась революционность, которая была там раньше, – этот вопрос, на мой взгляд, нуждается в объяснении, рассмотрении и уточнении.

И в этой связи последний вопрос, на котором мне хотелось бы сосредоточить внимание собравшихся. Возможно, стоит связать проблему облика российского пролетариата с общими экономическими условиями развития российского капитализма, а затем и империализма, потому что последние исследования в этой области, проведенные исследователями российского монополистического капитализма, позволяют поставить вопрос о типе российского капитализма и российского империализма в целом. Целый арсенал средств в эпоху первоначального накопления капитала – это то, что отличает капитализм России от стран Западной Европы и Америки. Не связан ли общий уровень развития и характер монополистического капитализма в России с обликом российского пролетариата, с характером его революционной борьбы, с характером его революционности как основной черты облика рабочего класса.

Само собой, я не могу исчерпать ряд вопросов, которые следовало бы обсудить в нашей секции. Каждый участник, очевидно, сам выделит эти общие вопросы и поставит их на обсуждение.

И.М. Пушкарева (Москва): Я сейчас работаю над изучением революционного движения в очень разнородной социальной среде железнодорожников в 1905–1917 гг. При этом на примере железнодорожников, работавших в первую очередь в

Свидетельства и документы

железнодорожных мастерских и в депо, хорошо прослеживается гегемония пролетариата в общедемократическом движении и его революционизирующее влияние на другие социальные категории трудящихся.

Советская историография правильно показывает первый источник революционизации железнодорожников, – их экономическое положение и коренные экономические интересы, но иногда чувство меры покидает здесь исследователей, которые все выступления рабочих и служащих объясняют только этим. Такие же «перекосы» есть и в объяснении спада революционного движения работников железнодорожного транспорта в 1917 г. – фильтрацией состава рабочих и служащих и ролью полицейского государства. Еще с 1920-х годов встречаются сетования на то, что пролетарии среди железнодорожников были подавлены полупролетарскими мелкобуржуазными элементами.

Эти три вопроса в историографическом плане требуют уяснения. Армия железнодорожников была неоднородна по составу. Треть в ней составляли выходцы из крестьянства (работники службы пути); вторая группа – это линейные служащие, в основном связанные с дворянским и мещанским сословием. И наконец, третья, пролетарская группа, – рабочие железнодорожных мастерских и депо, которых Ленин причислял к числу рабочих крупных капиталистических предприятий. Они начинали первые забастовки, выступая за решение самых наболевших общедемократических вопросов. В 1905–1917 гг. армия железнодорожников увеличилась на 250 тыс. человек, но соотношение рабочих и служащих на железных дорогах больших изменений при этом не претерпело. Наблюдался рост кадров железнодорожных рабочих с большим стажем работы, вызванный необходимостью расширения железнодорожной сети и всего транспортного хозяйства в первую очередь за счет квалифицированных работников. Поэтому, несмотря на все старания, правительству не удалось избавиться от тех железнодорожников, которые с 1905 г. были застрельщиками революционных выступлений этого важного отряда всего российского пролетариата. Мне кажется также, что нельзя делить весь состав железнодорожников на пролетарскую массу и железнодорожных служащих как массу второго сорта, которая тоже подвергалась процессу революционизирования, в том числе и в годы Первой мировой войны.

Большим плюсом данной конференции является то, что на ней был поставлен доклад В.Ф. Шишкина о формировании рабочей морали и о моральном облике российского пролетариата¹⁰. Занимается им и П.В. Волобуев, и Ю.И. Кирьянов. Все

¹⁰ См.: *Шишкин В.Ф.* Формирование революционной морали рабочего класса России // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 года. Ч. 1. С. 74–92.

Свидетельства и документы

они пишут, что у рабочих в ходе революционной борьбы, роста грамотности, получения частью из них права выборов в Государственную думу и т.д. растут чувство собственного достоинства, смелость, готовность к самопожертвованию, независимость в поведении и т.д. Я думаю, что все эти качества помогли пролетариату России в начале XX в. стать гегемоном освободительного движения в России.

Ю.И. Серый (Ростов-на-Дону): Я хотел бы, прежде всего, остановиться на вопросе, связанном с докладом Ю.И. Кирьянова и теми сообщениями, которые также посвящены проблемам облика пролетариата России в начале XX в. Как и И.М. Пушкаревой мне не очень понятно, какой конкретный смысл вкладывается в понятие «облик рабочего класса», каково соотношение в нем объективных и субъективных, социальных и культурно-профессиональных качеств рабочих. Получается, что термин «облик» расплывчат и неясен, как и понятие «класс для себя». Что это значит и когда российский пролетариат превратился в класс для себя?

Т.К. Гуськова (Нижний Тагил): Мои коллеги с Урала мало разрабатывали проблемы облика дореволюционного пролетариата, изменения его численности, происхождения из различных уральских районов и т.д. Я остановлюсь на двух вопросах, которые мне кажутся очень важными: вопросе о специфике уральских горнозаводских рабочих по сравнению с рабочими других районов и о периодизации в изменении состава, численности и в облике уральского пролетариата.

Говоря о специфике уральских рабочих, нужно прежде всего отметить, что появились они у нас полтора века назад. Второе, – это многоотраслевой характер уральской промышленности, которую обслуживают разные группы рабочих (заводские, рудничные, заготовители топлива и др.). Важна и специфика источника их формирования, т.к. формировались они в основном из крестьян, имели свое хозяйство и землю, но главным источником их существования для них была все же работа в промышленности. По своему облику уральские рабочие были ближе к рабочим других регионов, но много общего у них было и с крестьянами.

В условиях Урала формирование пролетариата в силу сохранения там феодальных пережитков шло замедленно и отличалось особенно от передовых районов России. Тут можно выделить два периода – один с 1861 г. и второй с кризиса 1907–1909 гг. до 1917 г. В первый период очень большие изменения были связаны с ликвидацией крепостного права и развитием капитализма, причем это последнее имело значение не только для горнозаводской промышленности. По отдельным округам и в целом по Уралу можно показать на цифрах, как быстро

Свидетельства и документы

увеличивалось количество населения, занимающегося горнозаводской промышленностью и сельским хозяйством.

Хотя бы возьмем Тагильский округ, где в 1860–1890-х годах население сельскохозяйственное увеличилось в 8 раз, а население, не занимавшееся заводским промыслом, – в 3 раза. До реформы только 16% населения было занято вне горнозаводской промышленности. Развитие капиталистических отношений усилило расслоение этого единого горнозаводского сословия. Были еще промежуточные слои, которые принадлежали к рабочим и буржуазии, но постепенно шла дифференциация горнозаводского населения. В указанный выше период эти изменения были не очень заметны, потому что окружной строй сохранялся, но изменились соотношения округов и усилились более крупные из них. Внутри округов значительно увеличились различия между отдельными группами рабочих. И здесь можно отметить еще такой важный момент, как изменение состава рабочих: в первый период мы видим значительное увеличение пришлых рабочих, что в основном касалось вспомогательных отраслей промышленности. Очень значительные изменения произошли в условиях жизни горнозаводского населения. Это связано с урбанизацией и улучшением материального положения рабочих. Наиболее заметно бросается это в глаза в материальной культуре, в типе жилищ, причем они все больше приобретают городской характер. Наконец, происходило и изменение сознания рабочих в связи с развитием рабочего движения и с его усилением при появлении революционных организаций. Революция 1905–1907 гг. являлась в этом отношении очень важным рубежом, но нельзя забывать, что черты отставания уральских рабочих особенно выявились во время первой революции.

В первый период сложился классический тип уральского рабочего. Для него характерна связь с хозяйством, с землей и с окружающим населением, хотя последняя постепенно прерывалась. Можно отметить то, что сознание рабочих в это время еще отставало по сравнению с более передовыми районами России. Тут сказывались влияние феодально-крепостнических пережитков и изолированность Урала и отдельных уральских округов.

Во втором периоде развития, после кризиса 1909 г. мы видим значительный сдвиг вперед (рост акционирования, изменения в технике и в структуре округов). И можно отметить, что во второй период отмечается приток пришлого населения и его использование в основных отраслях хозяйства, причем значительно увеличивается удельный вес группы горнозаводских рабочих. В связи с этим изменяется и облик рабочего. Если в смысле материальной культуры здесь изменения менее значительные, то в плане духовной культуры имеются большие изменения. Преодолевалась специфика уральских рабочих, но не полностью, и к 1917 г. у ведущей части горнозаводского населения России оставались такие характерные

Свидетельства и документы

черты, как связь с хозяином, очень сложный состав рабочих и их связь с населением. Многие эти черты чувствуются и позже, в 1920–1930 гг.

Вопросы с места: Что Вы понимаете под термином «специфика»? Окружная система горнозаводской промышленности существовала только на Урале или в других местностях России, где была промышленность, созданная еще до 1861 г.?

Я хочу подчеркнуть важность мысли П.В. Волобуева, направленной против упрощенного понимания гегемонии пролетариата, против поисков этой гегемонии даже в отсталых районах. Это правильная мысль. Получив приглашение на данную сессию, я попыталась продумать проблему гегемонии применительно к крымским рабочим. Рабочий класс Крыма был слаб для осуществления гегемонии над непролетарскими массами. Достаточно сказать, что в 1905 г., который в Крыму был кульминацией первой революции в России, там бастовали 40% всех промышленных рабочих, в то время, как в крупных центрах, рабочие бастовали по несколько раз. Число участников политических стачек в Крыму составляло 16,7% от всего числа рабочих. До 1917 г. этот уровень превзойти не удалось. Элемент гегемонии, безусловно, имел место и в Крыму. Если обратиться к истории партийной организации Крыма, то бросается в глаза, что рабочие, приехавшие из крупных центров и, прежде всего, из Харькова и Москвы, привезли в Крым свой революционный дух.

Я с большим интересом прослушала доклад Ю.И. Кирьянова. Следует продумать три главные стороны проблемы пролетариата: во-первых, его социально-экономическую характеристику, во-вторых, его морально-этический облик и, в-третьих, политический облик (революционность, сознательность, способность осуществлять свою гегемонию).

Перерыв

Председатель В.В. Адамов

П.Ф. Крикунов (Грозный): Группа по изучению пролетариата России Института истории АН СССР затеяла на этой сессии чрезвычайно важное дело, предложив обратиться к проблеме облика российского пролетариата. При этом очень ценный почин в этом отношении сделал Ю.И. Кирьянов, сделавший специальный доклад на нынешней сессии.

К счастью, нам, наконец, удалось преодолеть ту схему, согласно которой в вузах студенты проходили кратко лишь экономическое развитие России с особым

Свидетельства и документы

акцентом на концентрацию производства, положение рабочих и их борьбу, причем о положении рабочих была стандартная фраза о зверской эксплуатации, тяжелом положении и т.д. Аналогичная ситуация была и в историко-партийной местной литературе, где действовала та же схема.

Мне кажется, что заслуга Ю.И. Кирьянова заключается в том, что он попытался сформулировать те черты, из которых складывается облик пролетариата, а именно: уровень материальных и духовных запросов, понимание стоящих перед рабочими классовых и общенародных задач и способов их решения, активность и организованность рабочего класса, отношение к религии, общеобразовательный, культурный, профессиональный уровень и т.д. К этому нужно добавить и главные черты облика женщины-работницы.

Следует учитывать и своего рода «многослойность» пролетариата, в котором были свои передовики, «средняки» и низовые слои, а также его региональные особенности.

М.М. Персиц (Москва): Очень хорошо, что на этой конференции уже неоднократно упоминался вопрос о религии и об отношении к ней рабочего класса. Очень долго он вообще не занимал места в трудах историков, причем даже там, где без него не обойтись. Надо сказать, что западноевропейские историки и философы уделяли и продолжают уделять этому вопросу самое серьезное внимание. Российская церковь тоже всегда стремилась удержать свое влияние на пролетарские массы. Деятельность церковников особо усилилась после 1905 г., когда во всех духовных семинариях был введен специальный курс «Обличение социализма», издавались наглядные пособия и специальные таблицы по этому вопросу. Важно и то, что проводя богослужение в первое воскресенье Великого поста, в церквях ежегодно возглашали анафему тем, кто считает, что Земля вертится вокруг Солнца, что человек произошел не по воле Божьей и т.д. Мы видим, что сила у Церкви была очень большая, а ее давление на пролетариев – колоссальным и, тем не менее, налицо было систематическое падение влияния религии на рабочий класс.

Работая над своей книгой, я изучил огромное количество отчетов духовенства, начиная с 1860-х годов и кончая 1910 г., причем в этих отчетах, которые ежегодно посылались в Святейший синод до 1880 г., вы не найдете ни звука о рабочем классе и о его отношении к религии. А вот начиная с 1880-х годов, зазвучала в них тревога по поводу падения религиозности среди рабочих, о необходимости усиления работы Церкви среди них и т.д. Была выработана даже особая терминология – «небытчики», т.е. люди, которые не были на исповеди, причем рабочие тоже занимали свое место среди них. На Урале на одном из заводов, согласно отчету, каждый день начинался с богослужения, во время которого все рабочие хором пели религиозные гимны.

Свидетельства и документы

Здесь перед вами общая схема (демонстрирует), которая составлена мной на основе 7 дореволюционных исследований Союза рабочих, которые, как известно, имели место в Петербурге, в Богородске, Баку, Киеве и в Серее. Надо сказать, что черной линией здесь показаны расходы на религию, желтовато-красной показаны общественно-политические потребности и красной – культурно-просветительные. И вы видите, что линия черная все время идет вниз, а эти линии все время идут вверх, причем расходы на религию тем выше, чем ниже оказываются расходы на культурно-просветительные и общеполитические потребности. Эти данные касаются одиноких рабочих. Если мы обратимся к семейным рабочим, то мы увидим ту же самую картину. Вы увидите падение расходов на культурно-просветительные нужды, особенно на общественно-политические, и взлет расходов на религию.

Можно было это показать и на другом материале, но важно, что те бюджетные обследования, которые имели место в дореволюционной России, дают соответствующие данные, которые позволяют установить закономерность движения религиозного и падение религиозности в рабочей среде.

Заканчивая, скажу, что вопрос о формировании пролетарского самосознания не может быть изучен без изучения проблемы отхода рабочих от религий. Я думаю, что наша конференция должна будет положить начало более широкому изучению этого вопроса.

Ю.З. Полевой (Москва): При обсуждении данного вопроса существуют различные мнения. Одни одобряют начинания начальства, есть скептики, которые считают, что проблема облика российского пролетариата – это несколько надуманная, во всяком случае реально мало ощутимая проблема, но есть товарищи, которые считают, что на нашей сессии не получается общего разговора. Я хочу, во-первых, сказать о том, как родилась эта идея. Мы сейчас в Москве заканчиваем работу над двухтомником по истории рабочего класса России. Это комплексная работа, где мы старались уйти от старых шаблонов, дать и процесс классовобразования, экономического и правового положения пролетариата, и общую картину рабочего движения в самых различных его формах. Но вместе с тем мы хотим показать и процесс формирования идеологии рабочего класса, его облик и политику буржуазии и царизма по рабочему вопросу, хотя об облике пролетариата в обоих томах будет сказано очень сжато. Но все же в этом общем ансамбле это играет. Здесь же мы вывели эту тему как самостоятельную, чтобы с вашей помощью разобраться в этом вопросе.

Я должен сказать, что, хотя мы дружно работаем с товарищами, у меня имеются некоторые существенные замечания, которые несколько расходятся с общей постановкой вопроса на сессии. Морально-политический и культурно-бытовой облик

Свидетельства и документы

пролетариата представляется мне неполным, причем не совсем верной кажется и сама трактовка сути этой проблемы.

Вопрос об облике пролетариата, как вы знаете, дан в работе молодого Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», написанной им, когда ему было 24 года. Энгельс положил в основу своего анализа три основных фактора: социальный, интеллектуальный и морально-политический. Я считаю, что когда мы говорим об облике пролетариата, мы не имеем права отходить от этого триединого тезиса. Я приветствую на нашей конференции представителей советской этнографии. Сожалею об отсутствии социальных психологов, без которых мы не сможем написать всестороннюю историю рабочего класса нашей страны. Но сводить все дело только к морально-политической и культурно-бытовой стороне облика пролетариата, по-моему, нельзя. У рабочих есть много общих черт, качественно отличающих этот класс от всех других классов русского общества и от исторически сложившегося в других условиях западноевропейского пролетариата. Но конкретное изучение этого вопроса может быть дано только в плане сравнительного анализа, показав, что представлял собой пролетариат важнейших промышленных центров России в 60–70-е годы XIX в., кем он стал к моменту соединения социализма с рабочим движением в конце XIX в., потом накануне первой русской революции со всеми его не только положительными, но и отрицательными моментами, и кем он стал накануне Великого Октября 1917 г. Только при таком сопоставлении можно видеть результаты деятельности нашей партии и революционного творчества самого рабочего класса.

В.Ф. Шишкин (Ленинград): Здесь был поставлен вопрос о таком понятии, как облик рабочего класса, и термине «личность», которым я пользовался. Я действительно пользовался и буду пользоваться этим термином. Он более узкий по своему содержанию, чем «облик». Объем содержания первого еще не установлен, а второй полностью включает в себя нравственное самосознание (этим термином пользовался и В.И. Ленин).

Грамотность ни в коем случае не является показателем классового самосознания. В своей книжке я подробно говорил о тяге русских рабочих к знаниям как нравственной черте. И последнее замечание относительно термина «трудовая доблесть» как компонента облика российского пролетариата. Против этого я возражаю. Нужно говорить, разумеется, об отношении к труду рабочих России. А это нравственная категория и входит, следовательно, как элемент его нравственного формирования и нравственного самосознания. Отношение рабочих к труду было в высшей степени противоречивым. И оно не могло быть иным. Здесь имеет место и творческая природа всякого труда, но здесь же сказываются условия капиталистической эксплуатации.

Свидетельства и документы

А.А. Мухин (Иркутск): Сибирь была крупнейшей аграрно-крестьянской окраиной России. Сибирские крестьяне были самыми зажиточными, не знали гнета и стояли дальше от своих собратьев в Европейской части страны. Здесь развитие капитализма происходило ускоренно. Очень долгое время, вплоть до проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, комплектование кадров пролетариата шло очень медленно, и только после этого интенсивно пошло формирование рабочего класса, причем с начала XX в. наблюдается огромный приток в Сибирь самых разных слоев населения из Европейской части России, начиная от репрессированных рабочих, безработных, крестьянской бедноты и разорившихся кустарей и ремесленников. Можно сказать, что сибирский пролетариат был наиболее молодым отрядом рабочего класса, причем одна из его особенностей состоит в том, что в его составе были представители рабочих всех других районов страны. Особенность сибирского пролетариата состоит также и в том, что в числе его были многие представители самых различных национальностей. Это выработывало в ходе самого процесса производства интернациональное содружество рабочих. Кроме того, в состав рабочего класса Сибири входили репрессированные, сосланные, прошедшие ссылку и каторгу люди. По моим подсчетам, ко времени революции 1917 г. они составляли до 15% сибирских рабочих, тогда как в других районах России таких пролетариев было гораздо меньше.

Заседание секции № 2

«Морально-политический и культурно-бытовой облик пролетариата на различных этапах освободительного движения»

16 ноября 1967 г.

Председатель В.В. Адамов

М.С. Волин: В центре моего исследования, когда я говорил об облике пролетариата, лежит проблема морально-политического облика рабочих. Что касается источников, то, мне кажется, что наша обязанность сейчас шире привлечь такие источники, которыми историки почти не пользовались, как публицистика, очерки, рабочий фольклор, художественная литература. Я думаю, что понять облик рабочего без таких источников вряд ли удастся.

Тов. Серый в своем интересном выступлении говорил, что грамотность не входит в понятие облика, она больше связана с производством, что фабриканты и заводчики заинтересованы в грамотном рабочем. Но вспомните, как Ленин говорил, что неграмотный рабочий находится вне политики. Ленин говорил в 1921 г.: у нас

Свидетельства и документы

три врага – вошь, неграмотность и взятка. И само понятие грамотности выглядит сейчас иначе. Какой-нибудь араб в пустыне или конголезец неграмотен, но у него на груди висит транзистор, и он в курсе всех событий в мире.

Когда мы говорим об облике пролетариата, нужно особое внимание уделять основной массе рабочего класса. Авангард авангардом, передовой рабочий передовым рабочим, но это еще не весь рабочий класс. Нельзя по рабочему судить об облике всего рабочего класса в начале XX в. Надо привлечь, видимо, больше массовых источников и фактов, говорящих о настроениях самой массы. Тот же коллега говорил, когда заканчивается превращение пролетариата из класса в себе в класс для себя. Хронологически это установить невозможно. Конечно, возникновение рабочей партии – это очень важное событие, но все-таки это не решающий показатель. Я думаю, что превращение рабочих в класс для себя нужно связать все-таки с первой русской революцией.

Е.И. Демешина (Ростов-на-Дону): Вопросы, поставленные на обсуждение участников сессии, являются очень важными для решения актуальных проблем исторической науки. Я с большим интересом выслушала содержательные доклады М.С. Волина, П.В. Волобуева, Л.М. Иванова и других. Особенно хочу остановиться на докладе Ю.И. Кирьянова. Я бы сказала, что он является заглавным на нашей сессии. С рядом его положений я не согласна, но, так или иначе, ценность доклада заключается в том, что он заставляет нас думать и это очень важно. Понятие «облик пролетариата» характеризует весь комплекс черт, характеризующих пролетариат как класс общества. Здесь нужно выделить три составляющие – социальную структуру рабочего класса, политическое лицо и морально-этический облик. При этом нужно учитывать, на каком историческом этапе этот облик рассматривается, о каком отряде рабочих идет речь и о каком территориальном районе.

Н.И. Лебедик (Армавир): Обсуждение на данной конференции поднятых вопросов свидетельствует о том, как важна, необходима и своевременна постановка вопроса об облике пролетариата. В этом плане работа, проделанная Институтом истории АН СССР по подготовке данной конференции, заслуживает всяческого одобрения.

Доклад Ю.И. Кирьянова и выступление К.Н. Тарновского нацеливают всех нас на узловые и еще нерешенные вопросы, которые необходимо подвергнуть серьезному анализу и изучению. Очевидно также, что Институту истории при организации будущих сессий нужно будет учесть опыт работы данной конференции, когда мы отошли от пересказа опубликованных тезисов и обсуждение идет главным образом по коренным проблемам, выдвинутым на пленарном заседании.

Свидетельства и документы

По поводу доклада Кирьянова было сказано много лестного. Положения, которые выдвинуты в его докладе, не носят категорический характер, а работа данной секции и обмен мнениями позволит докладчику и всем нам уточнить некоторые положения, связанные с обликом дореволюционного рабочего класса.

В докладе Л.М. Иванова хорошо показано, что к концу XIX в. – началу XX в. в России действительно сложилась довольно густая сеть народных чтений, народных университетов, домов трезвости и т.д., которая должна была стать мощной опорой царизма в воздействии на рабочую массу. Вместе с тем эти организации использовались и самим рабочим классом и социал-демократами для революционного воспитания рабочих особенно в период реакции и Первой мировой войны.

Доклад П.В. Волобуева был очень интересен. В частности, он утверждал, что в период Октября все крестьянство пошло на революцию и приняло активное в ней участие. Я не совсем согласен с некоторой акцентировкой последнего положения, прозвучавшего также в редакционной статье журнала «Вопросы истории» № 9 за этот год. Но если взять отдельные районы (Кубань, Дон, весь Северный Кавказ), то кулачество с первых же дней революции встретило линию советской власти в штыки и революция произошла там значительно позже – в феврале–марте 1918 г. Поэтому стратегический лозунг большевиков, согласно которому мы шли на социалистическую революцию в союзе в первую очередь с беднейшим крестьянством, сохранялся.

Мне представляется, что гегемония пролетариата на определенном, конечно, этапе его формирования должна в широком плане определять и облик рабочего класса.

С.В. Тютюкин (Москва): В течение долгого времени метафорическое выражение «рабочая аристократия» употреблялось в основном для обозначения очень тонкого, верхушечного слоя пролетариата, отличительными чертами которого были: высокая профессиональная квалификация; хорошие условия работы; гораздо более высокая, чем у основной массы рабочих, зарплата; более высокий образовательный уровень; принадлежность к низшему административному слою в процессе производства (мастер и т.д.). Представители «рабочей аристократии» избирались на руководящие должности в профсоюзы, вступали в различные политические партии, кооперативы и т.п. При этом было принято считать «рабочую аристократию» важной питательной средой социального соглашения и социалистического оппортунизма, в частности среди меньшевиков. В целом принадлежность к слою «рабочей аристократии» обычно расценивалась как отрицательная социально-политическая черта ее представителей.

Свидетельства и документы

Однако совершенно очевидно, что представители «рабочей аристократии» могли быть активистами не только в сугубо рабочих, но и в либеральных и монархических организациях, призывая своих товарищей и демонстрируя это на своем личном примере к аполитичности, умеренности своих требований, отказу от социального протеста и т.д. Поэтому не удивительно, что в России среди представителей «рабочей аристократии» были и социал-демократы (большевик А. Шляпников и меньшевик (а еще раньше эсер) К. Гвоздев), и участники гапоновского движения в 1904–1905 гг., и кооператоры и откровенные монархисты. Поэтому при характеристике рабочих такого толка нужен сугубо индивидуальный и конкретный подход с учетом социальной и национальной психологии, района проживания и работы и т.д. во избежание опасных легковесных обобщений и чисто искусственной типизации. «Рабочая аристократия» в США или в Англии – это совсем не то, что «рабочая аристократия» в России, причем в последнем случае она часто отличается спецификой, не исключаяющей и социально-политическую левизну.

К.Н. Тарновский (Москва): Я не собираюсь брать на себя задачу подводить итоги нашей напряженной двухдневной работы. Выступившие на заседаниях нашей сессии 30 человек поставили много интересных вопросов, и они требуют специального изучения. Хочется лишь высказать некоторые суждения по затронутым вопросам. Прежде всего, все товарищи подчеркивали, что проблема облика российского пролетариата может быть успешно разработана, если к этому приступит целый отряд специалистов различных научных дисциплин. Но сейчас нам не нужно требовать друг от друга каких-то чрезвычайно жестких определений и этим самым ограничить изучение данной проблемы, а нужно более углубленно изучать ее.

Да пусть каждый товарищ так сформулировал понятие этой проблемы, а затем, проведя свои исследования, докажет правильность этого понятия или уточнит его, или даст другую формулировку, более содержательную.

Мы подчеркивали, что облик пролетариата формируется под воздействием множества факторов, и поскольку это так, то имелась тенденция все эти факторы включить в облик рабочего класса. На самом же деле он складывался в результате взаимодействия всех этих факторов и их влияния на все отряды рабочего класса. Короче говоря, облик рабочего класса характеризуется его субъективными качествами в их совокупности и, разумеется, в их развитии, включая сюда и классовое самосознание пролетариата, и его психологический склад, привычки, вкусы, мораль и т.д. Эти качества и позволили пролетариату стать гегемоном освободительного движения, но, тем не менее, в узком смысле слова непосредственно в понятие его облика и гегемонии не входят. Изучение отдельных отрядов рабочего класса в отдельных районах страны и по отдельным профессиям еще не позволяет говорить об облике этого класса в целом, ибо нам нужна картина

Свидетельства и документы

его общих свойств как класса России в конце XIX – начале XX в. И главное здесь, по Ленину, это способность класса к массовым действиям, а применительно к рабочему классу – к массовым революционным действиям. С этим связан и вопрос о соотношении стихийности и сознательности, ибо революционность должна учитывать и это соотношение, причем сознательная революционность, естественно, выше революционности стихийной.

Я хотел бы поддержать основного докладчика по этой проблеме Ю.И. Кирьянова, который сформулировал в своем докладе положение о том, что вся система – и политическая, и экономическая – привела к повышению революционности российского пролетариата. В итоге именно это соединение чисто экономического и политического моментов, которое в России было своеобразнее и выглядело гораздо острее, чем в Западной Европе и США, и определяло специфику этого соединения в России, что привело к победе в 1917 г. Октябрьской революции.

Особенность наших сессий – и прошлой и настоящей – состоит в том, что мы стремимся поставить несколько больших докладов, чтобы было поставлено больше общих проблем, но вовсе не отказываемся от того, чтобы были и темы более частного порядка. Никаких нападков на товарищей, разрабатывающих конкретную проблематику истории, я в этом не вижу. Наоборот, это подчеркивает принцип, положенный в работу нашей секции: все сообщения перед вами, судите о них сами, но все эти сообщения надо рассматривать в совокупности, в целом, и опираться на них при трактовке того или иного вопроса. Только такой метод привлечения специалистов из всех больших районов нашей страны и позволит, кстати, выделить наиболее активных товарищей, которые будут делать главные доклады на наших больших заседаниях.

Работа нашей секции прошла организованно и плодотворно. Разрешите мне поблагодарить участников сессии за внимание, за интерес, за вклад в науку.

В.В. Адамов: Разрешите мне, как председателю, сказать несколько слов. О творческой активности участников секции говорит тот факт, что из 70 ее участников выступили 30. Из них 8 москвичей, 6 уральцев, 5 одесситов и т.д. Надо одобрить и ту тенденцию, которая у нас определилась – стремление к обсуждению методологических вопросов и стремление связать их конкретикой. Обычно, когда секция заканчивает свою работу, принято принимать какое-то решение. Я думаю, что в этом нет необходимости. Просто нужно взять те предложения и выводы, которые звучали в выступлениях товарищей, сформулировать их как выводы нашей секции и поручить К.Н. Тарновскому завтра их доложить на пленарном заседании. Возражений нет? Нет. Тогда разрешите эти предложения принять. В заключение разрешите выразить благодарность от имени одесситов всем участникам сессии и гостям за активное участие в ее работе.

Свидетельства и документы

Закрытие.

Пленарное заседание.

17 ноября 1967 г.

Председатель З.В. Першина

И.Ф. Гиндин (Москва): Перед нами стоит огромная задача, мы должны выявить ряд вопросов, по которым у нас нет общего мнения. Я ограничусь одним примером – это вопросы индустриализации. Что такое проблема индустриализации в рамках капиталистического общества? У нас единой точки зрения нет.

М.С. Волин (Москва): Если охватить нашу конференцию в целом, то две черты бросаются в глаза. Прежде всего то, что совместно сотрудничали историки разных поколений. Ведущие докладчики – это среднее поколение историков, как доклады П.В. Волобуева, Л.М. Иванова. Эти доклады показали, что это достойное руководство исторической наукой. Свежесть мысли, смелость постановки ряда вопросов, споры в связи с этим, – это залог движения вперед. Но особенно меня радует самое молодое поколение историков – Ю.И. Кирьянов, С.В. Тютюкин. Это не просто активные участники, а это больше того, это уже выход в передовые ряды, ибо в значительной мере вся проблематика и вся научная дискуссия на конференции вращалась вокруг их докладов. В этом действительно подлинная уверенность в завтрашнем дне нашей советской исторической науки.

ФРОНТ. 1918–1919
(из очерков Ларисы Рейснер)¹

Публикация подготовлена:

Александров Алексей Вячеславович, ведущий библиограф отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки

Л.М. Рейснер

Лариса Михайловна Рейснер (1896–1925) – писательница и журналистка. Высшее образование получила в Петербургском психоневрологическом институте, литературную деятельность начала в 1912–1913 гг. Вместе с отцом, профессором государственного права, в 1915–1916 гг. издавала журнал «Рудин», содержащий в себе критические статьи, стихи и карикатуры на популярных в то время писателей и поэтов (Ф. Сологуб, В. Брюсов). В печати использовала псевдонимы Л. Храповицкий, И. Смирнов и др. В 1916–1917 гг. работала сотрудником интернационалистского журнала «Летопись» и газеты М. Горького «Новая жизнь».

В 1918 г. вступила в партию большевиков. В годы Гражданской войны

Л. Рейснер была комиссаром Морского генерального штаба, затем политработником Волжской флотилии. Памятником этой эпохи стала ее книга очерков «Фронт».

¹ Очерки публикуются с сокращениями по изданию: Рейснер Л. Фронт. 1918–1919. М.: Красная новь, 1924. (Отдел редких книг. Инвентарный номер издания – 2285264).

В 1920 г. Рейснер работала в составе советской дипломатической миссии в Афганистане, в 1923 г. – в Германии. Результатом пребывания на немецкой земле стали такие произведения, как «Гамбург на баррикадах» и «В стране Гинденбурга». По возвращении из Германии посетила угольные и горные районы Урала и Донбасса, после чего выпустила книгу «Уголь, железо и живые люди» (1925). Последнее крупное произведение Рейснер – исторические этюды-портреты, посвященные декабристам («Портреты декабристов», 1925).

Ее смерть была совершенно неожиданной как для родственников, так и для литературных кругов – она умерла от тифа в 1925 г.

АСТРАХАНЬ

I

Первые дни.

Ночи темные, голубые, и бесконечная степь. У насыпи нахохленные, как хищные птицы, смуглые даже при свете узкой и отдаленной половецкой луны – отдыхают татары.

Таковыми же они были при князе Игоре, в своих теплых мерлушковых шапках, прикорнувшие к земле, похожие на придорожный камень. И, как сотни лет тому назад, мимо них идет Белая Русь воевать на Юге.

В сумерках на пути скрипят и лязгают воинские поезда, но люди на одиноких степных полустанках спокойнее, крепче, увереннее, чем на страшных столичных вокзалах, где бивуак и больница, ночлежный дом и лагерь отвратительно смешаны. Чистый ветер разносит по безграничным просторам последние остатки привезенной нами городской пыли, самый дым паровоза отдает полыню.

Здесь уже вступает в свои права война. С первым раненым, которого подсаживают на высокую подножку вагона, она входит в нашу жизнь, чтобы не уходить из нее до конца.

Это человек лет сорока, с узловатой, коротко остриженной головой и маленькими глазами, в которых все время видно ровное золотистое дно его души. Большой загорелый лоб, покрытый следами изнурительного южного солнца, но где ни одно сомнение не оставило своей язвительной борозды. Рука у него в локте перерублена казацкой шашкой, и до сих пор на сером полотне рубашки затертый кровавый след. При отце – тринадцатилетний сын, совсем уже большой, красивый и ничего не знающий о своей красоте, полуребенок, полувоин, в профиль напоминающий воинственных ангелов Византии.

Как долго и ясно запоминается лицо этого мальчика: оно все целиком обращено в одну сторону, как бы навстречу сильному ветру, и на нем рдеет отблеск революции, которая прошла так близко и коснулась его детства горящим крылом.

Вероятно, он не узнает зрелых лет, никогда не возмужает, не прочтет книги, не коснется женщины. Это быстро идущее время унесет его где-нибудь среди зеленой степи, неожиданно окруженного конницей калмыков. Он будет долго защищаться, плечо к плечу со своими братьями и отцами, будет, вероятно, сломлен, и в безгранично голубом небе над его головой хищная птица опишет медленный стелющийся круг. Страх смерти, который на слабых лицах застывает, как жир на остывшей тарелке, на этом милом и мужественном лице зарисует свои лучшие морозные узоры, сказочные, бесконечные, неподвижно-улыбающиеся.

Так гибнут дети революции.

II

Астрахань тягостна. Астрахань безнадежна.

Она лежит, как распаленный желтый камень, посреди разлившейся Волги. К городу над затопленными полями ведут узкие железнодорожные насыпи: золотистые нити в целом море мутной, соленой, беспокойной воды.

Пахнет морем, солнце жжет, и город, состоящий из непросыхающей грязи, низких домов без лица и без возраста, из камня и пыли, пыли и зловония, развалин и пустырей, – с трудом переводит дыхание.

Только ночью начинается жизнь. Лица, изнуренные лихорадкой и дневным жаром, так странно бледны при электричестве, в единственном парке, где редкие старые деревья кажутся черными, лесными. Посередине, в тени кленов, светится, оснащенный изнутри, большой стеклянный гроб, до краев полный цветами. Кажется, точно странные розы, лилии небывалых размеров, маки и левкои сами излучают сияние: это могила революционеров, гениальнейшая из всех, мною виденных до сих пор.

III

В солоноватой сыпучей пустыне, окружающей Астрахань, есть редкие оазисы: это старинные татарские сады.

Там цветет виноград, пахнет медом, вином и мятой. Ленивый вол, бесконечно вращая скрипучее первобытное сооружение, пригоняет воду из соленого болота к садам.

Белые розы так бледны и неподвижны и расточают тяжелое, драгоценное дыхание. Они напоминают о прохладном и низком, из засохшей глины вылепленном капище в степи, где на подножке из черного дерева царит азиатский божок, скрестив изысканно-длинные ступни и ладони, и улыбается солнцу золотой улыбкой.

В зеленую шелковую траву с низко опущенных веток без шума падают персики; огненные помидоры на сухом стебле прекрасны и как-то слишком великолепны, как драгоценности, одетые с утра. А жаркие сливы, – под их янтарной и сухой кожицей бродит разогретое вино.

Высоко в небе, над млеющими садами слышно отдаленное гудение. Оно крепнет, – но вокруг лепечет рай, и не хочется открывать глаз.

Это гудят пчелы в винограднике, это благовест зреющего лета.

И вдруг пробуждение: бросив гряды и шпалеры, сбегаются испуганные садовники, и все лица обращены к небу. Там из-за пушистого облака треугольником летят к городу три враждебные птицы, и на солнце при поворотах серебрятся их крылья, уверенные, почти ничем не рискующие, на чистом английском бензине плавающие крылья.

Навстречу трем низко летящим хищникам из-за леса поднимается наш неуклюжий одинокий аэроплан. Он чувствует в своем нежном и неустойчивом механизме вредную, разъедающую «смесь», которая застревает в тончайших сосудах, дает перебои и ежеминутно грозит иссякнуть. Это безнадежный полет.

Летчик пренебрегает сенью волокнистых облаков, плывущих в воздушном море белым полуостровом, и прямо с земли, не кружась, но подымаясь круто и шумно, как воин в полном тяжелом вооружении, взбегаем на вершину незримой воздушной горы.

Кто он, неизвестный летун, сердце каких царей стучит в его груди, какая кровь героев внушает эту безрассудную, ни с чем несравненную прямопу его полету?

Там внизу лежит беззащитный город: он никого не мог вдохновить на подвиг своими грязными улицами и злым, ненужным людом, готовым задушить революцию и все красные побеги жизни.

И все-таки он подымается. Уже слышен в небе треск пулеметов и немного выше неприятельских машин курятся белые клубки дыма: это с берега единственная пушка, медленно поворачивая циклопический глаз, нашла отдаленную цель и бросает в пространство смерть.

Они ушли. Они не выдержали этого неукоснительного сближения. Вон уже далеко блестят их чешуйчато-серебряные спины и едва доносится враждебный гул. Широкой радостной дугой плывет домой наш аэро. Верно, сейчас лицо летчика под маской бело, и каждая его черта закончена и огромна, а глаза пристальны и блестящи: глаза давно исчезнувших воинственных птиц.

IV

Розовым пожаром заходит солнце.

Легкая арба быстро мчит к городу, где-то далеко остались сады и воздушная битва над ними. Мелкорослые и грязные, как бездомные собаки, плетутся к Кремлю предместья. У дверей и ворот татарского квартала сидят важные старики в опрятных шелковых халатах и белых чулках. На их лицах розовый отблеск солнца, более древний, чем пурпур наших знамен. Они сидят и молча грезят, быть может, о старинных буддийских иконах, какие приносят из степных сел наши разведчики. Вот одна из них; на фоне, темно-зеленом, как чувственная и торжествующая южная весна, сияет розовый полукруг зари, и под сенью его, скрестив изысканно-тонкие члены, восседает утреннее божество.

Его лицо того же темно-зеленого цвета и на нем, цветущей ветвью среди листвы, улыбается густой, острым полукругом очерченный рот. В одной руке пурпурный колокольчик, в другой – песочные часы: но не одинокие часы дюреровой Меланхолии, по крупинкам мерящие отчаяние, но часы пробуждения и вечной жизни. Над головой дружественно стоят рядом, разделяя изумрудное небо – справа солнце слева луна. Оба светила окружены клубящимися облаками, несколько мягче окрашенными, чем алый нимб, с которым они сливаются. За ними – бесконечность.

Необычайны глаза этой азиатской Авроры. Слегка косые, под агатовыми бровями, с утренней звездой между ними. Это глаза самых загадочных портретов Возрождения, но без их двусмысленной слабости и художественной лжи. Глаза мудрые, холодные, устремленные в себя, несмотря на сладостную улыбку. На руках, совершенно женских, – красные браслеты. Но грудь зелено-пурпурной Эос не обозначена ни единой чертой. Таким образом, она, прекраснейшая среди богов и древних людей, – непорочная, с торсом юноши, смеющаяся заря, в очах которой вся радость и печаль еще не наступившего дня. У ног ее лежит земля, темная, покрытая лесами, с одной светлой, проснувшейся, озаренной поляной посередине.

V

Виделись с Беренсом, командующим всеми морскими силами Республики. Он приехал на фронт, милый и умный, как всегда, уязвленный невежливостями революции, с которыми он считается, как старый и преданный вельможа с тяжелыми прихотями молодого короля.

Его европейский ум нашел неопровержимую логику в буре, и, убежденный ею почти против воли, добровольно сделал все выводы из огромной варварской

истины, озарившей все извилистые галереи, парадные залы, сады и капеллы его полупридворной, полуфилософской души. И, хотя над головой Беренса весело трещали и рушились столетние устои и гербы его рода, а под ногами ходуном заходил лощеный пол Адмиралтейства, – его светлая голова рационалиста восторжествовала и не позволила умолчать или исказить, хотя сердце кричало и просило пощады.

Наконец, к его опустошенному дому пришла новая власть, заставила себя принять и потребовала присяги в верности. Он принял ее взволнованный, со всей вежливостью куртуазного 18-го века, стареющего дворянина и вольтерьянца, сильно пожившего, утомленного жизнью, а на склоне дней еще раз побежденного страстью: последней, нежнейшей любовью к жизни, молодости и творчеству, к жестокому и прекрасному ангелу, обрызганному кровью и слезами целого народа, и пришедшему, наконец, судить мир. Революция заставила Беренса – теоретика и сибарита, засучить кружевные манжеты и собственными руками рыть могилу своему мертвому прошлому и своему побежденному классу. Беренс вооружает корабли против реставрации и верит, вопреки всем догмам, что его маленькие флотилии, нагруженные до краев мужеством и жаждой жертвы, могут и должны победить.

После падения Царицына, Беренс сидит у себя в каюте и глаза у него становятся такими же, как у всех стариков, в одну ночь потерявших сына.

VI

10 июля 1919 года.

– Товарищ Командующий, исполкомцы на ту сторону просят; разрешите их переправить.

– Нельзя, они с нами пойдут в поход и будут показывать деревни, занятые казаками.

Вперед выступает коренастый, загорелый, с веселыми живыми глазами председатель какого-то сельского комитета, бежавший из своей степной резиденции с приходом кадет и сообщивший очень интересные сведения. Оказывается, в двадцати пяти верстах выше по течению прибрежная деревенька уже занята двумя казацкими полками, и на площади за церковью спрятаны четыре орудия. На заре вся эта сила должна двинуться на наш штаб в Р. А где же они теперь?

Кто? Казаки? Купаются. Сегодня до ночи у них отдых. И люди и кони все в реке. Очень жарко.

И действительно, день огненный. Река неподвижно разметалась среди золотых песчаных берегов. Парит. Изредка из воды блеснет тяжелая рыба. Если бы не береговые батареи, как хорошо подойти сейчас по сонной и разгоряченной реке к этому берегу, где дикая орда полощется в реке, где среди брызг блестят на солнце

широкие спины наездников, совсем как у Леонардо в его «купающихся воинах». Ночью назначен поход.

Чудесная ночь. Опять эта низкая розовая луна, железная и жемчужная, жестокая как запах полыни, и нежная как цветение виноградников. Миноносцы тихо идут против течения, время исчезает, реи, как сеть, трепещут в небе, и в них полный улов звезд.

Проходим деревни, где спят, отдыхают и думают о завтрашнем набеге сотни врагов. Корабль в темноте выбирает место, наводит орудия и по тихой команде из огромных тел выплескивается огонь.

Там, на берегу, уже умирают.

Маленький крестьянин Совдепец стоит на железном мостике, зажав уши руками. При магическом свете залпов видно на мгновение его лицо, с редкой рыжей бородкой, его белая рубашка и босые ноги. Он оглушен, – но после каждого взрыва на берегу по этому лицу пробегает какая-то величавая улыбка, какое-то смущенное, не осознанное, почти детское отражение власти. Вот он стоит в лаптях, русский мужик в лаптях, на бронированной палубе военного корабля, и весь этот быстроходный, бесшумный гигант, со своим послушным механизмом, с кругами радиотелеграфа на мачтах, с знаменитым моряком-артиллеристом у дальномера – принадлежит ему и служит верховной его воле, его, Иван Ивановича, из села Солодники. Никогда и нигде в мире мужицкие лапти не стояли на этом высоком гордом мостике, над 100 м/м орудиями и минными аппаратами, над целой Россией, над целым человечеством, разбитым вдребезги и начатым сначала революцией.

Вынимая вату из уха, светило морской академии Векман наклоняется к безмолвному, сжавшемуся в комочек и торжествующему Ивану Ивановичу и спрашивает его в темноте.

– Товарищ Совдепец, выше или иже колокольни, правильно ли мы бьем?

Иван Иванович ничего не отвечает, но по его блестящим глазам и сморщенному лбу видно, что стреляют верно.

Светает.

Вот совсем у берега грохнул снаряд.

– Это не иначе, как в дом Микиты! Богатый мужик, десять коров имел – не меньше, у него и приезжие офицеры останавливаются.

Белые не отвечают, но в темноте чувствуется их отчаянное бегство. Едва одетые, на своих необъезженных лошадях они всю эту горячую и долгую ночь проскачут степью, и за ними внезапно воскресший призрак монгольского первобытного страха. Дом Микиты горит, пушки давно замолчали.

Миноносец выбирает якорь и спускается по течению.

VII

Прекрасны старики революции. Прекрасны эти люди, давно пережившие обычную человеческую жизнь, и вдруг на том месте, где обыкновенно опускается занавес и наступает темнота и сон, завязавшие нить незаконной молодости духа.

Вот Сабуров, Александр Васильевич. Старший его сын убит на войне, жена незаметно свернулась в клубочек легких, мягких пепельно-серых стареющих мыслей и чувств. Сам он прошел всю гамму – от лейтенантских эполет до эмиграции в Париж еще во времена Шмидта, в деле которого косвенно был замешан.

В эмиграции Сабуров жил, как тысяча политических изгнанников: из простых слесарей на фабрике дослужился до ее управляющего. Большие чертовы часы показывали Сабурову 58 лет, когда случилась революция, и он, все бросив, вернулся в Россию, чтобы сразу поехать на фронт в качестве морского офицера.

Наверное, еще переплывая седую Балтику, он сидел где-нибудь один на спардеке, слушал, как тяжелые волны бьются о борта, как торопливо пробегают матросы по палубе, как дышит и курится море; считал свои потерянные годы, и видел перед собой все новое, безумно молодое призвание.

Он приехал на Волгу в разгар чехословацкого наступления, и ему под Казанью дали тяжелую, медленную, зашитую в железо баржу, на которой по очереди грохотали, а потом стыли и курились дальнобойные орудия.

Как он чудесно управлял огнем! Маленький, заросший бородой, из которой виднеется черенок вечной трубки, со своими чуть косыми татарскими глазками и французскими приговорками, Александр Васильевич приседает у орудия, посвистит, помигает, прищурится на узорчатую башню Сумбеки, такую же древнюю, почтенную и внутренне изящную, как он сам, и откроет отчаянную канонаду.

С третьего выстрела в Казани что-то горит, неприятель отвечает, и маленький буксир, пытая и надрываясь, срочно вытягивает «Сережу» из-под дождя рвущихся снарядов.

О, эти контрасты: неповоротливая громада и ее безошибочно точный огонь, эти колоссальные орудия и управляющий ими добрейший, маленький, живой Александр Васильевич, который мухи не обидит, но становится безмолвен, холоден, как камень, в самые тяжелые минуты, и мимо которого каждый день проходит смерть, слепая, с распростертыми крыльями, влажными от фонтанов отравленной, кипящей и рвущейся воды.

Смерть проходит мимо, не смея оборвать шестидесятого года этой царственной старости.

VIII

Черный и красный цвет окрашивает наши знамена. Черный – в дни медленных похорон.

Через раскаленный город идет отряд моряков-музыкантов.

Трубы блещут, по мертвой мостовой гремят шаги, и флаги кажутся изваянными из черного камня, – так они тяжелы и суровы. Складки шевелятся, как в забытьи, и видят сон о глубоком прохладном небе, о ранней северной весне, о первых чайках над Кронштадтом, о первых снежных каплях, текущих в апреле.

Астрахань вокруг задыхается. Только легким мачтам рыбачьих лодок легче дышать на воде. Город лежит, закрыв глаза, влажный от пота и пыли, не находя отдыха у каналов, где жар курится еще сильнее, пропитанный малярией.

Ровно и ритмично идут через город матросы. Над пустырями, среди развалин и над всей скучной пустыней, из камня и безобразных крыш – парит, трепещет и зовет Марсельеза. Она коснулась высоких, неспешных нот, уже прошедших всю гамму горя об убитом. Она на вершине. Там, прямо под небом песня-орлица озирает и видит всю жизнь, которая стелется дорогой далеко внизу без конца и начала.

И видит: вот широкая голубая река, текущая среди соленых песков к морю. Марсельеза крепнет и поднимается выше. Гроб тихо качается, прохожие оглядываются на небольшую процессию, на лица моряков, которые и видят и не видят вокруг себя, окутанные горящей вуалью музыки.

А она, между тем, опираясь на медь трубы и широкую грудь барабана, приветствует продолговатое судно, идущее против течения по безлюдной, знойной реке. На крыльях памяти траурной мотив следует за ним.

Знамя проснулось и задрожало. Его как бы коснулся свежий ветер с моря, напитанный угольной пылью трех широких серых труб. Моряки не поднимают глаз, и сворачивая к пригородам, один из них вспоминает: это было на «Расторопном».

На минуту в мощном горле труб раздается хрипение слез, но они оправляются, и снова революционный гимн парит и плавает в чистом небе мужества и гордости.

Это было на «Расторопном». Он был в разведке, далеко от своих, и обнаружил засаду на берегу реки. Миноносец открыл огонь из двух орудий, сам расстреливаемый в упор.

И в напряженной суете защиты, когда комендоры, обжигаемые дуновением своих орудий, ищут и меняют цель; звенят пустые гильзы, лоцман боязливо склоняет голову при свисте близких снарядов; когда маленький командир, став на пустой ящик, видит свое судно, от носа до кормы окруженное всплесками и зависящее от малейшей вибрации его голоса и его воли – в это время был ранен и молча умер матрос – Ериков. Вот и все.

Марсельеза окончила свой рассказ. Плавно покачивается гроб на братских плечах. Быть может тот, лежащий внутри, хочет спросить – в последний раз – о своей пустой койке, или о том, кто теперь по утрам, стоя высоко на мостике, передает с корабля на корабль изысканную азбуку сигнальных флажков? Но смерть не снимает руки с синевато-белых губ, и никто не слышит несказанных слов. Гроб покоряется, и за ним бегут, расходясь бесконечно, как за кормой корабля, две дружных волны печали. На случайные лица в чужом и враждебном городе они роняют свою чистую и соленую пену.

IX

Ночью телеграмма от Н.

Комфлот идет вниз, чтобы завтра к вечеру попасть на совещание.

Жаль уходить из В. в разгаре белого наступления, которое продолжается два дня и ночь. На реке редкий артиллерийский гром, армия тревожно спит, не раздеваясь, положив под голову оружие и хлеб. Все огни потушены. При свечах секретарь принимает и передает последние распоряжения, по бумаге бегают нетвердое перо, ветром задувает одинокий свет, на который летят тихие темные бабочки. В воде колеблются звезды, и с голосами ночи сливается непрерывное, однообразное стрекотание радио. Вероятно, в перерыве между двух сухих земных телеграмм тоненькая заостренная мачта посылает нежный и неслышный привет небу. Из тускло-голубой тучи ей отвечают зарницы.

X

Полозенко – это огромного роста матрос, тяжелый, медленный, с темным лицом и темными волосами.

За столом невольно замечаются его большие мозолистые руки, быстрые и гибкие, всегда берущие вещи в том месте, где у них скрыта точка тайного равновесия. Все, чего касаются титанические пальцы Полозенко, невольно распадается на равные и пропорциональные части, и эти части в его руке уже живут и поддерживают друг друга в пространстве.

От локтя до кисти на его загорелом плече синее выжженный японской иглой, изящный и грозный дракон. Полозенко – летчик, и когда он подымается на своей разбитой, никуда негодной машине, возле которой белеют клубки шрапнели, – его рукава засучены и, обвеваемый бурей, облитый солнцем, гонимый безумством храбрых, он видит на руке непреклонное маленькое азиатское чудовище, ожившее, с клубящейся разверстой пастью и занесенным, как кинжал, острием хвоста.

Тогда Полозенко смеется, ветер срывает с его губ этот смех, и далеко внизу рвется брошенный им чугун.

На днях умер в душной Астрахани шестимесячный сын Полозенки. Он подымается после этого по три-четыре раза в день, вопреки всем предупреждениям. Теперь на его большом лице появилась еще черта – прямая и резкая, как он сам, значение которой неизбежно и непреклонно, и перед которой опускаются человеческие глаза, не смея ее узнать.

Этой чертой бессильной силы отмечен Геркулес Фарнезе.

XI

В Астрахани в Морской госпиталь помещена семья, вернее остатки семьи, Крючкова.

Они сидели за нищим обедом, когда случаю было угодно сбросить на их дырявую крышу бомбу с английского самолета. Все погибло, разорванное, распыленное, похороненное под обломками дерева и комьями земли. Уцелела мать, мальчик восьми, и второй двух лет, которому пришлось до колена отнять ногу.

Мать после операции двенадцатые сутки сидит на больничной койке и держит на руках бессонного ребенка, который не может лежать. У нее рыжие волосы, широкое скуластое лицо финского типа и ничего не видящие, испуганные животные глаза.

Ребенок на ее руках совсем голый, завернут в белое одеяло, маленький, с огромным пучком марли и бинтов на худенькой загорелой ножке. Руки беспокойно шевелятся, но голова этого двухлетнего спокойна, бледна и осмыслена, как у умирающего бога. Он в изнеможении закрывает глаза, но у него тогда лоб светится такой тайной и мыслью, что мать испуганно перестает причитать, и развязный доктор одергивает от неподвижной щеки свои привыкшие ко всему и не деликатные пальцы. Когда умирают дети, им, вероятно, является вся их не бывшая жизнь, отраженная снами, как зеркалом. За час мучений, за одну ночь бреда они переживают целую жизнь и отдают ее без сожалений, как великолепное платье, одетое один раз на праздник и снятое навсегда со всеми цветами и благоуханиями.

Веки полуприкрыты и дрожат. На голом тельце жалко заметны пятна грязи, и на повязке все проступает и проступает розовая сырость. Мать смотрит на него неподвижно, оцепенелая. И сидя на соседней койке, матрос с завязанной грудью вполголоса утешает: не всем нужны ноги. Мальчик умный, его можно учить и сделать, например, телеграфистом. Почему телеграфистом? Раненый сам чувствует, что сказал неудачно. Но нужно же чем-нибудь утешить, остановить слезы, заговорить кровь.

Маленький Федя совсем спокойно смотрит на бинты, которые сматывают с его тела. У него огромная душа.

XII

Бывают дни, когда события растут и сгущаются до крайних пределов. Даже мелочи кажутся многозначительными, восход пророчит долгий и неизвестный день, вечер рдеет и длится, как воспоминание. Становится понятен суеверный страх древних перед криком птицы, падением камня, скрипом и перешептыванием мертвых вещей. Откуда спускается на людей, спускается редко, горным туманом на долины – это страх, это предчувствие неизвестного, это неизбывное томление духа?

Нет, не бои, не раны, не огонь страшен на фронте. Не в бою старятся и дают трещины сильные и молодые, не борьба иссушает нервы и сердце заставляет биться медленно и прерывисто.

Это делает тайная болезнь души, назовите ее, как хотите: массовое внушение, паника, навязчивый, ни на чем не основанный упадок – вот неизлечимый и таинственный недуг войны.

Самая здоровая часть может проснуться больной, зараженной, охваченной всеобщим головокружением ужаса. И тогда нужно все величие разума, вся его сосредоточенная, ледяная мощь, чтобы отогнать призраки, которые гораздо опаснее явного врага, и удержать на месте бегущих.

День испытанья настал, наконец, и для нас. Как началось, почему и откуда – никто никогда не узнает. По степи промчался всадник, окруженный облаком пыли.

Вот и все. Конь и седок летят между нашими и неприятельскими окопами без смысла, без цели, гонимые фуриями. Движения лошади, наклон ее головы, хлопья пены на груди и губах, трепетание и хрип – все это слилось в один неудержимый, последний порыв: бежать, бежать, бежать.

Ничто, по-видимому, не изменилось. По-прежнему на синем зеркале реки солнце плавит отображения кораблей, тряская фура, запряженная унылой лошадей, везет раненого, обернутого охапкой свежего сена, а на вышке, где притаился наблюдательный пункт, уже господствует тревога.

В безлюдном поле десятки глаз ищут враждебного движения. Побледневший солдат со всей силой прижал к уху телефонную трубку. И уже они что-то видят – далеко, на горизонте, правее, левее, ближе. Целое фантастическое облако неуловимых врагов – везде разбросанных, отовсюду приближающихся.

По десяти проводам растекается ожидание с вышки в окопы. Где-то выстрел, где-то беспорядочный пулемет. Наблюдатель стоит у перил, не решаясь поднять к глазам бинокль. Его руки дрожат и похожи на концы испуганных крыльев. Подобно электрической волне, страх разливается до незримых пределов. Два любопытных

аэроплана чертят небо: они, как хищники, почуявшие пададь за много верст. В течение пяти дней этот же наблюдатель, не смущаясь, высматривал со своей шаткой каланчи наступление озлобленных и быстрых кочевников.

С этой же вышки, не думая ни о чем, кроме дистанции и целика, он управлял бурным и разрушительным огнем наших кораблей, хотя волна всадников уже заливала пригород и из-за углов жужжали первые шальные пули уличной борьбы.

Лицо наблюдателя в часы борьбы – отчетливо и просто, как парус, полный ветра, в ровном синем небе.

Пять дней маленький гарнизон спал, не раздеваясь, спокойно убирал убитых, и отражая атаку за атакой, просто не замечал ни закатившихся полуприщуренных глаз смерти, ни ее землистой бледности, выступающей среди обрывков платья. С павших снимали оружие, и о них не говорили.

Даже страшное для пехоты слово «обход», даже оно было забыто. И хотя Черный Яр действительно был обойден со всех сторон, и только спиной прислонялся к Волге и флотилии – обхода никто не признавал. И вдруг – эта слабость.

Вызванный трепещущими красными флажками сигнальщика, с корабля на вышку приехал старший артиллерист т. Кузьминский. Пока он своими морскими глазами щупал сады, овраги, отдаленные села – остальные напряженно смотрели на его лицо, наполовину скрытое биноклем, лицо, которое знали и любили: сперва губы сильно сжаты – потом, после первого напряжения, он переводит дыхание, вытирает хрустали. Глаза прозрачные, как бы отсутствуют. Как дорогие оптические стекла, они поставлены сейчас на большое расстояние, и не могли бы ни читать, ни улыбаться. Опять молчаливое наблюдение. Потом щеки, редкая черная борода, хищный нос – вся маска воинственного фавна приходит в движение. В улыбке блеснули золотые зубы. Бинокль отложен, глаза уже вернулись в себя – они человеческие и лукавые.

– Товарищи, да ведь это же не конница, а коровы.

На вышке сразу успокоились. Но через час напряжение опять возобновилось и все росло, и стало мучительным.

Степь по-прежнему спокойна, из песчаной и дымчато-серой голубеет и розовеет к закату. И постепенно, не сговариваясь, наблюдатели отвернулись от далеких очертаний монастыря, откуда все утро ждали зла, и не могли уже оторваться от широкого степного моря, открытого и освещенного на сотни верст, где не видно ничего, кроме медленных огромных орлиных полетов.

И спокойный, почти мечтательный, похожий на человека, которому слышна отдаленная подземная музыка, опять вернулся на берег артиллерист, и, не колеблясь, назначил сложную и совершенно неожиданную дистанцию своим дальнобойным морским орудиям.

Одинокий выстрел как-то неслыханно-громко прокатился в степь – и снова все умолкло.

Ветер погладил ковыли, они стали под его рукой серебряные и поклонились до земли.

На вышке, в окопах, на мачтах, куда забрались марсовые – везде напряженное ожидание.

Неужели тонкий математик Кузьминский ошибся, ошибся со всем своим инстинктом ученого и солдата, и брошенный им в неизвестность снаряд мирно разорвется в поле, никого не задев, к ужасу полевых цветов, уничтоженных огнем и отравками.

Еще раза два с большими перерывами ударили по тому же направлению и с тем же результатом. И вдруг команда – «беглый огонь».

Они появились как бы из земли, густыми, черными колоннами, выбитые из оврага жестоким огнем. Их было 3 тысячи дикарей, калмыков, черкесов и казаков, приготовленных в 15 верстах от Черного Яра для ночного набега.

Они уходили, теряя людей на каждом шагу, неумоимо-озлобленные против этих северян, шесть дней простоявших на месте и чудом избежавших резни.

По извилинам карты, по слабому намеку моряк предугадал целую повесть: бурный летний дождь, крохотную балку, размытую ливнем в целую яму, и тихую ночь, когда, скользя копытом по глинистому скату, фыркающая в темноте и под мохнатой, мокрой буркой зажигая спичку, спустилась на ее дно кавалерия.

О, как спали следующую ночь в Черном Яре. Как весело чистили лошадей и оружие и как легко перешли на заре в наступление.

ЛЕТО 1919 ГОДА

I

Началось наступление.

После боев отряды флотилии настолько сблизились, что могут непрерывно общаться по радио.

Корабли живут напряженной тайной жизнью: ведь они пробиваются к морю. Ежедневные походы, самая осада Царицына, которая будет жестокой, совершаются сами собой, как во сне. Главное – морская карта Каспийского моря, над которой по вечерам текут молчаливые часы размышлений.

Эта карта не похожа на обычные речные – воды испещрены на ней плавными линиями течениями, звездами маяков и бесчисленными знаками предостережений. Она очень глубока в своем строгом черном и белом цвете. Эти извилистые черты

берегов, хитрые мели, стремительные потоки, несущиеся от края до края, наконец, ямы, уходящие в неизмеримую глубину, и на поверхности тихие, как озера: сколько раз фантазия шествует через них, не замочив крылатых ног.

Слабый свет лампы лежит на лицах, на склоненных к столу – шахматной доске. Они играют с партнером, находящимся за сотни верст, по ту сторону лукавой, трудной карты, в Баку, Порт-Петровске и Эмбе.

Иногда глаза наперев застилаются туманом в предвидении отдаленных ходов, иногда краска приливает к вискам теоретиков: среди тысячи возможностей им блестит победа, потом опять грызущие сомнения перед двумя равноценными ходами, перед соблазнительным, легкодоступным входом в безопасную, голубую персидскую бухту.

Есть теоретически – неразрешимые узлы...

Тогда по волнам летит корабль Летучего Голландца, невозможное становится возможным, падают преграды, тает туман, и дерзкая ладья готовит шах белому королю.

В ожидании похода старые матросы много курят и много молчат, улыбаются неизвестности и пишут длинные письма домой. А молодые испытывают какую-то особенную радость и полноту жизни.

Будут долгие дни без берега, без женщин, а потому особенно великолепным кажется лето, которое шествует по пояс в виноградниках и до кудрей погруженное в спелые ржи. Никогда ночи не были полнее звездного свечения, степь не цвела белее и пьянее под ризой мелких сухих цветов, никогда кровь не пела веселее в такт бегущему коню.

Поле кажется морем, солнце печет, золотисто-рыжий жеребец легко дышит и легко бежит, ветер отодвинул с диких глаз бронзовую гриву, и лебединый, широкий шаг укачивает.

О море, о синее море!

[...]

IV

– Я – жена Желиховского.

Какой-то кусок льда быстро, быстро тает, и наконец, приходят легкие, облегчающие слезы.

Жена. На ее лице, на красных, воспаленных веках, на волосах, сбившихся под белым платком, на всем ее существе еще теплится отпечаток и дыхание большого друга, которого не стало, который убит в бою. В ее расширенных глазах, впавших под широкий лоб, на неизъяснимо тонком хрусталике еще не изгладился его облик,

когда он уходил рано утром, перед рассветом, полный тоскливых предчувствий, почему-то оставив на столе нетронутым свой бедный матросский завтрак.

И даже голос, даже голос ее похож на резкий и прямой выговор, на высокий грудной тон, которому невольно училась подражать ее любовь.

Сейчас жена Желиховского – почти он сам, это его руки, из воды протянутые за помощью, это его глаза, ослепленные огнем, его голова, беспомощно охваченная руками, милая разбитая голова, готовая пойти ко дну.

Не говорить с ней, не трогать ее. Она, жена героя, одного из лучших, погибавших за РСФСР. Ее великому горю нельзя помочь, она имеет мужество жить и не боится увидеть страшное его тело, медленно плывущее где-нибудь по течению, мимо самого колеса парохода.

Жена спокойна и знает: все-таки, его вынесет к морю, которое он любил. Из тесной реки в бесконечность: это его высокий бред.

И хочется просить взбалмошный, неумолимый случай: пошли тем, кто дороже всех, любимым, пошли им смерть гордую и чистую, спаси их от плена, от предательства, от тюрьмы. Пусть в открытом бою, среди своих, с оружием в руках. Дай умереть так, как умер Желиховский, как умирают сотни и тысячи за эту Республику, каждый день.

V

Накануне. Ночью штурм Царицына, а сейчас все еще живые, радостно-возбужденные. Что будет завтра – неизвестно, но сегодня хорошо.

В тесном и чистом штабном дворике цветут олеандры, и весь белый старомодный дом, где живет Азин, против воли пропитался его неистойвой радостью. Сердитая, богатая вдова, улыбаясь, разносит чай в пузатых чашечках, от малейшего движения дрожат высокие горки золоченого стекла; изразцовые листы комнатных растений простодушно и торжественно зеленеют на фоне белоснежных широких печей.

Чистота, олеографии с пухлой четой Адама и Евы в раю, и занавески на окнах, и ситцевые полога у постелей. И нужно же, чтобы под этой крышей, облитой с мирного неба серебряной осенней луной, собрались накануне штурма самые решительные головы: сморщенное, как уже увядший воздушный шар, личико Миши Калинина, окруженное, как колючками, взъерошенными волосами. И помолодевшая голова Азина, на которой лежит невероятная тяжесть ответственности, и Комфлот. Через час домик на лунном берегу, быстрые лошади азиатской тройки, дорога к реке и последние рукопожатия – все унесено временем. Дольше всего звучит в памяти хрупкий голосок музыкального ящика, да, музыкального ящика старых годов, который целый час мешал заседанию из соседней, сердито-запертой комнаты.

И сейчас, когда вокруг уже ночь, и за кормой истребителя кипит пена – он все еще стоит на столе в опустевшей столовой, и прерываясь, лепечет свои колокольчиковые музыкальные фразы. Валик заржавел, ключ потерян, а он поет и смеется, и под хрустальной крышкой, улыбаясь, таится целый мир устаревшей грации и жалобной любви.

Всю ночь на реке безумствует грозная музыка войны. Первый начинает «Маркс», мимо него в туман и темноту, как призраки, проходят корабли. Один, второй, и еще, вдоль противоположного берега, где уже падают снаряды. Лесной яр справа тоже полон золотых вспышек. Со дна реки встают густые столбы всплесков. Моряки тревожно замечают восход звезды, огромной, ровной и белой, похожей на фонарь. Она так велика и бестрепетна, что сначала кажется огнем, и посылают особую шлюпку его потушить.

Впереди разрывы краснеют во мгле, кажется, что без конца открывается и захлопывается дверца раскаленной печи. Стрельба перешла уже в тот единомудушный, опьяняющий гул, который означает начало штурма. Каждый корабль окутан пороховой завесой, движется и борется самостоятельно, один на один с тем незримым противником, которого он нашел и вызвал в ночи.

За мыс выходит стайка истребителей, за ними черные тральщики, эти рыцари ночи и сумерек, идущие на свой пост со спущенным забралом – печальные ловцы мертвого груза.

К рассвету огонь стихает. Армии пора перейти в наступление, и катер, посланный за известиями, встречает на голой глиняной вершине первую нашу цепь, идущую к Царицыну.

Трудно об этом писать. Надо видеть эти черные фигуры, часто-часто перебирающие ногами, такие бесконечно-слабые издали, идущие в первой, самой выдвинутой цепи, заранее обреченной, каким бы ни был исход наступления. Матросы с кораблей их тоже видят. Вдруг кто-нибудь вскрикивает – что? Ничего, задохнулся. И старшина кричит не своим голосом – «Не распускаться, сволочь!». А у самого губы прыгают: первая цепь, еще бы.

С рассветом начались налеты аэропланов. С шести утра до самой ночи непрерывное сбрасывание бомб, притом специально на реку. Обыкновенно эти налеты действуют удручающе. Но после бессонной ночи, после отчаянной борьбы, когда голова сладко и болезненно кружится и все друг другу говорят «ты», – нет! не страшно. Два гудка означают «вижу аэроплан неприятеля».

Один за другим корабли повторяют пронзительный свисток, и снимаются с якоря. Начинаются лотерея неудач.

На одно судно приходится, в среднем 4–8 бомб. Видно, как они падают, сопровождаемые отвратительным визгом и глухими взрывами. То одна, то другая

палуба покрывается осколками. «Бесстрашному» повредило нос, командир и еще 3 ранены, команда спешит подвести пластырь под поврежденное место и отчаянно отбивается от бомбовоза, опять возобновившего нападение.

Один за другим – легкие катера, батареи, широкобедрые суда первого дивизиона исчезают в облаке пара и осколков – и счастливо из него выплывают. Истребители – с сердитым фырканием моторов, в седых усах пены, батареи медленно и спокойно, сознавая невозможность укрыться, остальные – горячечно защищаясь и вышивая небо белыми клубами заградительными огня.

К вечеру на высоком берегу четко чернеет несколько одиноких фигур. Через час их уже сотня, и вся дорога покрыта беглецами. Наши отступают.

Но идут хорошо, с винтовками, за повод ведут усталых лошадей; верблюды, с обычной покорностью и грацией полных и немолодых женщин, влекут за собой орудия, повозки и людей. Штурм не удался.

На диване в канцелярии положили упавшую на берегу сестру милосердия – в трудные минуты из моря чужих людей всегда неожиданно и просто являются такие лица. При одном взгляде на них чувствуешь глубокое успокоение и память о них не гаснет, как бы коротка ни была встреча. Они и не исчезают, а просто отодвигаются жизнью.

У этой девушки до смешного тонкий голос, из-под одеяла видны оборванные сапоги. Один глаз, щека и подбородок скрыты повязкой, кругловатый нос в веснушках и иссечен шрамами. Самое зрелое и печальное в ней – ее отрывистый нехороший кашель.

Шла она в свой полк откуда-то из глухого угла Украины, едва оправившись от ран. Мучительный и долгий путь. Чистилище больших дорог, ад поездов, и эта жгучая боязнь оторваться от своих навсегда, потерять имена и лица, с которыми ее связала революция.

На Волгу, где дымятся сейчас милые ей кубанские костры, довела непреклонная воля и простодушная, ситцевая чистота души, перед которой невольно расступилось грязное человеческое море. С удостоверением вместе лежат письма из роты, которые начинаются с бесчисленных поклонов и по лестнице беспомощных прыгающих букв взбираются на какую-то огромную высоту. Она смотрит на эти письма боком, одним своим глазом, серо-синим, с темными крапинками, какие осенью выступают на дрожащих листьях осины.

Такая она: навсегда обезображенная и милая.

Белогвардейские врачи, к которым она когда-то приползла после боя, не зная, кто они – отказались ее перевязать, и в виде милости прогнали на улицу, под дождь, ночью. Тогда она сама, сидя на их крыльце, не в силах двинуться с места, сорвала со

своего лица что-то холодное и мешавшее видеть – это была щека. К счастью утром «лазарет» бежал, и скрюченное существо у двери подобрали свои.

У революции, лицо которой никто еще не удостоился видеть, должен быть этот же сквозисто-синий глаз, и может быть повязка, и на выпуклых деревенских губах (такие губы целуют просто и прохладно) – розовая пена.

Ночью кают-компанию убирают букетами из красной осенней рябины, стол залит светом, и собеседники, смыв с высоких сапог грязь окопов или масло машин, спокойно совещаются о завтрашнем дне.

Случай расположил их так: слева быстрые глаза, бас и жесткая воля Шорина. Рядом с ним его штаб-офицер, мягкий и подробный человек, никого не способный стеснить, как походная карта, старательно сложенная и повешенная через плечо.

Дальше профиль, неправильный и бледный, выгнутый, как сабля, с чуть косыми глазами и смутно-улыбающимся ртом – словом, один из тех, которые могут позировать художнику для тонкого и выносливого бога мести в казацкой папахе. Бесшумная походка, легкий запах духов, которые он любит, как девушка, и на черной рубашке красный орден – это и есть Кажанов, ставший почти легендой начальник десантных отрядов Волжской флотилии.

Голландцы, достигшие совершенства в групповом портрете, любили изобразить в центре картины, среди всех этих господ в черном платье и крахмальных белых воротничках одну сосредоточенную и тонкую физиономию какого-нибудь славного молодого врача, вооруженного скальпелем, скептика и атеиста, стоящего к зрителю в пол-оборота со своим высоким белым лбом и насмешливой улыбкой.

В кожаной куртке и с кончиком «Известий», торчащим из кармана, эта фигура в наше время называется – «член Реввоенсовета Михайлов».

Осколок разбитого чертом кривого зеркала застрял и в товарище Трифонове. Из ссылки и тюрьмы он вынес тяжелую сдержанность долголетнего пленника, несколько болезненный страх перед слишком громкими словами, мыслями и характерами. В сильном и умном человеке, великолепном большевике и солдате Революции немного скучно желание обмануть себя и других – изобразить свое крупное «я» самым сереньким, самым будничным человеческим пятном. Но бурный 19-й год через все логические дырки прорастает веселой зеленой травой; неудержимый ветер времени рвет серые очки с чернявого трифоновского лица, что ему не мешает и сегодня все так же упорно защищать свой давно развалившийся душевный острог и любимейшее подполье чувства.

Дальше – но как рассказать Азина? – Во-первых – он дикий город Огрыз, почти отрезанный от Камы; он – часовые, притаившиеся вдоль полотна; он душный, жаркий вагон третьего класса, залитый светом бальных свечей с высоты двух гудоновских канделябр, взятых в разоренной усадьбе; он в непролазном дыму

папирос, в тревожной бессоннице дивизионного штаба, где комиссар какой-то отбившейся части, пришедшей для связи за 25 верст через заставы белых – теперь свалился и спит на полу обморочным, блаженным сном. Он – изорванные карты на липких, чаем и чернилами залитых столах. Он – черный шнур полевого телефона, висящий на мокрых от росы, ночных кустах, охраняемый одервенелыми от холода, сна и боязни уснуть, часовыми.

Азинскими шпорами изрезаны клопные бархаты вагонов, им собственноручно высечены пойманные дезертиры, им потерян и взят с бою город Сарапуль и десятки еще несуразных городов; им ведена безумная, в лоб, кавалерийская атака против Царицына; им изрублены десятки пленных офицеров и отпущены на волю или мобилизованы тысячи белых солдат. Азин ездит верхом на горячих спесивых лошадях, не пьет ни капли, пока не кончено дело, страшно ругается со своими комиссарами, кроет Реввоенсовет, в ежовых держит свои невероятные, из ушкуйников и махновцев набранные части, дерется и никогда не бегаёт; плачет от злости как женщина, если из-за раненой руки ему приходится лежать в самый разгар наступления.

Это Азин сам себе устраивает парадную встречу, и, видя, что на берегу оркестр еще не готов, заворачивает с пароходом назад, чтобы через 10 минут, обливаясь потом в своей великолепной бурке (это в июле-то месяце) все-таки принять почести, Интернационал и натянутые рапорты товарищей, успевших, по поводу победы, пришить пуговицы к единственным штанам, и побрить три недели не мытые рожи. Так надо: без праздника, без музыки и встречи армия не почувствует роздыха, своих 24-х часовых боевых именин, и на утро ее не сдвинешь с места на новые боевые недели.

Это Азин избивает нагайкой нагих своих и любимых денщиков за отобранного у крестьян поросенка – и Азин же гуляет, как зверь, целые ночи, ночи чернее сажи, с музыкой, с водкой и женщинами – но не иначе, как поставив все заслоны и пикеты, послав разведку, убедившись, что город крепко взят, и заслонив его со всех сторон. Азин просто, едва ли не каждый день водит в бой свои части, забывая, что он Начдив и не имеет права рисковать своей жизнью.

Но над картой Азин стынет, как вода в полынье, слушается, как мертвый, длинных Шоринских Юзо-лент, вылезających из аппарата с молоточной стукотней, с холодными и точными приказами, с отчетливо-отпечатанным матом, и той спокойной, превосходной грубостью, с которой старик Шорин умел говорить с теми, кого любил, кого гнал вперед или осаживал назад железной оперативной уздой.

Разве такого, как Азин, расскажешь? Любил, страстно любил свои части, любил и понимал всякого новобранца, извлеченного из-под родительских юбок – юнца с оттопыренными ушами под непомерной фуражкой, в шинели до пят, и с одной

мыслью: где бы бросить налитое тяжестью ружье? С такими умел воевать, с такими делал победы, голодал, валялся в тифу, и всю Россию прошел из конца в конец, чтобы после Камы и Волги, после Царицына и Саратова нелепо погибнуть под Перекопом чуть ли не накануне его взятия, бесславно погибнуть в плену, да еще оклеветанным белыми, распутившими слух о его измене Красной армии.

Это Азин – герой, солдат, пистолет, так воевал, так голыми руками в подкову согнул свою дивизию, таких чудес наделал и солдат, и комиссаров себе воспитал – что и после его смерти 28 дивизия оставалась Азинской, и на пыльные площади Баку, и к Грузинской, и к Персидской границе подошла своим старым походным шагом, пыльная, пестрая, оборванная, в лохмотьях и генеральских лампадах, боком, просто и железно сидя на своих низкорослых неизменных лошаденках, набранных от Перми и до Астрахани.

В этот вечер за чаем собеседники начали спор о героизме. Тема странная среди людей, давно привыкших к войне, и в большинстве награжденных всеми возможными знаками отличия.

Скептик в кожаной куртке, помешивая ложечкой в своем стакане, спокойно отрицал все признаки романтики в деле революции, ставшей для него ремеслом. Отличительная черта интеллигента: излечившись на фронте от фразеологии, он понемногу выздоравливает и мужает, счастливый, что может, наконец, без оглядки и сомнения подчиниться могучим и простым двигателям жизни. Чувство долга, братской солидарности, повиновения и жертвы становятся здоровой привычкой. И, боясь потерять это еще хрупкое внутреннее равновесие, интеллигент, ставший солдатом революции, крепко цепляется ногами за землю и без конца повторяет себе успокоительное «дважды два – четыре».

Слушая умного комиссара, солдат в генеральских эполетах потупил лукавые глаза и положил себе в стакан лишний кусок сахара. За последнее время вокруг его размеченных карт и твердых приказов все чаще жужжали вот такие же теоретические долгие беседы за полночь, суть которых он плохо понимал, но с бессознательной мудростью старого военного человека ежечасно опровергал всей своей работой.

Красным Орденом на груди – гордился, и читая сводки с фронта, между строк угадывал такую же, как у себя, ревнивую тоску о победе. Ни с какой стороны ко всему этому нельзя было применить того идейного середнячества, уравнения в сером цвете и торжества будней, которое сейчас, сидя пред Шориним, ровным голосом разрушало какой-то белый, высокий и праздничный строй его мысли. Азин, у которого на лице еще не потух гордый румянец стыда за какое-то незначительное поражение на фронте, рассказанное своей действительно бесплодной храбростью,

которую он считал обязанностью коммуниста и комиссара – оба они не решались говорить, наслаждаясь папиросой, и тем, что кто-то спорит, и можно молчать.

Но царапающая речь все больше и больше разрушала атмосферу тела, света и покоя, вообще редких в этих местах.

Казалось странным, что милая жизнь, каждый раз после опасности еще более любимая и желанная, кажется такой голой и серой этому спорщику, готовому свои собственные мозги распластать и облить кислотой в припадке холодного любопытства.

Особенно Азин: ноги у него еще болят от седла, во всем теле разлилась сладкая усталость от осени, от красных и золотых деревьев, от зелени лугов, цветущих последней яркостью, от добрых глаз и плавной походки верблюдов, влекущих через степь тростниковые повозки. Утром его чуть не убили в разведке, а вечером столько невозмутимой земли, воздуха, горьких, возбуждающих запахов осени.

И еще такая нежность, – он не мог вспомнить, к кому она относилась: к матросам ли, встреченным на берегу, пришедшим из царицынского плена с шрамами на горле или к письму, полученному так поздно и издалека. И вдруг кто-то тут сидит, отрицает сущность жизни, ее чудеса и дивный произвол. Отрицает героизм.

– «Ах ты»... Азин заметил чьи-то предупреждающие глаза – и из-за них не выругался. Хотелось взять карту, найти на ней красный цветок Республики, в течение двух лет одиноко цветущий среди всего мира и героически обороняемый истощенным и отсталым народом. Когда же жизнь была чудеснее этих великих лет? Если сейчас не видеть ничего, не испытать милосердия, гнева и славы, которыми насыщен самый бедный, самый серый день этой единственной в истории борьбы, чем же тогда жить, во имя чего умирать.

АСТРАХАНЬ–БАКУ

I

Дни шагают нестерпимо быстро, жизнь превращается в мелькающий сон, в котором смешались лица, города, новые земли.

Вот оно, наше близкое вчера: Астрахань, едва согретая ранней весной, с мягкой пепельной пылью, с нежнейшими бледными травами на бесплодных полях, с покинутыми старыми монастырями, вокруг которых блаженно цветут яблони и персики, белые и святые под небом, которое к ним нисходит для любви. Невозможно представить себе более торопливого, напряженного, молчаливо-

светящегося цветения, целого бело-розового пожара среди совершенно голых и неподвижных холмов Каспийского побережья.

Вот самый город – полуразрушенный и сожженный, голодный и оборванный, как бывают голы только нищие Востока; город, лишенный света и тепла, боязливо отогревающий под солнцем апреля свои отмороженные крыши, стены, насквозь пропитанные стужей и сыростью, свои давно потухшие, незрячие окна и трубы без дыхания. Но как дорог революции каждый камень астраханской мостовой, каждый поворот ее улиц, неровных и искривленных, как отмороженные пальцы. Каких невероятных трудов, каких жертв стоила Советской России Астрахань, эта ржавая и обезображенная дверь Востока.

Если защищался Петербург, защищался пламенно и единодушно, – то он этого стоил, со своими площадями, освященными Революцией, со своей надменной красотой великодержавной столицы.

Красный Кронштадт и петровское Адмиралтейство, Зимний дворец, в котором живут только картины и статуи, унылые заводы, в холоде и голоде продолжающие ковать оружие для Красной армии – они могут вдохновлять на сопротивление. Каждый шаг пролетарских войск, идущих умирать за Петербург, будит металлический отклик по всей России, он не забываем, не преходящ. Но сколько нужно мужества, чтобы защищать Астрахань. Ни любовь к этому городу, ни революционная традиция, – ничто кроме чувства долга, не поддерживало ее бойцов. А много ли найдется людей, способных во имя голого отвлеченного долга нести все тяготы войны в безлюдных, сыпучих, проклятых астраханских пустошах.

И даже не долг, даже не долг спас Астрахань: а общее и бессознательное понимание того, что уйти нельзя, что нельзя пустить англичан на Волгу и потерять последний выход к морю.

Вся Астрахань с ее голодом и героизмом запечатлелась в одной прощальной картине: ночью на заводе Нобеля рабочие, прожившие зиму без хлеба, без тепла и одежды, оканчивали, при ослепительном электрическом свете, спешный ремонт. В док подняли целого гиганта: железную баржу-батарею, поврежденную английской миной. На реке холодно и темно, но далеко сияет электрический маяк кузнецов, и среди бесчисленных подпорок на развороченное, пробитое тело корабля с лязгом и грохотом падают целительные удары молота. И так всю ночь. – Железо размягчается и припадает к железу; бешеные швы пересекают пробоины, и молодая сталь покрывает их несокрушимой гладью.

Это Астрахань и ее оборона.

Вот, наконец, и рейд, бледный, бурный, и остров кораблей, стоящих на якоре в открытом море. Ночью вдаль является зарево – на скудных астраханских берегах

горит камыш. На палубе судов отдыхают перелетные птицы, скрипят якорные канаты, и мачты, равномерно покачиваясь, описывают в воздухе ровные дуги.

II

От Астрахани до Петровска морем. Суда в кильватер проходят минные поля, минуют брандвахты, и, наконец, играя, идут совершенно свободными, бесконечными, навсегда открытыми глубинами. После трех лет речной войны море бросается в голову, как вино.

Матросы часами не уходят с палубы, дышат, смотрят и, сами похожие на перелетных птиц, вспоминают пути далеких странствий, написанные на водах белыми лентами пены. Как чудо, выходят из воды горы. Как чудо, проходит мимо первая баржа с мазутом для Астрахани, а корабли все еще наслаждаются: то ускоряют, то останавливают свой согласованный ход, и мачты пляшут, как пьяные, и люди не могут ни есть, ни спать.

III

От Петровска до Баку железная дорога лежит у подножия гор. И вдоль этих гор, вдоль дороги – непрерывный живой поток. В облаке легкой пыли идут люди, кони, повозки, артиллерия. И как ни величавы предгорья Кавказа, их фиолетовая тень меркнет в этом неустанном, жадном, быстром беге наступающих войск.

Дымясь, точно струя кипятку, двигается конница. Удивительная посадка, удивительный шаг у этих всадников и людей, прошедших Россию от Архангельска до Астрахани, от Урала до Каспия.

В Баку, перед тысячами и десятками тысяч зрителей, затопивших собой тротуары, плоские крыши, балконы и фонарные столбы, 1-го мая был дан торжественный парад.

Сперва продефилировали местные полки, добровольно перешедшие на нашу сторону – великолепно одетые англичанами, ими же обутые, накормленные и вооруженные. Все в облике этих национальных гвардейцев европейское. Идут очень в ногу, держатся прямо, ряды выведены, как по линейке. И даже лошади не по нашему круглы, сыты и крупны – не чета нашим горбоносым, маленьким, лохматым конькам, прошедшим тысячи верст своей легонькой бережливой рысцей. Нет, тут что ни всадник, то монумент от Николаевского вокзала. Пыль, грохот, музыка – и промчались, как дым. Балаханка блестит голубыми глазами и смеется: «Платком махнуть, и вся их войска разбежится. Одна прыть и видимость. Где же это наши?». И наши действительно идут. Запыленные, оборванные, почерневшие от солнца и усталости, но идут ровно и просто, без особенной муштры, настоящим походным

шагом, которым прошли всю Республику и предгорья Кавказа. Не торопятся, ни перед кем особенно не тянутся, никого не хотят удивить, – а земля гулом отвечает этому вольному и железному течению полков. Откуда он у них, этот классический шаг, любимый Цезарем, и тщетно искомый в тюремных казармах Европы? Каждый буржуа Баку и каждый рабочий из Балахан чувствует, поддаваясь неотразимому ритму упругих, вольно текущих масс, что их путь здесь, в Азербайджане, не остановится, что людская волна в пыли и пене докатившаяся до Баку, не спадет, но пройдет дальше, далеко за его пределы.

Со своим вином, блеском и богатством Баку не поглотило ни армии, ни ее духа. Солдаты и матросы гуляли по нарядным улицам с независимым видом, и их спокойное любопытство пугало буржуазию больше, чем пугали бы большевистские грабежи и насилия. Армия прошла дальше, на ближайший меньшевистский фронт. Ни разложения, ни распущенности. Богатый город, ожидавший победителя с психологией продажной женщины, – остался как-то в стороне. Его не тронули, почти не заметили.

Зато Черный Город и Балаханы ожили. На чистеньких улицах Баку все чаще видно выходцев из нефтяного квартала. Их бледные лица и промасленные лохмотья странно отражаются в нарядных витринах, за которыми навалены горы иностранных товаров. Правда, настоящей революции еще не было. Разница между нищетой и богатством, от которой мы успели за 3 года отвыкнуть, здесь выступает на каждом шагу. Нищета по-прежнему сочится из всех скважин, течет, как нефть, по всем сточным трубам, ею насквозь пропитаны улицы. Но Октябрь уже вошел в город, потерялся в темных закоулках предместий, и мусаватисты со злобой ждут близкой социальной бури. Уже три ночи город не спит. Возможно восстание, резня, попытка буржуазного переворота. Три дня прожектор с моря обливает ближайшие горы безжалостно-белым светом, ползает по трещинам и скатам, озаряет целые селения без жизни и движения, – память последней армянской или турецкой резни. О, пусть бы началась, пусть бы скорее началась славная наша игра. В тишине бескровной, как бы февральской революции, так душно дышать рабочим кварталам. Они не находят покоя, им снятся тревожные сны.

Только земля не знает тревоги. Ей стало легко – и блаженно спокойно. От закрытых нефтяных источников отвалили, наконец, камни, и из черных недр хлынули набухшие потоки. Как мать с переполненной грудью ждала она Россию, и теперь, когда к ее черным сосцам припали тысячи жадных губ, она дает бесконечно много, счастливая, раскрепощенная, вечно молодая земля. По толстым жилам-нефтепроводам живая влага хлещет в резервуары, и корабли не успевают вывезти миллионы и миллионы пудов.

БАКУ–ЭНЗЕЛИ

I

В Баку флот чинился и пил нефть, пополняя свои скудные запасы, вообще, нежился в роскошных верфях и обширных мастерских, как раненый, наконец, попавший в богатый тыловой госпиталь.

У кораблей заныли все старые, едва залеченные пробоины, залепленные бедными временными заплатами; их содрали и отремонтировали, наконец, по-настоящему, не считая каждой гайки и проволоочки, – не дрожа над каждой лишней каплей нефти.

Привыкший работать в скудных условиях Астрахани – флот за две недели Бакинского отдыха совершенно приготовился к походу на Энзели.

И утром 17-го мая любопытная толпа не нашла в заливе узких, неторопливых стрел-миноносцев, еще накануне так беспечно и царственно резавших стеклянное море.

Они ушли ночью, один за другим, с потушенными огнями, чтобы, встретившись ха голым островом Наргин, выстроиться и призрачной вереницей уйти на юг.

Через два дня стало известно о пленении всего белого флота, интернированного в персидской гавани Энзели, о капитуляции английских войск, занимавших этот порт, одним словом, об окончательном освобождении Каспийского моря, – отныне вольного Советского озера, огражденного кольцом дружественных Республик.

Так окончился трехлетний поход, начатый под Казанью и Свияжском, растянувшийся на тысячи верст – от обрывов и хмурых елей Камы до знойных прикаспийских солончаков, от глубоких волжских плесов – до мелкого, беспокойного, изменчивого Астраханского рейда, где корабли среди бесконечной морской шири выбивались к настоящей воде по мелям и минным полям, искусственным морским каналом.

Год тому назад волжско-камская флотилия стала сильным каспийским флотом, и теперь, взяв Энзели, закончив свою последнюю военную задачу, демобилизовала свои старые боевые корабли. Пушки стали исчезать с палуб, обшитых железом; трюмы, хранившие снаряды и оружие, открыли свои недра для нефти и риса. Один за другим старые бойцы сбросили тяжелый панцирь и ушли обратно в Астрахань уже не грозными «дредноутами», – а сильными рабочими судами, могучими буксирами, вожаками ленивых, до горла нагруженных барж, медленными караванами ползущих против течения к изголодавшемуся фабричному сердцу России. Но прежде, чем старые морские тяжеловозы, столько лет таскавшие пушки на своих мирных палубах, нажившие порок сердца благодаря артиллерийскому огню, потрясавшему

их крепкие машины, покинули бакинский рейд, так странно выделяясь своей темно-стальной окраской среди жаркой суеты залива – они сделали еще одно, большое и важное дело: кулаком, зашитым в броню, ударили по глухо-запертой двери Востока.

В Энзели английская колониальная политика столкнулась с реальными силами рабочего государства и потерпела поражение. 18-го мая 20-го года регулярные войска Великобритании впервые на Востоке были побиты в открытом бою и отступили, едва выкупившись от позорного плена. Не где-нибудь, а в Персии, скрученной всякими вымогательскими договорами, разоренной и ослабленной вынужденным союзом с Англией. И покидая берега Каспийского моря, англичане не смогли скрыть от злорадных глаз населения смешные и жалкие стороны своего скандального поражения. Уходя, они в хвосте обоза вытаскивали какие-то ванны (частное имущество майора), рояли и вообще культурные принадлежности. Весь город, бросив свои обычные дела, сидел на пристани, бросал в воду апельсиновые корки и наблюдал, как вчерашние высокомерные господа сегодня, по первому требованию русского командования смиренно грузились на катер и ехали на борт «Карла Либкнехта», чтобы как-нибудь выклянчить почетную капитуляцию.

Всем известно на веселом солнечном базаре, как сильно укачало англичан на русском миноносце, как они во время переговоров перегибались за борт, и на вопрос, «как могут страдать морской болезнью офицеры сильнейшей в мире морской державы» – принуждены были отвечать невнятными и неблагопристойными звуками и телодвижениями.

Ах, восточные люди наблюдательны, и раз заметив черты страха и слабости в своем вчерашнем владыке – никогда их не забудут.

В дыму душистых папирос уже текут нескончаемые насмешки и пересуды. Еще вчера согнутые в бараний рог – персы сегодня смотрят прямо в лицо иностранцам и не уступают им дороги.

И еще одно обстоятельство озадачило, а затем крепко привязало к Советской России персидских бедняков: русские, занявшие Энзели, пощадили индусов и тюркозов, людей «низшей расы», сражавшихся в рядах британского оккупационного отряда. Ни один европейский парламент, ни одно министерство иностранных дел не осквернили бы себя нотой по поводу исчезновения с лица земли нескольких сот «цветных». Надо было видеть ужас этих солдат, когда они оказались во власти страшных большевиков. Рослые, стройные, с бронзовым профилем богов – и с бедной, запуганной лесной душой – они плакали как дети, не надеясь на пощаду. И вдруг не только освобождение и жизнь, но такое спокойно-братское отношение, какого никогда не знала презренная англичанами Индия.

Многие из этих людей, участвовавших в штыковой атаке против десанта матросов, ушли нашими друзьями, и до своей рубиновой родины донесут отклик новой, преображающей мир, братской солидарности.

Лукавый и тучный губернатор Энзели, вежливый до приторности и осторожный, как грек, очень быстро и правильно оценил создавшееся положение: нанес официальный визит the bolsheviks, честно отдал дань морской качке и при помощи юркого переводчика допытывался: скоро ли дорогие гости покинут персидские воды или они думают осчастливить страну более длительным пребыванием...

Переводчик кланяется, губернатор облизывает лимон, и удерживая приступ слабости, тоже кланяется засахаренной улыбкой, кланяется блестящий командир флагманского миноносца Синицын, три года безукоризненно водивший свои миноносцы, кланяется Чириков в своем промасленном кителе, со своей спокойной физиономией старого морского волка, никогда и ничему не удивляющегося, кланяются дула орудий на палубе и насмешливые кончики мачт.

– «Нет» – отвечает командующий – нет, не беспокойтесь, господин губернатор. Восторженная встреча, оказанная морякам персидским народом, не позволяет мне думать о скором уходе. Мы не хотим вас обидеть – и остаемся».

Опять поклоны, ласковый губернатор, зеленея от качки и прилива гостеприимных чувств, исчезает за бортом.

– «И кроме того» – раздается ему вслед с высокого серого борта – «я ожидаю к себе на корабль вашего национального героя – Кучек-хана».

На берегу уже слушают первого оратора – перса. Внимание отливает толпу, как из бронзы. В живых и непринужденных позах первые ряды ложатся прямо на мягкую пыль у ног говорящего. Бронзовые, тонкие, исхудалые руки; сухие плечи, проступающие из лохмотьев, пыльные волосы нищих, повязанные старинной бисерной повязкой, даже великолепные бороды, окрашенные хной в огненный цвет (как у давно умерших царей) – все это в каменной неподвижности, в ненарушимом напряжении. Они не проронят ни слова, ни слова не забудут и с ясной простотой своего полудетского языка передадут их от соседа к соседу, от одного низкорослого кудрявого сада в другой, от водопоя к водопою, через пустынные нагорья и сыпучие пески до границ Индии и Месопотамии. Без радио и телеграфа здесь знают уже о таинственных и многолюдных сборищах на границах Афганистана, которым не могла помешать вся власть колониальной Англии; о бесплодной кровопролитной войне, которую приходится вести Великобритании в Египте – и под тесной рабской одеждой Иран начинает понемногу оживать: дышит и думает.

Самое трудное сделано: распалась великая вера Востока в непобедимость Англии, потеряно навсегда очарование ее золота, оружия и неслыханного высокомерия.

Революция на Востоке приходит, как женщина – с закрытым лицом, и вся, с головы до ног, завернутая пестрой тканью предрассудков и стеснительных узаконений. Восточный город долго и бесшумно тлеет, его гнев выстаивается, как вино, и как вино крепнет и хмелеет в тишине и прохладе.

Бедняк Персии лениво и насмешливо наблюдает пестрый поток жизни. Нужно совершиться чему-нибудь особенному, чтобы вывести его из мертвящей, томительной апатии. Первым из чудес, разбудившим северный Иран, было поражение англичан, вторым – появление в Энзели Кучек-хана и посещение им русского корабля. Еще задолго до его прибытия весь говор был полон этим именем. И когда все и вся вдруг сорвались с мест: торговцы бросили лавки; фанатики – свои молитвенные коврики; когда толпа бедняков облепила кого-то, высокого, далеко видного над тысячей голов; когда сам чистильщик сапог босыми смуглыми ногами влез на свой красный ящик, чтобы лучше видеть; когда из всех щелей и углов хлынула темная и жалкая нищета – пришел Кучек-хан. Старики падали в пыль, чтобы поцеловать его неподкупные, справедливые руки.

Последние три года Кучек прятался со своими верными в горах, и англичане напрасно сулили мешок золота за его голову. Вот она, эта оцененная голова.

На фоне ослепительного неба она кажется очень темной. Волосы, окружающие ее черным ореолом, сами собой ложатся отдельными, круто завитыми прядями, как на старинных персидских монетах. Глаза серьезные и простые – со всеми живыми оттенками металла и воды. Движения медленны и торжественны: Кучек три часа молился и спрашивал своего бога, прежде чем явиться в Энзели и навсегда связать свое имя с национальной революцией Персии. Но голос у этого лесовика, окруженного верными курдами в волчьих шапках, неожиданно тихий, мягкий и гибкий. Когда, выслушав переводчика, он наклоняет над европейским столом свое бронзовое чело, чуть улыбаясь некоторой условной торжественности этой встречи, по звуку его женственного голоса никак нельзя догадаться, что речь идет о передаче оружия, о славе Персии и ее возрождения.

II

Так близко от нас эта чудная страна, этот необычайно-родственный народ.

Стоит отвернуться от моря, оставить слева его совершенно-эмалевый проблеск, лежащий голубым челом между двух песчаных холмов на ковре из пены; – стоит оставить за собой бухту Энзели с ее японскими, крытыми лодочками и ядовитой водой – и в полях, полных сырости и роскоши, уже дышит, уже открывается Персия. Какие тайные и глубокие ароматы от первых же зарослей граната, от первых акаций, обрамляющих пастбища. Автомобиль отгоняет от дороги стадо чудесных черных

волов, горбатых, блестящих, с коричневой меткой между небольших, и, как брови, разогнутых рогов.

Мутный источник, как бы из жидкой глины, то подходит к самому шоссе, то отклоняется, чтобы омыть сухие и жадные корни плодового дерева, изгородь из тростника, и, наконец, дать пищу рисовым полям.

Изумрудными шахматами лежат в низинах эти поля. Вечером они кажутся чем-то опасным. В стоячих болотцах гаснет жгучая тропическая заря, и согнутые вдвое, вросшие в липкую грязь, фигуры женщин, работающих по колено в топи, выступают уродливые, как тени неизвестной звериной породы. Днем другое.

Вода почти спадает, и из нее, как сквозь стекло, выступают зеленые иглы риса. Так беспомощны худые ножки персидских девочек, осторожно переступающих от стебля к стеблю, не смеющих поднять от болота своих отуманенных глаз и запачканных рук. А солнце печет ровно, легко, как бы с улыбкой; величавые вершины едва шелестят, пьют и выдыхают благоухания, и к ним примешивается едва заметная, отливающая холодом, дрожь малярии.

На поворотах дороги первые персидские постройки: глиняные, с высочайшей тростниковой крышей, на воздушных подпорках.

Идя гуськом по краю дороги, возвращаются крестьяне. На гибких перекладинах несут вязанки сена, на плечах глиняные продолговатые кувшины, весла, сети, и влажные паруса. Лица, как из золота, с темными глазами, вдоль которых свешиваются ровно подстриженные надо лбом и на висках, одинаково спадающие до плеч, темные волосы. Чуждый язык, смуглая кожа, не по-нашему легкая, босая поступь, но лица знакомые. Не переставая идти, цветковые, бесплотно сухие, золотистые головы долго оборачиваются вслед автомобилю. Это крестьяне: они похожи на свой любимый рис: стройны от вечного труда, бедности и зноя, гибки, как бронзовые стебли, и ничем не напоминают жирный, белый и черный тип лавочника-перса, в полдень дремлющего на своих товарах в тени полосатого навеса.

Еще верблюды, целый их караван: с маленькой головой, увешанной от подбородка цветными кистями, с длиннейшими голыми шеями и ковровыми седлами. Мулы, едва-едва переступающие крепкими, как железные стаканчики, копытцами под тяжестью симметричных тюков. Розовые сады, рисовые болота, розовый ветер, таможня, и, наконец, Решт.

III

В окно протянуты ветви платана. Слышен крик птиц, пестрый и яркий, каким он никогда не бывает у нас на севере. Тысячи роз от солнца дымятся и горят сладким, душным огнем. Дом бывшего губернатора в них утопает. Окна, открытые на север, вдыхают утреннюю тень.

Несколько ковров по стенам, письменный стол, пол из лакированного светлого дерева, – вот кабинет наместника Решта, покойный, просторный. За столом сидит Кучек-хан. Сегодня он с нами прощается, и, обернувшись лицом к свету, даже не старается скрыть своих необычайных глаз, как обыкновенно делает, следуя инстинктивной осторожности восточного князя.

Утро сильное, свежее, несмотря на зной, хранящее в своем влажном венке росу и аромат – и Кучек спокоен и силен, как близящийся полдень. На нем скромная коричневая одежда, на рукавах и воротнике белое пятно, от которого еще темнее прекрасная голова. Как он сегодня печален, как его жаль почему-то, этого единственного революционера Персии, обреченного погибнуть в борьбе с англичанами или продажными ханами, на оружие которых он временно опирается.

Переводчик передает последние приветствия, и вдруг среди трагических масок, обращенных друг к другу на фоне кровавого ковра, – совсем детское, смешное и самодовольное: над городом поднялась старая приятельница каспийского флота – надутая, любопытная и зоркая «воздушная колбаса». – Сколько раз ее пузатое тело бабочки с оципантыми крыльями поднималось над берегами Волги, над Царицыном и Астраханью, высматривало и предупреждало, направляя огонь судов. Матросы к колбасе привыкли: под ней не страшно, она все видит.

И вот милый урод поднялся в эмалевом небе Персии и со своей высоты озирает тропические заросли, изумрудные поля и дороги, белее молока. Базар в панике: бегут мальчишки и муллы; верблюды, покинутые своими жожаками, испуганной толпой загромаждают мост. Колбаса производит ошеломляющее впечатление: весь авторитет революции, держась за землю тонким стальным шнуром, ходит под облаками, важно покачивается на ветру, занимает собой все небо – и кажется мне, веселая ее рожа показывает язык милым союзникам.

Кучек счастлив. – Из окна ему виден и взбудораженный базар, где среди чалм и волчьих шапок развеиваются матросские ленточки, и небо с белым аэро посередине.

На Востоке самая сильная вера – это вера в машину, в техническое превосходство Запада, – ею англичане сотни лет душили свои колонии. И вот, наконец, техника в руках персидского революционера и обращена против англичан, постыдно бежавших от Каспийского побережья.

Дребезжит телефон. – В 15-ти верстах от Решта завязалась перестрелка. Кучек прощается. За ним уходят его сподвижники: маленький, толстенький и умный командарм, самый левый и самый смелый человек в лагере, и комиссар финансов – в очках, с винтовкой за плечами, озабоченный жалованием для войск и гомоном нищих, провожающих Кучека прожорливой толпой.

Через полчаса машина летит обратно в Энзели – навсегда исчез тихий и твердо-кованный голос Кучека, его лицо древнеперсидского героя. – Когда мы встретимся опять, и где?

У шлагбаума последний матрос-доброволец, загорелый, полуголый, в своем просторном синем воротнике, кричит нам вслед веселое, дерзкое, неотразимое:

– «Даешь Тавриз!»

На полпути два всадника проносятся навстречу: индусы, бежавшие к нам от англичан. Бесконечно обрадованные лица, и сияющее, как их зубы в улыбке, приветствие – «за Советский власть» – и мимо, на бешеных лошадях.

На самом толстом буке, там, где дорога от болот поворачивает к рощам и холмам, обмакнув кисть в ведро с клеем, какой-то человек, весь в поту, сдвинув шапку на затылок, мажет кору столетнего гиганта – и первый советский плакат разворачивает свое красное полотнище в тропической чаще.

Тишина, густой, душистый воздух, стрекотание насекомых, безлюдная дорога, по которой лениво ползут сытые волы и верблюды – и на стволе старейшины лесов этот огненный знак мировой революции.

ПЕТЕРБУРГ

Вернуться в Петербург после трех лет революционной войны почти страшно: что с ним случилось, этим городом революции и единственной в России духовной культуры.

На военные окраины Республики доходили печальные слухи: холод, голод, Питер вымер, Питер обнищал, это мертвый город, оживающий только для отпора белым, ползущим к нему то от форта Красная Горка, то от Нарвы и Ревеля, то со стороны Польши. И что же? Он не только не умер, Петербург, но к строгости своих проспектов, к роскоши соразмерных пространств, охваченных гранитом, зеленью садов и поясами каналов, прибавил еще спартанскую скромность, пустынность, простоту, – тысячи неуловимых примет, свидетельствующих об отдыхе и перерождении города.

Отдыхают камни мостовой, опущенные робкою зеленью, освобожденные от гнета снующих толп, отдыхают когда-то смрадные кварталы, забывшие теперь о копоты и чаде, о гнусном запахе прелых торцов и облаках душной автомобильной гари.

Сады, не стесненные людьми, безумно и счастливо зарастают, глохнут, роскошно и празднично навестывая свои былые искалеченные весны. Синее Нева. Острова превратились в зеленый рай, где вместе отдыхают деревья, травы,

старинные, наконец, растворенные решетки оград, и тысячи больных детей, и тысячи измученных илотов труда.

Что же это, в самом деле? Запустение, смерть? Эта молодая свежесть северного лета среди домов, сломанных на топливо? Эти развалины на людных когда-то улицах, два-три случайных пешехода на пустынных площадях и каналы, затянутые плесенью и ленью, и осевшие на илистое дно баржи? Неужели Петербургу действительно суждено превратиться в тихий русский Брюгге, город 18-го века, очаровательный и бездыханный? Неужели смерть? Нет.

Есть последняя слабость, есть головокружительное изнеможение выздоравливающего, есть молчаливый отдых огромной гранитной сцены, с которой только что, рушась и громяхая, ушла целая эпоха, и куда еще робко и неуверенно вступает новая мировая сила.

Тишина Петербурга – это тишина больничной палаты в первые теплые дни; тишина Марсового поля после тяжелых боев, вместе с трудной победой узнавшего безмолвие братских могил.

Петербург не мертвый – в нем сохранилось то невыразимое, то лучшее, верно и крепко хранящее от гибели некоторые гениальные человеческие порывы, некоторые эпохи и памятники.

Последний красноармеец, дерущийся на одном из наших десяти фронтов, отлично это понимает: вот почему всякая попытка взять Петербург так невыносимо, так дико-больно сказывалась там, где-то на берегах Каспийского моря, в малярийных болотах, и мертвых, золотых песках Астрахани. Вот почему за Петербург молились, молились в пустоту, в отчаяние, в лицо смерти, как за самое дорогое и единственное.

Перерезанная по суставам Волга, парализованная Сибирь, охваченная гангренозным огнем Украина, отпадавшая от России гнилыми кусками, – никогда не вызывали такого гнева и бешеного энтузиазма, как угрожаемый Петербург – да, этот, безлюдный и дичающий, но осененный знаком вечности, – пролетарский Петербург.

**ИЗ ПОСТУПЛЕНИЙ
В САМАРСКУЮ ОБЛАСТНУЮ УНИВЕРСАЛЬНУЮ НАУЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ**

Афонин И.И., Постникова С.М. Первая мировая война. Восточная Пруссия в огне сражений. Калининград: Живем, 2014. 336 с.

В книге основное внимание уделено военным действиям на землях, ныне составляющих территорию Калининградской области, а также на пограничных территориях Белоруссии, Польши и Литвы.

Воробьева О.В. Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект. М.: Инфра-М, 2014. 202 с.

В монографии проанализированы важнейшие направления, формы и результаты культурной и просветительской деятельности российской эмиграции в США и Канаде в XX в.

Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / отв. ред. Л.Г. Протасов. М.: РОССПЭН, 2014. 555 с.

Научно-справочное издание по истории созыва Учредительного собрания как важнейшего рубежа в истории отечественной государственности.

Гончаренко О. Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. М.: Вече, 2014. 384 с.

В книгу вошли воспоминания генералов и офицеров русской армии о Первой мировой войне.

Дайнес В.О. Маршал Конев. М.: Вече, 2014. 512 с.

В книге на основе ранее опубликованной литературы и документальных источников раскрывается жизненный и боевой путь талантливого полководца Красной Армии Маршала Советского Союза И.С. Конева.

Кириш Ю. Под сапогом Вильгельма. Из записок рядового военнопленного № 4925. 1914–1918. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2014. 160 с.

Автор рассказывает о тяжелых условиях, в которых находились русские военнопленные, межнациональных отношениях, революционной агитации и политике немецкой лагерной комендатуры в отношении заключенных во время октябрьских событий 1917 года.

Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2014. 261 с.

В монографии на основе документов центральных российских архивов прослеживается динамика и выясняется характер отношений России с Японией в 1914–1918 гг.

Рейган Р. Англосаксонская мировая империя. М.: Алгоритм, 2014. 286 с.

В книге собраны лучшие статьи и выступления Рейгана и Тэтчер, показывающие причины, по которым США и Великобритания смогли победить СССР в «холодной войне» и создать всемирную англосаксонскую империю.

Россия в Первой мировой войне: 1914–1918: энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2014.

Научно-справочное издание включает в себя свыше 1400 словарных статей, раскрывающих самые различные аспекты участия России в Первой мировой войне. В энциклопедии использованы репродукции более тысячи редких фотографий и произведений графики.

Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / сост. С.М. Исхаков; отв. ред. Ю.Л. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций. М., 2014. 416 с.

Сборник статей подготовлен на основе материалов международной Научной сессии «Великая война 1914–1918 гг. и Россия», организованной и проведенной в Самаре 3–4 мая 2012 г. Научным советом Российской академии наук по истории социальных реформ, движений и революций, Фондом русской истории (Нидерланды) и Самарской областной универсальной научной библиотекой. В статьях показано влияние Первой мировой войны на экономические проблемы в России, на общественные настроения и политиков, на международные отношения и дипломатию.

Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов / сост. О.В. Зубова (отв. сост.), Г.В. Галыгина, В.И. Гольцов, А.В. Калягин и др. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2014. 732 с.

Издание представляет комплекс документов, отражающих жизнь Самарской губернии в годы Первой мировой войны, которые позволяют проследить, как менялось «провинциальное» отношение к войне, в какой степени ее последствия затронули массы населения типичной российской губернии, как проявлялись человеческие эмоции, из чего складывались протестные настроения.

Сафронов Ю. Дневник Верховского. М.: Вече, 2014. 496 с.

Публикация дневника капитана Генерального штаба Александра Ивановича Верховского, который является уникальным историческим документом, рассказывающим о том, что происходило на Балканах в дни, предшествующие покушению на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда.

Цветков В. Генерал Алексеев. М.: Вече, 2014. 544 с.

Книга рассказывает о талантливом военачальнике, авторе и разработчике военно-стратегических планов и операций Российской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны, генерале от инфантерии Михаиле Васильевиче Алексееве.

Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. / М. Алексеев, А. Колпакиди, В. Кочик. М.: Кучково поле, 2012. 976 с.

Справочник «Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг.» – плод многолетнего труда историков отечественных спецслужб. По количеству персоналий (1593) и объему информации о них книга превосходит все предыдущие публикации.